

СТАНИСЛАВ РУЗАНОВ

1991–1993. ИСТОРИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В РОССИИ

**Краткий курс истории социального противостояния
в ходе реформ в Российской Федерации —
от разрушения СССР
до расстрела «советского парламентаризма»**

Москва
2011

СОДЕРЖАНИЕ

К ИСТОРИ ВОПРОСА.....	4
ГЛАВА 1.	
«ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ»	
ИЛИ «КРИМИНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?	19
ГЛАВА 2.	
СОПРОТИВЛЕНИЕ: ОТ «НЕПРИМИРИМОГО» —	
К «КОНСТРУКТИВНОМУ».....	28
7 ноября 1991 —	
ответ «демократической» контрреволюции.....	30
23 февраля 1992: первая кровь.....	38
Вече советских народов:	
«упущенный шанс оппозиции».....	47
Объединенная оппозиция. «Коммуно-патриоты»,	
«красно-коричневые», «системные».....	50
ГЛАВА 3.	
КРИЗИС РЕЖИМА ЕЛЬЦИНА:	
ОТ КОНФРОНТАЦИИ С ПАРЛАМЕНТОМ К МЯТЕЖУ.....	61
ГЛАВА 4.	
НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ	
СЕНТЯБРЯ — ОКТЯБРЯ 1993 г. В МОСКВЕ.....	75
Октябрь 1993: что это было?	76
1. Социальный состав.....	81
2. «Защитники Верховного Совета».....	85
3. «Оборона Верховного Совета».....	88
«Этих дней не смолкнет слава...».....	95
Итоги «Черного Октября».....	106
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	108
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Слом советской государственности и	
социально-политический кризис в России 1991—1993 гг.	112
ПРИМЕЧАНИЯ.....	125

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Теме кризиса, развивавшегося в первой половине 90-х гг. посвящено немало количество исследований исторического, политологического и публицистического характера. Вместе с тем проблема социального протеста, достигшего своего апогея в сентябре-октябре 1993 г. в форме стихийного народного восстания в Москве, зачастую рассматривается исключительно только как эпизод в истории противостояния законодательной и исполнительной ветвей власти в лице Верховного Совета и президента, завершившегося разгоном, а затем и расстрелом парламента России. При таком подходе социальный протест вообще не принимается во внимание. Бывший председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов прямо заявляет в своих воспоминаниях: «Общество до такой степени не оформлено, слабо, что... стремительного падения жизненного уровня, полного обнищания, обострения социальных противоречий между очень богатыми и очень бедными оказалось недостаточно, чтобы оно вышло наконец в политику или на улицу (исключение составляют случайные толпы, собирающиеся на антиельцинских демонстрациях и состоящие из несчастных, стариков, обнищавших)»¹.

Ему вторит бывший президент России Б.Н. Ельцин: «Я могу понять их чувства, их органическое неприятие того, что сейчас происходит вокруг. Но подставлять их под милицейские дубинки, да еще доплачивать за это к пенсии?! Это уже не революционная романтика, а

откровенный цинизм. Это был не стихийный взрыв возмущения, а хорошо спланированная попытка нажима на власть... Я чувствовал, что меня пытаются запугать. Чувствовал наглуемую липу этих псевдонародных волнений. Чувствовал почерк родимого КГБ»². И Хасбулатов, и Ельцин говорят исключительно о конфликте «верхов». Только бывший спикер списывает всю вину за разжигание конфликта на авторитаризм Ельцина, который «приказал армии стереть с лица земли прекрасный дворец вместе с демократическим Парламентом»³, а сам Ельцин — на «Советы, составленные по партийным спискам... единой, непобедимой, могущественной КПСС»⁴, стремившейся вернуть свое утраченное господство.

Скептическое отношение и Хасбулатова, и Ельцина к протестным выступлениям в обществе вполне ожидаемо и легко объяснимо. Ответственность за «либеральную революцию» в экономике («приватизация» и «шоковая терапия») равно лежит как на президенте, так и на Верховном Совете, без одобрения которого осуществить экономические реформы в тот период было бы невозможно. Вот почему каждой из сторон крайне выгодно представить события 1992—1993 гг. как «схватку богов на государственном Олимпе»⁵, а общество низвести до уровня «прохожего», «уличного зеваки», который, «раскрыв рот» наблюдал за происходящим⁶. Что же касается кровопролития в Москве (разгон массовых манифестаций 23 февраля 1992, 1 мая 1993, избиение безоружных пикетчиков у Останкинского телецентра летом 1992, расстрел манифестантов в Останкино и у здания парламента 3-4 октября 1993), — то вся ответственность за него возлагается исключительно на «красно-коричневых экстремистов» «Трудовой России» или «Фронта национального спасения»⁷.

Объективное независимое исследование природы и характера народного сопротивления курсу реформ после событий октября 1993 г. долгое время было крайне затруднительно по вполне понятным причинам. У президента, его окружения, а также у обслуживавших власть влиятельных представителей СМИ еще не прошла эйфория «победы» над «мятежным парламентом». Сопротивление курсу либеральных реформ казалось сломленным, а сами реформы трактовались не просто как возврат общества «с абсолютно тупикового пути на путь в своем потенциале единственно перспективный»⁸, но и как необратимый процесс общественного развития.

Занять критическую по отношению к действующему режиму позицию, означало неизбежно занести себя в «ретрограды» и противники «естественного пути» развития России. Тем не менее, весьма примечательно, что именно в период с 1994 по 1999 гг. появляется множество воспоминаний, свидетельств очевидцев, а также многочисленных работ аналитического плана, близких к оппозиционному флангу. Как правило, все они посвящены преимущественно октябрьским событиям в Москве.

Отставка президента Ельцина и его последующий уход из политической жизни страны в декабре 1999 г. во многом способствовали ослаблению социального напряжения в обществе. Началось критическое переосмысление политического «наследия» «эпохи Ельцина». Более того, тяжесть этого «наследия» оказалась настолько ощутимой для общества, что с критическими заявлениями в адрес бывшего президента выступили даже те, кто в самом начале 90-х позиционировали себя как ярые апологеты его политического режима. Усилилась дискуссия о результатах курса, проводившегося в России после антисоветского государственного переворота 1991 года. При этом общественное мнение чаще всего склонялось в сторону критиков бывшего президента. Наконец, политический преемник Б.Ельцина президент В.В. Путин, «при всей своей осмотрительности и уважительном тоне, неизменно проявляемом к предшественнику»⁹, в официальном «Послании Федеральному собранию» в мае 2006 г. сделал весьма ценное признание: «С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд»¹⁰. За этими словами из президентского «Послания» скрывается вопрос: не стоят ли за социальным кризисом начала 90-х причины, «отнюдь не случайные, и способные на очередном витке политической борьбы поставить нас перед лицом еще более страшных событий»¹¹.

Бурные события 1992—1993 гг. были подготовлены и явились закономерным следствием всего предшествующего периода в жизни нашего Отечества, прошедшего под знаком глубоких социально-политических перемен, открытых «перестройкой» в СССР. Социальная катастрофа, связанная с распадом СССР, ликвидацией социалистических отношений и стремительным переходом общества на капиталистический путь развития, стала решающим фактором обострения, а

в итоге, социального взрыва в обществе. «Великие надежды» нашего народа, связанные с «эпохой перемен» так и не были реализованы, а распад единого государства привел к разрушению привычного уклада в жизни миллионов людей, к резкой смене системы ценностей, являвшихся незыблемыми для целых поколений советских людей.

Именно эти реалии повлияли не только на формирование социального недовольства значительной части общества, но и на создание социальной базы оппозиции в начале 1990-х. Так, если до 1992 г. формирование оппозиции идет преимущественно «слева», то уже с 1992 г. к оппозиционному движению переходит также значительная часть социальной базы Ельцина, поддержавшей в 1991 г. «демократический» переворот, но вставшей под знамена оппозиции в результате резкого ухудшения своего положения в ходе либеральных реформ. Примечательно, что именно к этому периоду (1992—1993) относится формирование уникального в своем роде тактического альянса сил радикальной коммунистической и патриотической оппозиции, который выразился в проведении совместных массовых уличных акций, и получил в среде «реформаторов» пренебрежительно-тенденциозное наименование «красно-коричневых». При этом подлинное содержание и назначение этого союза, его цели, требования и социальная база, как правило, не раскрываются.

Следует особо отметить, что именно в период 1992—1993 гг. значительное влияние на развитие политической ситуации в России оказывает такая значимая категория как «улица». Тот факт, что «улица» стала весомым политическим субъектом и зачастую действовала самостоятельно, указывает пример событий 3 октября 1993 г., когда «критическая» масса манифестантов прорывает блокаду Дома Советов и штурмует мэрию. Для руководства Верховного Совета во главе с Р.И. Хасбулатовым и А.В. Руцким это было не только неприятным «сюрпризом», но и прямо противоречило их стремлению решить исход противостояния в ходе переговоров при посредничестве Московского Патриархата. Народное восстание в Москве и Руцкой, и Хасбулатов вынуждены были принять постфактум. Однако, даже по беглому анализу требований его участников, очевидно, что стихийное выступление вышло за рамки «защиты парламента» (как пытается представить это Хасбулатов), принимает характер защиты Конституции и законности, и, фактически, восстановления Советской власти в полном

объеме, выраженного в основном лозунге манифестантов «Вся власть — Советам!»

Феномен «улицы» напрямую связан с появлением ряда влиятельных и самобытных политиков: Виктора Анпилова, Ильи Константинова, Альберта Макашова, Виктора Алксниса, Станислава Терехова, Сергея Бабурина и даже Владимира Жириновского. В меньшей степени это касается Геннадия Зюганова, который являлся скорее «продуктом» политических технологий с целью перевести социальный «уличный» протест масс в русло «мирной» парламентской борьбы и «конструктивного диалога» с властью. Именно на площадях, во время многочисленных митингов и манифестаций (проводившихся тогда, как правило, под эгидой «Трудовой России»), эти политики проходили апробацию народом и становились широко известными.

Масштабы и опыт массовых выступлений оппозиции в 1992—1993 гг. вне всяких сомнений остались в сознании народов России. Опыт таких акций, как «марши голодных очередей» и «пустых кастрюль», «Всенародное Вече» на Манежной площади, осада Останкинского телецентра, апробированных в начале 90-х, будет в дальнейшем служить примером для политической оппозиции в России. Более того, отголоски многих из них можно услышать и сегодня. Достаточно вспомнить, как в 2007—2008 гг. представители антипутинской коалиции «Другая Россия» во главе с Эдуардом Лимоновым и Гарри Каспаровым отметились проведением в ряде крупных городов России (Москва, Ленинград) шумных уличных акций, получивших название «марши несогласных», которые выдавались ими за собственное «ноу-хау» в политике. Примечательно, что после одного из таких «маршей» в Ленинграде (март 2007 г.), завершившихся «прорывом» небольшой группы демонстрантов на Невский проспект, лидер «Объединенного гражданского фронта» (ОГФ) Гарри Каспаров заявил не просто о «несомненном успехе акции», но даже поспешил подчеркнуть, что она является «крупнейшим выступлением оппозиции после 1993 г.». Стремление «поднять» пресловутые «марши» до уровня массового протеста начала 1990-х вполне очевидно. Кроме того, без анализа событий 1992—1993 гг. разобраться в перипетиях дня сегодняшнего российской политики иногда просто не представляется возможным.

Несмотря на крайнюю актуальность, а также на обширнейшую источниковую базу, проблема социального протеста в России в начале

90-х гг. является мало изученной в отечественной (не говоря уже о западной) историографии.

Из имеющихся групп источников можно выделить, **во-первых**, многочисленные документы официального происхождения:

а) правительственные указы, постановления органов государственной власти всех уровней о мерах по организации массовых акций оппозиционных партий и движений, сводки правоохранительных органов, отражающие динамику роста социального протеста в обществе;

б) документы партийных и общественно-политических организаций (резюльюции, официальные заявления, листовки). К источникам политического происхождения можно также отнести выступления и заявления лидеров различных партий и общественно-политических движений, сделанные как в официальной прессе, так и в ходе многочисленных акций;

в) материалы различных следственных комиссий и независимых фондов, осуществлявших расследования или собиравших информацию, касающуюся характера социального противостояния в обществе.

Говоря о данной категории источников, необходимо особо выделить: «Материалы парламентских слушаний» о событиях 21 сентября — 5 октября 1993 г., изданные парламентской комиссией по расследованию событий в Москве¹²; Доклад правозащитного центра «Мемориал» «Нарушения прав человека в ходе осуществления режима чрезвычайного положения в Москве в период с середины дня 4 октября до 18 октября 1993 г.»¹³, представленный вниманию широкой общественности в апреле 1994 г. К этой же категории следует отнести официальную стенограмму Шестой сессии Верховного Совета Российской Федерации, выпущенную специальным «Бюллетенем № 30»¹⁴ в мае 1993 г. В данном «Бюллетене» содержатся показания депутатов Верховного Совета России, а также представителей московских властей и федеральных министров (в частности, министра МВД В.Ерина) о характере произошедших в Москве событий 1 мая 1993 г. особо следует отметить сборник «Кровавый май. Очевидцы рассказывают»¹⁵. В сборнике, изданном на средства участников движения «Трудовая Россия», а также свидетелей и пострадавших в результате первомайских событий 1993 г. в Москве, представлены свидетельства очевидцев произошедшего, комментарии народных депутатов, лидеров оппозиционных партий и движений. Кроме того, в этом же сборнике публикуются ре-

шения сессии Моссовета, посвященные расследованию разгона майской манифестации, а также материалы, касающиеся похищения одного из лидеров оппозиции В.И. Анпилова накануне массовых выступлений 9 мая в Москве. Здесь же уместно упомянуть и «Доклад в Государственной Думе по вопросу отрешения от должности президента РФ Б.Н.Ельцина»¹⁶, подготовленный председателем думской комиссии по импичменту Ельцину депутатом В.И. Илюхиным.

Отдельного упоминания требует сборник документов «Москва. Осень—93. Хроника противостояния»¹⁷. В данном сборнике отражается официальная позиция российских властей на события сентября — октября 1993 г. в Москве, содержится большое количество материалов, как кремлевского аппарата, так и аппарата противостоящей ему стороны — Верховного Совета. Кроме того, здесь содержатся многочисленные отклики правительственных средств массовой информации, выступления общественных и культурных деятелей, дающих собственную оценку и видение событий в столице России.

Вместе с тем, сборник «Москва. Осень—93. Хроника противостояния» являет собой характерный пример того, как события сентября — октября 1993 г. интерпретировались представителями правящего режима. Практически отсутствует позиция и взгляд на трагические события в Москве противоположной стороны. На деле мнение оппонирующей стороны дается исключительно в интерпретации самих авторов сборника, и основывается на тенденциозных представлениях об антипрезидентской оппозиции. Более того, явное стремление обелить действия президента, априори исключает взвешенную правовую и моральную оценку государственного переворота, осуществленного в России в сентябре 1993 г.

Во-вторых, источники, представленные в различных справочных изданиях (некоторые из них могут быть отнесены и к разряду историографических материалов, так как содержат также данные аналитического и политологического плана). Это, прежде всего, тематический сборник «Политический экстремизм в России», подготовленный экспертно-аналитическим правозащитным центром «Панорама»¹⁸. В нем содержатся как ценные материалы источниковедческого плана, так и аналитические данные, относящиеся к проблеме социального протеста (формы, методы, выражения) и реакции на них со стороны властей. Кроме того, в сборнике представлены подробные материалы,

касающиеся истории становления оппозиционных партий и движений в России, а также биографические данные наиболее известных деятелей российской оппозиции.

Также следует упомянуть справочное издание «Политическая Россия сегодня» под редакцией А.С. Барсенкова, составленный незадолго до обострения политического кризиса в марте 1993 г. В нем представлены политические биографии представителей исполнительной власти, лидеров партий и движений, обширно представлены сведения, касающиеся их политических взглядов и позиций по важнейшим вопросам жизни страны. Сборник «Система многопартийности в современной России (Очерк истории)», составленный В.Н. Красновым, содержит данные о партиях и движениях постсоветской России, отражает процессы становления и развития многопартийности в России 1992—1995 гг.

Отдельно необходимо упомянуть сборник «Россия—2000. Современная политическая история (1985—1999)»¹⁹, подготовленный издательством движения «Духовное наследие» под редакцией бывшего депутата Государственной думы РФ А.И. Подберёзкина. В двухтомном сборнике представлены хроника и аналитика политического процесса в России, начиная с начала «перестройки» и вплоть до сегодняшнего дня.

Третью категорию источников составляют свидетельства и показания непосредственных очевидцев и участников событий, относящихся к изучаемому нами периоду. В их числе — как свидетельства очевидцев, опубликованные в отдельных изданиях (например, издание «Площадь Свободной России. Сборник свидетельств о сентябрьских-октябрьских днях 1993 года в столице России»²⁰ под редакцией А.Колганова), так и свидетельства, представленные в различных публикациях в средствах массовой информации (в том числе в Интернете).

Четвертую категорию составили воспоминания участников политического процесса 1992—1993 гг. В первую очередь мемуары Б.Н. Ельцина «Записки президента», в которых находят отражение события всего периода 1992—1993 гг. В воспоминаниях бывшего председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатова «Великая российская трагедия»²¹ события сентября-октября 1993 гг. становятся центральным сюжетом повествования. События социального кризиса в России предстают исключительно через призму «конфликта правящих элит», а сам Хас-

булатов становится центральной фигурой, включенной в орбиту острейшего противостояния «верхов», и одновременно — его жертвой. Несколько книг воспоминаний издал бывший вице-президента России А. В. Рудкой (в том числе, протоколы допросов в ходе расследования событий 1993 г.). Необходимо отметить воспоминания бывшего начальника охраны президента А. Коржакова («Ельцин: от рассвета до заката»)²² и пресс-секретаря Ельцина В. Костикова («Роман с президентом»)²³. Данные воспоминания объединяет одно общее обстоятельство: они были написаны и изданы после удаления и Коржакова и Костикова из ближайшего политического окружения Ельцина, а потому авторы (в особенности, Коржаков) стремятся либо откровенно «развенчать» своего бывшего патрона, либо (как Костиков) — указать на его слабые места, сказавшиеся на провале президентского курса и «демократической революции» в целом. В этом же контексте следует упомянуть книгу бывшего гендиректора российского телевидения О. Попцова «Хроника времен царя Бориса».

Деятели российской оппозиции также отметились рядом автобиографических и аналитических работ, в центре внимания которых — знаковые события социального противостояния 1992—1993 гг., история зарождения и развития движения социального протеста начала 90-х (в особенности, его «уличного» этапа).

В. И. Анпилов стал автором ряда произведений автобиографического и публицистического характера (книги «Наша борьба»²⁴ и «Постижение свободы»²⁵, охватывающие весь изучаемый нами период, а также книга «Поднять живых»²⁶, в которой представлены тематические статьи политико-публицистического плана и выступления Анпилова разных лет); воспоминания генерала А. М. Макашова «Присяге и знамени не изменил»²⁷ (2004 г.) содержат ряд интересных подробностей о характере и ходе московского восстания сентября — октября 1993 г.; ряд статей В. И. Скурлатова, руководителя партии «Возрождение», посвященные событиям 1992—1993 гг., (опубликованы в основном в Интернете); книги и статьи писателя Э. В. Лимонова, фрагменты которых в начале 90-х гг. неоднократно публиковались на страницах газет «Советская Россия» и «День». В числе наиболее интересных книг Лимонова, написанных в период социального кризиса в обществе или ему посвященных, назовем следующие: «Убийство часового (Дневник гражданина)»²⁸, «Лимонов против Жириновского»²⁹, «Моя полити-

ческая биография»³⁰, а также репортаж «Ночи мятежного дома», сделанный для газеты «День»³¹ в самый разгар народного восстания сентября-октября 1993 г. в Москве.

Следует отметить, что материалы писателя Лимонова представляют крайне интересный вид источника. Как известно, в конце 1991 г. Лимонов вернулся на родину из эмиграции и самым активным образом включился в политическую жизнь страны, пытаясь найти свое место в оппозиционном фланге. В отличие от западной аудитории, знавшей писателя Лимонова по скандально известным романам, типа «Это я — Эдичка», для соотечественников Лимонов был известен многочисленными статьями патриотического плана в оппозиционной прессе (в особенности, в «Советской России»), в которой начал печататься с конца «перестройки». Будучи свидетелем ярких эпизодов сопротивления, а также благодаря своему личному знакомству с известными политическими деятелями того периода — от Анпилова до Баркашова и Жириновского, Лимонов предельно скрупулезно воспроизводит наиболее характерные примеры взаимоотношений между лидерами оппозиции, пытается трактовать причины тех или иных действий или бездействий с их стороны, а главное — эмоционально и ярко воспроизводит психолого-идеологический фон, на котором происходили наиболее значимые эпизоды движения сопротивления.

В числе прочих нужно отметить книгу экс-чемпиона мира по тяжелой атлетике Ю.Власова «93-й. Год великого поражения»³² (статьи 1989 — 1993 гг.), а также целый ряд достаточно содержательных, на наш взгляд, мемуаров бывших народных депутатов РСФСР. В их числе — В. Исаков, А. Грешневилов³³ и др.

К пятой категории источников относятся материалы российской прессы различной политической ориентации — от проправительственных газет и журналов («Аргументы и Факты», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», и др.) до оппозиционных изданий («День», «Молния», «Правда», «Советская Россия», и др.).

Отдельную категорию источников составили свидетельства, взятые автором у непосредственных участников событий 1992—1993 гг. в виде интервью. Среди интервьюируемых — как «рядовые» различных общественно-политических движений, так и непосредственные протагонисты ключевых событий периода 1991—1993 гг., руководители

оппозиции. Среди них, лидер движения «Трудовая Россия» В.И. Анпилов, бывший народный депутат Верховного Совета сопредседатель «Фронта национального спасения» И.В. Константинов, председатель «Союза Офицеров» С.Н. Терехов, председатель Верховного Совета РСФСР в 1991—1993 гг. Р.И. Хасбулатов, член ЦК РКРП В.И. Гусев, и др.

Как мы уже отмечали, историография данной проблемы крайне бедна. Тем не менее, можно выделить следующие группы исследований:

1) общего плана (аналитические сборники), обзор психолого-политических аспектов истории постсоветской России, повлиявших на формирование протестного движения масс. В их числе — труд профессора МГУ Б. Хорева «Итоги двух лет «курса реформ»: демографическая трагедия России»³⁴, а также аналитический сборник «Россия у критической черты: возрождение или катастрофа»³⁵ (М., 1997). В сборнике отражена динамика изменения общественного мнения (отношение граждан к реформам или личности президента), отразившаяся на раскладе политических сил в обществе.

2) труды, посвященные проблемам политики президента и его команды. Среди них: Л. Шевцова «Режим Бориса Ельцина»³⁶, итальянский исследователь Антонио Рубби «Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России»³⁷.

3) труды, посвященные собственно событиям сентября-октября 1993г.

В данной группе источников выделяется книга публициста Олега Мороза «Хроника либеральной революции. Как удалось отстоять реформы?»³⁸. Необходимо отметить, что в отличие от многих исследователей событий социального кризиса в обществе, замыкающих проблему социального противостояния в обществе исключительно на перевороте 1993 г., О. Мороз рассматривает историю противостояния, начиная с 1992 г., и затрагивает ряд аспектов изучаемой нами проблемы (в частности, формирование оппозиции и рост недовольства политической президентом). Также необходимо отметить работу Семена Чарного «Тайны октября 1993»³⁹. В своей книге С.Чарный не скрывает своих взглядов, трактует рассматриваемые нами события с позиций человека, придерживающегося «демократических» убеждений, а потому вполне осознанно занимает позицию одной из сторон в конфликте в ходе

исследования. Заслуживает внимания сборник аналитических статей, посвященных государственному перевороту 1993 г. — «Октябрь 1993. Хроника переворота»⁴⁰. Данный сборник издан под редакцией Глеба Павловского как приложение к журналу «Русский мир» (1994 г.). Авторы выступают в поддержку законности и конституционного строя, попорченного президентом Ельциным. Интересный взгляд на события 1993 г. представлен в книге М. Назарова «Тайна России. Российско-американская совместная революция»⁴¹. Данная книга написана человеком, придерживающимся «державнических» убеждений, являвшихся достаточно распространенными среди широчайшего среза оппозиции в тот период.

Говоря об историографии сентябрьско-октябрьских событий в Москве, необходимо подчеркнуть, что за последние 10 лет, эти события стали предметом многочисленных мифов и домыслов с обеих сторон. В качестве наиболее характерного примера можно привести две работы: «Хроника либеральной революции» публициста либеральной ориентации Олега Мороза и «Анафема. Хроника государственного переворота (записки разведчика)»⁴² Ивана Иванова, представляющего «патриотический» фланг. И то и другое издание, по утверждениям авторов, основывается на реальных документах. Мороз приводит интервью с «героями» «либеральной революции», а также официальные документы, собственные дневниковые записи и публикации в прессе, относящиеся к периоду 1992—1993 гг. Иванов ссылается на якобы вынесенные из горящего Дома Советов записки адъютанта «белодомовского» министра Владислава Ачалова (что, впрочем, само по себе достаточно сомнительно: все материалы изымались у участников событий при обыске). В результате, и Мороз, и Иванов, объективное расследование подменяют творчеством многочисленных мифов, существенно искажающих реальную картину событий. Причем делают это, надо полагать, весьма сознательно. Т.к. первый — стремится обелить процесс «либеральной революции», которую во что бы то ни стало требовалось защитить от «наскока консерваторов». О. Мороз сознательно раздувает так и не подтвердившиеся впоследствии многочисленные мифы, активно использовавшиеся «демократическими» СМИ: о наличии «боевиков» из Приднестровья и Абхазии в колоннах демонстрантов в качестве «ударной силы» для столкновений с органами общественного порядка, слухи о поставках спиртного в палаточный горо-

док в Останкино, а также надуманно искажает наиболее драматичные эпизоды конфронтации общества и власти.

Иванов также вносит существенную сумятицу в историографию октябрьских событий, только делает это сходя из других соображений. Дело в том, что сразу после поражения народного восстания в Москве, многие из участников тех событий, будучи не в силах объяснить причины поражения, предпочли выявлению подлинных его причин поиск виновных в своих же собственных рядах. Как правило, «виновными» стали те, кто пытался поднять восстание на оперативный уровень и организовать оборону парламента. Именно представители «патриотического» направления, к коим и относит себя «разведчик Иванов», привнесли в историографию (и в последующее описание тех событий) неоправданную идеализацию ряда руководителей парламента, народных депутатов и силовых министров «патриотической» или даже «державной» ориентации. Именно последним, как правило, противопоставляются «уличные» «коммунистические вожаки экстремистского толка» (прежде всего, В.И. Анпилов), якобы ставившие собственные амбиции превыше всего, а потому готовые положить массы безоружных под гусеницы танков.

Кстати, именно после публикации «Анафемы» в массовом сознании прочно укоренился миф о том, что инициатива «похода на Останкино» принадлежала лидеру «Трудовой России» Анпилову. Непосредственный руководитель «похода» генерал Макашов был выведен из—под огня критики, что было продиктовано конкретной политической конъюнктурой. Дело в том, что время выхода «Анафемы» (первая его публикация относится к 1994 г.) было отмечено укреплением в политической жизни России КПРФ Геннадия Зюганова. Именно тогда председатель Компартии РФ Зюганов развернул активную «аппаратную» борьбу за влияние и лидерство в оппозиционном движении страны с «Трудовой Россией» Виктора Анпилова, находившегося в тот период в следственном изоляторе «Лефортово» за участие в обороне Верховного Совета. Списывать всю вину за провал останкинского похода на генерала Макашова было не уместно — он являлся членом президиума ЦК КПРФ (и к тому же именно генерал предложил кандидатуру Зюганова на пост председателя партии). Таким образом, именно в этих условиях родился и всячески подпитывался миф о «виновности» Анпилова в останкинской трагедии. Впоследствии многие эпизоды «Анафемы»

легли в основу романа Александра Проханова «Красно-коричневый». Данное произведение главного редактора газеты «Завтра» и одного из ведущих идеологов Народно-патриотического союза России стало кульминацией мифотворчества о «черном октябре».

Мы уже упомянули, что важную роль в искажении (или неточной интерпретации) событий 1992—1993 гг. играет политический фактор. Надо понимать, что многие исследования, воспоминания или свидетельства о тех событиях принадлежат людям, имевшим самое непосредственное отношение к государственному перевороту 1993 г. Причем, многие из этих воспоминаний относятся к периоду, когда непосредственные организаторы вооруженного мятежа продолжали находиться на вершинах властного Олимпа страны. Весьма характерен пример, связанный с воспоминаниями генерал-лейтенанта Андрея Дунаева, бывшего заместителя министра МВД России при Ельцине. В книге «МВД в лицах»⁴³ (автор — генерал милиции Владимир Никитин) приводится рассказ Дунаева о «спецоперации» по похищению В.И. Анпилова накануне 9 мая, предпринятого с санкции министра внутренних дел. Книга Никитина увидела свет в 1998 г., и в ней Андрей Дунаев говорит о данной «спецоперации» в осторожных тонах. В частности, он упоминает об имевшемся плане по «нейтрализации» Анпилова исключительно на период майских праздников. Однако в более позднем интервью газете «Аргументы и Факты» (октябрь 2004 г.), Дунаев прямо говорит об имевшемся приказе министра МВД Ерина по устранению одного из лидеров «непримиримой оппозиции».

Особо отметим ряд монографий и научных статей как отечественных, так и западных историков и политологов, относительно природы политического режима в России в начале 90-х, а также проблем общетеоретического плана, касающихся перехода общества от государства социалистического типа к «правовому» буржуазному. Среди них — коллективная авторская монография «Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе», затрагивающая проблематику переходного периода, статья В.Сафронова «Потенциал протеста и демократическая перспектива» в «Журнале социологии и социальной антропологии», посвященная проблеме «институализации» власти после «бархатных революций»⁴⁴. В данной статье особо затрагивается проблема «полевения» протестных масс после изменения политического режима в России. Статья Л. Бызова «Перестройка XX лет спустя.

Когда окончится перестройка?»⁴⁵ развивает уже упоминавшуюся тематику, затрагиваемую в двух предыдущих работах. Также в этом ряду необходимо упомянуть труд А.В. Шубина ««Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР»⁴⁶ и С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация»⁴⁷.

Не лишним будет вспомнить и о работах, посвященных общеправовым и историческим проблемам развития государственности и народовластия в России. Приведем несколько из них: А.И. Лукьянов «Переворот мнимый и настоящий»⁴⁸, коллективная монография «Самоуправление крестьян в России (XIX – начало XXI в.)»⁴⁹, подготовленная преподавателями МГУ Ю.С. Кукушкиным и Н.С. Тимофеевым, авторская монография «История государства и права России»⁵⁰ под редакцией С.Г. Кара-Мурзы и др.

Таким образом, основная задача настоящего исследования – преодолеть устоявшееся суждение о «движении сопротивления» начала 90-х как о «реваншистском» явлении, в основе которого лежало стремление «консервативных сил» вернуть утраченное после «демократической революции» в России господство.

Наша цель – показать самостоятельный характер процесса сопротивления насильственному курсу капитализации страны, определить этапы социального противостояния в обществе и его влияние на развитие политического процесса в стране. Одновременно с этим, необходимо определить характер, цели и задачи, стоявшие перед широким протестным движением, определить его социальную базу и формы выражения. Также следует обозначить основные итоги выхода из острого социального кризиса 1992–1993 гг., показать влияние протестного потенциала общества на формирование новых политических реалий в России после октября 1993 г.

ГЛАВА 1. «ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ» ИЛИ «КРИМИНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»?

Период 1992—1993 гг. — от начала «либеральных реформ» до разгона Верховного Совета осенью 1993 г. — стал переломным этапом в истории постсоветской России. Он происходил под знаком глубоким системных перемен, обусловленных целым рядом важнейших политических, экономических и социальных факторов, вызвавших резкое изменение в жизни страны. К этому времени прекратило свое существование первое в мире государство рабочих и крестьян — Союз Советских Социалистических Республик. Распался социалистический лагерь, его мощные военные и экономические структуры — блок Варшавского Договора и Совет Экономической Взаимопомощи. Обществу, находившемуся на пороге острого социально-экономического кризиса, стартовавшего на исходе «перестройки» в СССР, предстоял трудный и мучительный переход к системе рыночных отношений. Поспешный и противоречащий воле и интересам большинства советских народов «ропуск» союзного государства, привел к острейшей проблеме беженцев. Миллионы граждан «новой» России, проживавших на территории некогда единого союзного государства, автоматически превращались в изгоев, не вписавшихся в квази-государственность бывших советских республик, ставших в одночасье «суверенными». На территории бывшего Советского Союза полыхали острые межэтнические конфликты. Однако мира не предвиделось и в самой России.

Первый год своего самостоятельного развития страна встречала в атмосфере социальной напряженности и неуверенности. В России начинался этап «радикальных» преобразований, заявлявшийся российским руководством во главе с президентом Б. Ельциным как единственно возможный выход из того социального и экономического «тупика», в который завела общество «командно-административная» система. Это был этап реформ, внедривших в экономику страны рыночные, частнособственнические начала, в политическую систему страны — принципы буржуазного государственного устройства, в социальную структуру — начало резкого социального расслоения и резкую имущественную поляризацию общества. Однако именно в связи с вопросом резкого изменения общественно-политического вектора развития общества, крайне важно понять в какой духовной и психологической атмосфере происходили процессы «революционных преобразований». А именно так (и никак иначе!) будут впоследствии именовать свои реформы капитализации страны под флагом МВФ «младореформаторы» ельцинского призыва: Гайдар, Явлинский, Чубайс, Хакамада, и проч.

Процессы «либеральной революции» разворачивались в условиях социальной катастрофы, вызванной разрушением прежних духовных и нравственных ориентиров, резким обнищанием значительной части населения, интенсивной криминализации всех сфер общественной жизни, а также углублявшимся психологическим шоком, вызванным распадом СССР.

Для иллюстрации ценностных ориентаций населения в изучаемый период, ставших объективным отражением упомянутых нами реалий, приведем несколько данных статистических исследований, относящихся к середине 1992 г. Так, на вопрос: «Какой, по Вашему мнению, путь развития наиболее приемлем для России?», 11% респондентов избрали ответ: «свободная рыночная экономика США, Великобритании, ФРГ, Франции»; 8% — «социально ориентированная экономика наподобие Швеции»; 5% — «экономика с преобладанием государственных форм собственности по образу Китая»; 52% — «у России должен быть свой особый путь развития, основанный на традиционных представлениях россиян об отношениях людей и земной справедливости»⁵¹.

Весьма примечательно, что в вопросе мониторинга общественного

мнения не фигурировало упоминание таких терминов как «социализм» или «обновленный социализм» (что вполне очевидно отражало бы стремление значительной части общества на обновление общественно-политической системы социализма, обещанное, но так и не реализованное идеологами «перестройки» в СССР). Однако можно предположить, что сторонники именно такого пути развития и составили значительную часть (52%) группы респондентов. Косвенным подтверждением этому служат ответы на вопрос: «В каком государстве Вы бы хотели жить?» Симпатии респондентов распределились следующим образом: 30% опрошенных назвали «Союз Советских Социалистических Республик»; 3% — «Союз Советских суверенных государств»; 6% — «Союз Суверенных государств» (два последних — обещаны президентами М. Горбачевым и Б. Ельциным в период «реформирования» Союза ССР и разработки нового «союзного договора»); 5% выразили желание выехать за рубеж, остальные отдали предпочтение своим национальным республикам или затруднились дать ответ⁵².

Ряд исследователей склонны усматривать в показателях данного опроса факт быстрого нарастания у значительной части общества «патриотической ориентации», связанной с «верой в особый путь России, в ее глубокие исторические и народные корни, в силу российского государства», с чем, в принципе, согласиться можно. Однако в следующем тезисе позволим себе усомниться: «Специфика этой ориентации состояла в том, что она формировалась не на чисто идейно-политической основе, а на основе цивилизационного подхода, веры в особую роль и предназначение российской цивилизации. Отсюда ее идейно нерасчлененный, синтетический характер и тот факт, что вокруг нее стали группироваться различные силы — и левые, и правые, и государственники, и националисты, и духовная среда»⁵³.

По нашему мнению, причины появления т.н. «патриотической ориентации» были обусловлены целым рядом конкретных психолого-политических факторов, а отнюдь не «надклассовым» «цивилизационным подходом». Самым существенным из них стал фактор разрушения многонационального социалистического государства СССР. Особо следует отметить, что «ропуск» единого союзного государства противоречил воле абсолютного большинства советских народов, выраженной 17 марта 1991 г. в хорде Всесоюзного Референдума о сохранении Союза ССР. Напомним, что тогда, не-

смотря на мощную пропаганду противников Союза (особенно в самой России), за сохранение СССР высказались 113,5 миллионов человек, т. е. 76,4% проголосовавших. «Роспуск» Советского Союза, противоречивший воле народов, выраженной на референдуме, стал крупнейшей трагедией, отразившейся на судьбах и сознании миллионов людей.

Чувство советского патриотизма, прочно соединявшее многонациональную социалистическую Державу, а также историческая память миллионов людей, оставшихся по духу и образу мыслей советскими, явились мощной материальной силой и оказали существенное воздействие на характер и идеологическое содержание массового социального протеста 1992—1993 гг. Лозунг возрождения СССР стал одним из самых массовых во время многочисленных выступлений оппозиции начала 90-х. Требование восстановления Советского государства в границах 1991 г. вошло в политические программы всех без исключения партий и движений как коммунистической, так и патриотической ориентации того периода. И это не случайно, т.к. именно с СССР в сознании абсолютного большинства населения связывались и выбор исторического пути народа, и образ сверхдержавы, и сила государства вообще, вера в социальную справедливость и защищенность, уверенность в завтрашнем дне. Все эти условия, являлись отличительными характеристиками советского образа жизни. С особой силой эти факторы воскресли в сознании общества, в связи с утратой Россией статуса сверхдержавы, заметным ослаблением ее влияния и роли на внешнеполитической арене.

Однако картина мощного социального кризиса начала 90-х гг. будет явно неполной без учета резкого ухудшения условий жизни населения при новой власти. Последнее было связано с процессом перехода экономики России на рыночную основу, названного «либеральной революцией».

В качестве базовой модели для проведения рыночных реформ в России была выбрана модель «шоковой терапии», разработанная представителями западной школы т.н. «Вашингтонского консенсуса». Программа предназначалась для слаборазвитых стран с экономикой переходного периода. Согласно принятой концепции команды Гайдара, советская экономическая модель не поддавалась рефор-

мированию (усовершенствованию), а подлежала только немедленному демонтажу. Последствия политики «либерализации» (освобождение от государственного контроля) цен, начавшейся уже в январе 1992 г., сказались незамедлительно и ударили по самым широким слоям населения страны.

По первоначальным прогнозам правительства, «шоковая терапия» должна была привести к сравнительно небольшому (в 3 раза) росту цен. Однако уже в первый месяц цены поднялись в десятки раз. На этом фоне происходило катастрофическое ухудшение положения значительной части населения страны. Так, только за май 1992 г. рост стоимости жизни составил 24,3% против 14,2% в апреле. Особенно болезненно на положении населения сказался рост цен на продовольственные товары. Если в начале реформ Гайдар предполагал удерживать инфляцию в пределах 5—10% ежемесячно, то уже к августу 1992 г. инфляция составила 92,2%. В среднем, за 1992 г. цены выросли более чем в 25 раз⁵⁴.

Произошло стремительное сокращение бюджета, которое подорвало основы производства и социального обеспечения страны. Усилился спад производства, причем в большей степени, чем ожидалось. В январе — марте 1992 г. спад промышленного производства составил 87% в сравнении с уровнем 1991 г. Впервые в истории России на мостовой оказались миллионы безработных.

Надо признать, что оценка результатов и методов проведения либеральных реформ в России прошла глубокую эволюцию. От апологетики рыночного курса и деятельности команды Гайдара—Чубайса при Ельцине, до критики, нередко исходящей от представителей правящей элиты, в настоящее время. Так, исходя из анализа конкретных результатов политики «либеральной революции», экономист Сергей Глазьев дает однозначную характеристику проводившемуся в 1992—1993 гг. курсу: «Политика саморазрушения экономической системы государства, проводившаяся в России под видом либеральных экономических реформ с 1992 г., вышла за рамки законности и приобрела характер экономического геноцида широких слоев населения...»⁵⁵.

Депутат Государственной думы РФ Виктор Илюхин, являвшийся председателем думской комиссии по импичменту (отрешению от должности) президента Б.Ельцина, инициированной депутатами рос-

сийского парламента в мае 1999 г., также склонен трактовать действия группы Ельцина как политику геноцида по отношению к собственному народу. В своем «Докладе в Государственной думе по вопросу отрешения от должности президента РФ Б.Н. Ельцина» В.И. Илюхин заявляет: «Политика, именуемая “курсом реформ” и последовательно проводимая Б.Н.Ельциным после уничтожения СССР, привела к созданию невыносимых условий для большинства населения России. По социологическим данным, условия жизни улучшились только у 10% населения, которые относят себя к этнической группе “новых русских” и занимаются планомерным уничтожением “старых русских”, в том числе и как возрастной категории. Так, И.Хакамада, одна из “новых русских” и бывший член ельцинского правительства как-то признала: “Да, трудно реформы идут. И так будет продолжаться, пока все старое поколение не вымрет”»⁵⁶.

Вывод члена фракции КПРФ в российском парламенте В.Илюхина подтверждают конкретные данные, представленные специалистами различных областей отечественной науки — от социологии до демографии. Как отмечает социолог Т. Заславская, либерализация в России «вытолкнула, переведя в разряд бедствующих» наиболее динамичную часть общества, которая «по уровню образования, культуры, знаний, социальному положению в иных странах» являлась бы «составной частью правящего класса»: специализированные и квалифицированные рабочие, инженерно-технический персонал, учителя, врачи, офицеры. На вершине социальной пирамиды, по мнению академика, оказались «фигуры, лишенные общественного и культурного потенциала»⁵⁷. Вывод, который делает Заславская, не только объясняет усиление социальной напряженности в обществе, но и подводит нас к ответу на вопрос о социальной базе, составившей основу как вновьявленной «элиты», так и оппозиции новому политическому и экономическому курсу внутри страны: «Социальная база «нового курса» оказалась не только крайне убогой с точки зрения культурного потенциала, но также и весьма узкой. Подавляющее большинство неизменно оставалось на стороне оппозиции, хотя до поры до времени и не выдвигало лозунгов альтернативного пути развития»⁵⁸.

Данную картину подтверждает в своих выводах и экономист либерального толка Григорий Явлинский. Он полагает, что наивысшую для

себя пользу из экономической процессов 90-х «извлек слой, не превышающий 3—5 % от общего числа населения» страны.

Не менее категоричны в оценке проводившихся в России реформ демографы и социологи. Известный специалист в области региональной экономики и демографии, профессор экономического факультета МГУ им. Ломоносова Борис Хорев в своей брошюре «Демографическая трагедия России» (1994 г.) не просто констатировал угрожающую будущему страны депопуляцию населения, но и прямо указал на причины невиданной трагедии: «Весь курс рыночных реформ равнозначен убийству, а шоковая терапия — убийство с отягчающими обстоятельствами. Говорят, в Орле и Ульяновске реформы, мол, идут без шока. Однако и там депопуляция. Какая людям разница, быстро или медленно на их шее затягивается петля»⁵⁹.

По данным исследований Бориса Хорева, процесс смертности населения России, начиная с 1992 г. неумолимо пошел по возрастающей линии. Так, «несмотря на приток беженцев» численность населения России сокращается — в 1992 г. на 30 тысяч человек, а уже в 1993 г. — на 300 тысяч⁶⁰.

Упала рождаемость. Так, с 1992 г. рождаемость в г. Москве составила 7,8 промилле, смертность — 13,6, а естественная убыль — 5,8. На 44 территориях Российской Федерации в 1992 г. была отмечена естественная убыль населения, захватившая не только Нечерноземную зону и Черноземье, но и сибирские области. Для сравнения: в 1987 г. таких территорий было 3, в 1989 г. — 10, в 1990 — 22, а уже в 1991 — 30. В целом, делает вывод профессор Хорев, картина «довольно пестрая, но более чем удручающая». «Но нигде, — подчеркивает Хорев, — даже на Северном Кавказе, не обеспечивается даже простое воспроизводство населения»⁶¹.

Что касается уровня реальных доходов населения, то по данным Хорева, в 1992 г. этот уровень за год сократился на 44 % от уровня начала 1992 г. При этом, если в 1991 г. средний показатель «текущего потребления» населения (питание, социальные услуги, транспорт, и проч.) находился на уровне 1972 г., а доля расходов на питание в бюджете составила 40 %, то в 1992 г. показатель «текущего потребления» граждан скатился до уровня 1950-х гг. (!), «когда на душу населения приходилось всего 38 кг мяса» (один из основных показателей уровня жизни). Как поясняет Б.Хорев со ссылкой на

мнение академика РАН М.Римашевской, специалиста по вопросам народного благосостояния, опасность состоит «даже не в низком уровне потребления», а в «той стремительной динамике, с которой он падает»: «только за 1 год люди отбрасываются по жизненному уровню на 20 лет назад»⁶².

В результате, Борис Хорев делает однозначный вывод: основным виновником трагедии, развернувшейся в России с началом 1992 г., является рыночный курс президента и правительства на капитализацию страны «без руля и ветрил». Вымирание в такой ситуации, поясняет Хорев, есть не что иное, как «естественная реакция на насильственную смену общественного строя, на величайшее насилие над людьми, на «неестественную власть» над ними». Российскому ученому в его оценке социально-экономических последствий введения рыночных реформ в России вторит французский экономист Жак Сапир: «Год 1992-й и 1993-й являются периодом трагического регресса»⁶³.

Столь же категоричен в своих оценках «ельцинского десятилетия» многолетний заведующий кафедрой Мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член-корреспондент РАН, профессор Р.И. Хасбулатов: «Почти десятилетнее правление Ельцина и его «камарильи» привело не только к обнищанию населения всей страны и стремительному падению роли России в сфере международных отношений, но и к такому упадку, который мне лично представлялся в конце XX века кануном распада страны»⁶⁴.

Исходя из результатов даже беглого анализа социальных последствий первого года реформ в России по методам Международного Валютного Фонда, необходимо признать очевидное. В результате форсированного насаждения рынка в России, еще недавно относительно однородное общество, вышедшее из недр «реального социализма», оказалось на грани социальной катастрофы. Сокращение реальных доходов граждан и резкое ухудшение их социального положения. Резкое имущественное расслоение. Спад производства. Обвал социальной политики. Катастрофическая депопуляция населения страны. Вполне естественно, что уже первые результаты такой политики вызвали рост социального напряжения в обществе. Неожиданные и драматические результаты осуществления «нового

курса» в России породили в широких слоях населения глубокое разочарование в реформах, прежде казавшихся панацеей от всех бед общества.

Ощущение надвигающейся катастрофы, вызванное резким ухудшением уровня жизни и экономической дестабилизацией, породили движение массового сопротивления правительственному курсу. Это движение начало набирать силу уже с января 1992 г., а затем становилось все более организованным и радикализированным. Его требования отличались своей широтой и радикальностью, охватывали не только экономическую область жизни, но и в значительной степени сферу политическую.

ГЛАВА 2. СОПРОТИВЛЕНИЕ: ОТ «НЕПРИМИРИМОГО» — К «КОНСТРУКТИВНОМУ»

Так или иначе, вопрос формирования оппозиции политическому режиму президента Ельцина в начале 90-х гг. поднимался неоднократно. Однако зачастую он приобретал довольно эклектичный характер и сводился к умозрительным и поверхностным обобщениям политического плана. Отсюда — появление двух тенденций, давно наметившихся в освещении данной проблемы.

С одной стороны — попытка объявить различные движения и партии, вышедшие на политическую сцену в 1991—1992 гг., неформальными «фракциями» или «ударными отрядами» Верховного Совета России⁶⁵. При таком подходе различные оппозиционные организации превращаются в послушный инструмент в руках лидеров Верховного Совета, используемый для обострения конфронтации с президентом. Не отличаются серьезным анализом становления оппозиции «новому курсу» и выводы Лилии Шевцовой. Шевцова хоть отмечает независимое от Верховного Совета становление оппозиционных партий и движений, однако также заявляет об их «малочисленности и аморфности».

С другой стороны — попытка придать оппозиционным выступлениям реваншистский характер, подменив тем самым широкий социальный протест против резкого ухудшения социально-экономического положения трудящихся масс России угрозой «коммуни-

стического реванша» и возвращения страны на путь «тоталитаризма». Исходя из этого, главной движущей силой оппозиции объявляются «толпы пенсионно-люмпенизированной ориентации»⁶⁶, ностальгирующие по прошлому, по «сильной власти», как правило, «сталинского типа», не сумевшие вписаться в новые исторические реалии и, как следствие, не приемлющие «разрушения идеологических догм» прошлого⁶⁷.

Однако подобные оценки едва ли можно считать объективными. Массовые выступления против социально-экономической политики правительства начали проходить уже с декабря 1991 г. К началу 1992 г. (начало «шоковой терапии») они приняли организованный характер, а уже к весне 1992 г. позволили оппозиции перехватить инициативу проведения массовых уличных выступлений у сторонников президента Ельцина и превзойти их по численности. Процесс формирования сил т.н. «непримиримой оппозиции» происходил на протяжении 1991—1992 гг. и завершился организационным оформлением ряда массовых общественно-политических движений, оказавших существенное влияние на развитие социального протеста в обществе в изучаемый период. Это, прежде всего — «Трудовая Россия» (лидер — В.И. Анпилов), а также «Фронт национального спасения» (И.В. Константинов), в который вошли представители многочисленных организаций патриотической и национал-патриотической направленности.

Зарождение и деятельность этих двух крупнейших организаций «непримиримой оппозиции» — не просто веха в истории становления сил сопротивления курсу ельцинских реформ. Деятельность именно этих крупнейших общественно-политических движений отражает, с одной стороны, реальный расклад сил в обществе на различных этапах социального кризиса 1992-1993 гг. С другой стороны, она совпадает хронологически с развитием движения социального протеста в целом:

1) осень 1991 г. — лето 1992 г. Формирование структур коммунистической ориентации («Трудовая Россия», РКРП, и др.). На этом этапе массовые выступления проходят исключительно под эгидой радикальных коммунистических сил. Представители различных «патриотических» групп (В.Скурлатов, В.Алкнис, В.Жириновский), присоединившихся на данном этапе к коммунистической оппози-

ции, выступают в фарватере ее основных политических и экономических требований.

2) весна-осень 1992 г. — февраль 1993 г. Данный этап отмечается усилением и организационным оформлением сил «национально-патриотической» ориентации, которые стремятся перехватить лидерство в уличной борьбе у представителей коммунистического движения. Этот процесс сопровождается дроблением оппозиционных сил и приводит к созданию осенью 1992 г. «Фронта национального спасения», ориентирующегося в своей деятельности на Верховный Совет РФ. Одновременно, Конституционный суд по «делу КПСС» «разрешает» «воссоздание» структур «легальной коммунистической партии на территории России». «Второе рождение» КПрФ, завершившееся в основном к февралю 1993 г., усиливает процесс дробления сил оппозиции. Начинается отток коммунистов из уже созданных партий и движений (прежде всего из РКРП) под «легальные» знамена КПрФ. Создание последней способствует также распаду ФНС: в ряды КПрФ перетекают структуры ряда «патриотических» группировок, входивших ранее в ФНС. Руководители КПрФ берут курс на создание легальной, «цивилизованной» оппозиции для «конструктивного диалога с властью». Происходит окончательное размежевание сил оппозиции на «конструктивную» и «непримиримую».

3) весна — осень 1993 г. В этот период, характеризующийся усилением противостояния президента и Верховного Совета России, намечается консолидация сил антиельцинской оппозиции (условно — «сторонники Верховного Совета») на основе совместных действий (события 1 мая в Москве, и др.), завершившаяся их совместным участием в обороне Дома Советов в октябре 1993 г.

7 НОЯБРЯ 1991 —

ОТВЕТ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ» КОНТРЕВОЛЮЦИИ

По нашему мнению, такие термины как «коммуно-патриотическая» или «красно-коричневая» оппозиция нельзя распространять на весь период ее существования. Как справедливо отмечает Е.Красников в сборнике «Октябрь 1993. Хроника переворота», формирование «непримиримой» оппозиции «следует отнести к постсоветскому периоду, который был открыт августом 1991 года», а сама «оппозиция

новой «демократической» власти была всецело окрашена в красный цвет»⁶⁸. «При этом — продолжает Е.Красников, — следует заметить, что этот «призыв» оппозиции набирался по преимуществу из среднего и низшего коммунистического слоя. Высшие партийные чиновники в своем подавляющем большинстве были озабочены более коммерческими, нежели идеологическими проблемами»⁶⁹.

Как уже отмечалось выше, примерно до марта 1992 г., формирование оппозиции происходило под знаком возрождения именно коммунистических структур. Инициаторами данного направления выступают, прежде всего, представители Движения коммунистической инициативы, получившего организационное оформление в виде «Объединенного Фронта трудящихся» (ОФТ), образовавшегося на базе «радикально-коммунистической» платформы за обновление КПСС. Представители Движения коммунистической инициативы находились в оппозиции официальному курсу Политбюро ЦК КПСС на внедрение рыночных отношений в СССР и боролись за «подлинное возрождение КПСС как партии рабочего класса». С этой целью участники ДКИ требовали созыва чрезвычайного съезда КПСС и смещения на нем всего партийного руководства во главе с генсеком Михаилом Горбачевым за измену социалистическому выбору, сделанному народами России в Октябре 1917 г.

Несмотря на свою немногочисленность (в период своего расцвета, в 1989—1990 гг., численность ОФТ не превышала 3—4 тыс. человек) представители данного направления отличались заметной политической активностью. Так, в 1989—1990 гг. ими был проведен ряд ярких уличных акций, направленных на «пробуждение» рядовых коммунистов. 1 мая 1990 г. группа членов ОФТ, присоединившись к одной из колонн трудящихся Москвы во время демонстрации на Красной площади, устроила политическую обструкцию Генеральному секретарю ЦК КПСС М.Горбачеву, который вместе с соратниками по Политбюро вынужден был покинуть трибуну Мавзолея В.И. Ленина. После создания КП РСФСР представители Коммунистической инициативы активно выступали за превращение российской Компартии в «антигорбачевский центр внутри КПСС». Однако эта партия так и не стала влиятельной политической силой, и к тому же заняла лояльную позицию по отношению к официальному партийному руководству.

Сразу после августовских событий 1991 г. и последовавшего за ними указа о приостановке деятельности КПСС и КП РСФСР на территории России, центром сил «непримиримой оппозиции» становится группа активистов Движения коммунистической инициативы во главе с депутатом Моссовета В.И. Анпиловым. Именно по его инициативе московские коммунисты проводят открытые партийные собрания в центре Москвы в знак неподчинения указам о приостановке деятельности КПСС, а начиная с сентября 1991 г., организуют круглосуточную оборону Музея и Мавзолея В.И. Ленина с целью не допустить перезахоронения тела вождя пролетарской революции и разрушения его усыпальницы на Красной площади.

2 октября 1991 г. в ДК «Чайка» проходит восстановительная конференция коммунистов Москвы, создавшая Московскую организацию коммунистов (МОК). Первым секретарем МОК избирается В.И. Анпилов. В качестве первой «пробы сил» МОК заявляет о намерении провести манифестацию 7 ноября на Красной площади Москвы и приступает к ее организации. Именно в ходе многочисленных акций по «обороне Музея и Мавзолея В.И. Ленина в Москве» и, особенно, подготовки демонстрации 7 ноября, вокруг МОК складывается широкая коалиция организаций коммунистической и патриотической направленности под условным названием «Трудовая Москва» (вскоре рассматривается как подразделение более широкого движения «Трудовая Россия»).

Накануне манифестации, 6 ноября 1991 г., президент Ельцин издает указ о запрете деятельности КПСС, а мэр Москвы Попов запрещает праздничную демонстрацию на Красной площади. Однако 7 ноября, вопреки запретам властей, на манифестацию выходит по разным оценкам от 50 до 100 тысяч сторонников Советской власти в Москве. Это становится первой крупной политической акцией оппозиции в истории постсоветской России.

Без всякого сопротивления со стороны правоохранительных органов, колонна манифестантов под лозунгом «Трудовая Россия» прошла от Октябрьской до Красной площади столицы, где и провела многотысячный митинг. Как неоднократно отмечал впоследствии организатор демонстрации 7 ноября 1991 г. Виктор Анпилов, уже на походе колонны к Красной площади к нему подбежали сотрудники комендатуры Кремля со словами: «Виктор Иванович, вы откуда бу-

дете выступать, с Мавзолея или прямо с площади?»⁷⁰. «Подниматься на трибуну Мавзолея, — вспоминал Анпилов, — было неловко. Реальной власти у нас нет, а от великого до смешного — всегда один шаг... Решили открыть митинг без всяких трибун, с брусчатки Красной площади»⁷¹.

Во время митинга участники манифестации высказались за создание массового общественно-политического движения под названием «Трудовая Россия». Одной из первоочередных задач Движения провозглашалось сопротивление реставрации капитализма, недопущение развала СССР, а также защита революционных святынь советского народа, в первую очередь, Пантеона на Красной площади. В стратегическом плане, целью «Трудовой России» объявлялась подготовка и проведение восстановительного съезда Коммунистической партии Советского Союза. И хотя формально, свой учредительный съезд сторонники «Трудовой России» проведут только в октябре 1992 г., движение де-факто начинает активно функционировать уже с ноября 1991 г., чем существенно отличается от большинства партий и движений (как правило, патриотической ориентации) того времени, существовавших исключительно на бумаге или представлявших «тусовку» именитых политических лидеров.

Особо необходимо отметить, что под эгидой движения функционировали такие организации, как Совет рабочих Москвы (его отделения существовали в ряде крупных заводов столицы) и Конгресс советских женщин, значительно расширившие базу поддержки «Трудовой России» среди различных категорий населения. К исходу 1991 г. в рамках «Трудовой России» создается Российская Коммунистическая Рабочая партия (РКРП), долгое время являвшаяся «политическим ядром» Движения. Именно в период 1992—1993 гг. РКРП сделала серьезную заявку на превращение в массовую партию, реальная численность которой превышала 60 тыс. человек.

В дальнейшем, ревность ряда представителей «ленинградского руководства» ЦК РКРП (штаб партии во главе с секретарем ЦК В.Тюлькиным располагался в Ленинграде) к успехам Московской организации РКРП, популярности в массах «Трудовой России» и ее лидера, а также удаленность руководящего штаба партии от центра основных событий социального противостояния, привели к оформлению «двоецентрия» в РКРП. «Ленинградское руководство», вдо-

бавок к идеологическим разногласиям, остро проявившимся в разгар президентской кампании 1996 г, навязало партии раскол организационный. Попытка «перехватить» лидерство в «Трудовой России» у В.И. Анпилова, предпринятая руководством ЦК РКРП во главе с его первым секретарем В.Тюлькиным, бесславно провалилась. Итогом многочисленных интриг «питерского руководства» РКРП стал распад некогда боевой партии. Потеряв влияние в протестном движении, РКРП к концу 1990-х гг. фактически сошла с политической арены страны.

Социальная база «Трудовой России» в своей массе состояла из людей, которые по своему социальному происхождению, образу жизни, ценностям и мышлению остались *советскими*. Основной костяк движения составили рядовые коммунисты и беспартийные из числа рабочих, служащих, инженеров, ветеранов войны, студентов вузов. По справедливому определению ряда исследователей, «Трудовая Россия», стала не просто народным движением, она стала «массовым эмоциональным протестом против неэффективной политики властей»⁷².

На протяжении всего 1992 г. «Трудовая Россия» шла в авангарде выступлений против политики правительства. Фактически, она превратилась в «ударную силу» оппозиции и смогла перехватить инициативу проведения массовых политических акций у «демократов». Это стало возможным в силу нескольких факторов. Во-первых, в период «борьбы за улицу» (1992—1993 гг.) «Трудовая Россия» стала основной структурой для проведения массовых коллективных акций оппозиции⁷³. Фактически, в период наивысшего социального противостояния в обществе, она выполняла функции народного фронта, сплачивающего под своим руководством самые широкие протестные силы. По воспоминаниям непосредственных участников движения, благодаря четко слаженной структуре и системе оповещения среди активистов, «Трудовая Россия» «могла в считанные дни, и даже часы вывести массы на улицу».

Во-вторых, в немалой степени этому способствовала личная популярность лидера Московской организации РКРП и председателя исполкома движения «Трудовая Россия», депутата Моссовета В.И. Анпилова. Журналист по образованию, бывший сотрудник Гостелерадио СССР в странах Латинской Америки, Виктор Анпилов стал

чрезвычайно популярной и даже знаковой фигурой в оппозиционном движении страны. В 1991—1993 гг. именно Анпилов явился организатором и вдохновителем наиболее ярких и массовых акций в истории постсоветской России: «марша голодных очередей» и «пустых кастрюль», «Всенародного Вече» на Манежной площади, «Антифашистского марша Свободы» на Матросскую тишину, «осады империи лжи» в Останкино, и многих других. Общественный резонанс, вызванный массовыми выступлениями «Трудовой России», а также исключительная роль в них самого Анпилова, быстро превратили его в безусловного лидера «уличной» оппозиции в Москве, способного увлечь за собой массы обездоленных. Как отмечал впоследствии известный писатель Владимир Личутин, «Анпилов стал Гаврошем Москвы, ее любимцем, столица сама выбрала его в свои герои, вожди, атаманы...»⁷⁴

Многочисленные «антиельцинские» акции «Трудовой России» в Москве в 1992—1993 гг. стали значительным явлением в политической жизни страны. И как следствие, присоединиться к ним пытались представители самых различных направлений общественной мысли. С трибуны многотысячных митингов «Трудовой России» стремились выступить представители многочисленных отрядов и течений оппозиции, известные общественные и политические деятели. Среди них — народные депутаты Сергей Бабурин и Виктор Алкснис, представители патриотических сил писатель Александр Проханов и Геннадий Зюганов, лидер Комсомола Игорь Маляров, журналисты Александр Невзоров и Эдуард Лимонов и даже «красный» дьякон Русской Православной церкви Виктор Пичужкин. У трибуны грузовичка «трудороссов» нередко можно было увидеть и начинающего Владимира Жириновского. Последний в то время только начинал свой путь в «большую политику», а потому предпочитал искать своих сторонников преимущественно на обочине многолюдных коммунистических митингов в Москве и нередко даже получал на них слово. И как бы ни была противоречива фигура Жириновского, надо признать, что во многом он стал «продуктом» «улицы» начала 90-х гг., он формировался под ее воздействием, и связь с ней (пусть и популистского плана) сохранил и по сей день.

Под воздействием массовых политических акций оппозиции, «улица» превращается в серьезную политическую категорию, с кото-

рой уже нельзя было не считаться. Более того, она выдвигала собственные требования, которые выходили далеко за рамки умеренных требований «корректировки реформ» или поиска «компромисса» с властью. «Если парламентская оппозиция, — пишет либеральный публицист О.Мороз, — особенно более или менее умеренная... еще пыталась сделать вид, что озабочена лишь «корректировкой» реформ», то «агрессивная уличная толпа» «ни о каких таких тонкостях не думала и не помышляла»⁷⁵.

Несмотря на характерную тенденциозность указанных суждений, имеется очень важная особенность, на которую нельзя не обратить внимания. Публицист О.Мороз, не стремится вникнуть в нюансы становления оппозиции курсу президента (всю оппозицию — от «улицы» до Верховного Совета — он объединяет в «партию консерваторов»). Он говорит о некой «конструктивной» оппозиции, заявлявшей о «корректировке» курса реформ, и «агрессивной», отрицавшей любые компромиссы, и стремившейся к возрождению почившего в бозе коммунистического строя»⁷⁶. Здесь же, говоря о первых массовых выступлениях оппозиции в 1992 г. (9 и 23 февраля), Мороз вполне резонно обращает внимание на характер главных требований демонстрантов. Общее в них одно — в требованиях демонстрантов нет и намека на поддержку Верховного Совета России. И это при том, что, согласно Морозу, именно парламент стал чуть ли не «штабом» по координации оппозиционных действий, ставивших своей целью сорвать либеральные реформы в России и свергнуть страну на путь «тоталитаризма».

На деле, Верховный Совет к тому времени успел порядком дискредитировать себя в глазах народов России. Население страны, первое время активно следившее за трансляциями из зала заседаний Съезда народных депутатов, успело разочароваться в бесконечной парламентской «говорильне». Отношение общества к российскому парламенту достаточно точно выразил Олег Попцов, длительное время входивший в политическую «обойму» первого президента России. «Удивительно, — отмечал он в своих воспоминаниях, — как скоро мы одолели путь от упоения нашей раскрепощенностью, демократией («Ай да депутаты! Ай да молодцы! Говорят, что хотят») до отвращения к ней. «Зверинец! Сумасшедший дом! Откуда они взялись? Кто их выбирал?»⁷⁷

Одним из решающих обстоятельств, отразившихся на падении авторитета Верховного Совета в глазах народа, явился факт сопричастности народных депутатов к проведению политики рыночных реформ в России. Напомним, что еще V съезд народных депутатов РСФСР (ноябрь 1991 г.) предоставил Ельцину чрезвычайные полномочия на период проведения радикальных экономических реформ. Таким образом, Съезд принял на себя такую же ответственность за политику реформ в России, как президент, и его правительство. В последующем и Р.И. Хасбулатов, и А.В. Руцкой, уже находясь в оппозиции президенту, будут заявлять о том, что они неоднократно выражали свое несогласие с курсом реформ, проводимым правительством и президентом. Однако весь вопрос состоял в том, что «протесты» и А. Руцкого, и Р. Хасбулатова, не выходили за рамки «корректировки курса реформ», и в лучшем случае выражали интересы национального капитала, оказавшегося отчужденным от дележа «пирога» общенародной собственности. «Улица» представляла собой более обделенную категорию граждан, которых реформы поставили на грань выживания. Отсюда — требования пресечь «грабительскую приватизацию народной собственности», «остановить рост цен», «снизить в качестве первого шага цены на предметы первой необходимости до уровня 1985 г», установить «рабочий контроль над торгово-распределительной системой», восстановить покупательной способности заработка на дореформенном уровне, и проч.⁷⁸

В противовес непопулярному Верховному Совету, появляются требования «восстановить народовластие путем выборов в Советы от трудовых коллективов, по производственным и территориальным округам»⁷⁹, т.е. возродить государственную систему советского типа. Одновременно выдвигается требование восстановления территориальной целостности страны через денонсацию (отмену) «Беловежских соглашений» (декабрь 1991) и реализацию итогов Всесоюзного референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г. Вскоре, в числе требований «улицы» все чаще проявляется идея созыва восстановительного Съезда народных депутатов СССР с избранием на нем главы государства. А требование восстановления единства страны дополняется также призывом «прекращения развала Советской армии» и сохранения единых Вооруженных Сил СССР.⁸⁰

Первые выступления оппозиции после начала «шоковой терапии» были отмечены массовыми митингами 12 января и 9 февраля 1992 г. на Манежной площади Москвы, в которых приняло участие 50 и 100 тысяч человек соответственно. В дальнейшем число протестующих неизменно шло вверх. А резкое ухудшение социально-экономической ситуации в стране вовлекало в ряды оппозиции все новые и новые силы.

Это обстоятельство всерьез беспокоило наиболее ярких апологетов проводимого президентом курса реформ. Сторонники продолжения радикальных реформ «любой ценой» не исключали возможности «коммунистического реванша». Как вспоминает О. Мороз, вопрос о том «устоит ли демократическая власть»⁸¹ был уже с начала 1992 г. отнюдь не праздным. «Уже тогда было видно, — поясняет свою позицию Мороз, — что коммуно-патриоты ведут целенаправленную подготовку насильственного свержения тогдашнего российского руководства»⁸².

Панические настроения, царившие среди представителей правящей группы, были вызваны резким падением доверия к власти и стремительным нарастанием массового недовольства граждан. Эти обстоятельства заставляли президента и его окружение идти на «упреждающие действия». Сегодня можно уже утвердительно говорить, что цель таких действий состояла в провоцировании радикализованной массы недовольных. Конечную цель такой тактики угадать не трудно: спровоцировать оппозицию на спонтанные несанкционированные выступления, чтобы при поддержке «демократической общественности Запада» подавить «реваншистский мятеж фашистского типа». События, произошедшие 23 февраля 1992 г., стали первым «пробным шаром» властей на пути осуществления масштабной провокации на улицах Москвы.

23 ФЕВРАЛЯ 1992: ПЕРВАЯ КРОВЬ.

В День Советской Армии и Военно-морского Флота (а именно так на протяжении 70 лет существования советского государства вплоть до 1992 г. именовался праздник 23 февраля) оппозиция призвала своих сторонников выйти массовую манифестацию в центре Москвы. По планам организаторов акции, предполагалось провести шествие от Белорусского вокзала по улице Горького (ныне — Тверс-

кая) к Манежной площади, где провести митинг и возложить цветы к могиле Неизвестного солдата.

К заявке на проведение праздничного шествия, поданного движением «Трудовая Россия» и Советом рабочих Москвы, присоединились «Союз офицеров» подполковника С.Н. Терехова, разнообразные группы национал-патриотов, выступавшие с 1992 г. под имперскими и андреевскими знаменами совместно с коммунистами, бывшие народные депутаты СССР и действующие депутаты России Виктор Алкснис, Сажи Умалатова, Вавил Носов, Сергей Бабурин. О своем намерении присоединиться к манифестации заявил даже руководитель либерально-демократической партии Владимир Жириновский. Правда, после запрета проведения демонстрации московскими властями, последний предпочел от участия в акции воздержаться. По предложению «Трудовой России» и Совета рабочих, общее руководство манифестацией, вплоть до согласования маршрута шествия с властями Москвы, было поручено генерал-полковнику А.М. Макашову.

Член ЦК РКРП и кандидат в президенты России на выборах 1990 г., Альберт Макашов стал к тому времени заметной фигурой российской оппозиции. В немалой степени этому способствовало боевое прошлое генерала, имевшего, по мнению доморощенных «либералов», серьезное влияние на недовольную реформами армейскую среду. Подконтрольные режиму СМИ быстро превратили фигуру советского генерала в зловещую «первую скрипку» грядущего «военного переворота».

Реакция московских властей была незамедлительной. Причем ее обеспокоенность была во многом объяснима. День 23 февраля был не просто датой, связанной с ностальгией по еще недавнему советскому прошлому. Этот праздник можно было по праву считать всенародным, т.к. абсолютное большинство советских людей проходило срочную службу в рядах Вооруженных Сил СССР, а значительная часть граждан продолжала составлять внушительную по своей численности категорию военнослужащих. Особо следует отметить, что слом общественно-политической системы в СССР происходил через последовательное разрушение институтов государства, причем один из мощнейших ударов пришелся именно на Советскую Армию. Идеологи «нового политического мышления» не без основания за-

писывали представителей Вооруженных сил в число «консерваторов» и даже открытых «противников перестройки». В силу именно этих обстоятельств уже с конца 80-х гг. началась кампания по шельмованию Вооруженных сил в средствах массовой информации. Армии навязывался «синдром вины» и на нее списывались все просчеты высшего политического руководства за кампании в Афганистане, события в Тбилиси, Азербайджане, Риге⁸³.

После августа 1991 г. недовольство действиями высшего политического руководства страны в Армии резко возросло. Выходец и «Межрегиональной депутатской группы» Борис Ельцин не пользовался популярностью в армейской среде. Военнослужащие помнили, что именно в бытность Ельциным первым секретарем МК КПСС в Москве прекратилась выдача льготного жилья для военных. Мало способствовал популярности Ельцина-президента и тот факт, что в числе его ближайших сторонников находился народный депутат ВС РФ Виталий Уражцев. Последний был избран по спискам коалиции «Демократическая Россия» и активно выступал за «демократизацию» армии, проведение военной реформы, направленной на «деполитизацию» Вооруженных сил. После своего исключения из КПСС «за демагогические высказывания в адрес Вооруженных Сил СССР» в феврале 1989 г. Уражцев, будучи подполковником запаса, создал «правозащитный» Союз социальной защиты военнослужащих и их семей «Щит», занявший резкую антиармейскую позицию.

Резкое недовольство со стороны личного состава Вооруженных сил СССР вызвали антиконституционные Беловежские соглашения по расчленению единого государства, охранять целостность которого клялись под Присягой. Ликвидация союзных Вооруженных сил вкуче с начавшейся политикой «шоковой терапии» способствовали сокращению в запас и, как следствие, люмпенизации огромной массы военнослужащих, что автоматически отбрасывало их на обочину общества.

Негативное отношение к высшему политическому и военному руководству страны со стороны подавляющего числа военнослужащих проявилось уже во время работы Всеармейского офицерского собрания, состоявшегося в начале января 1992 г. в Кремлевском Дворце съездов. В работе собрания приняло участие более 5 тысяч офицеров, которые подвергли резкой критике политических лидеров стра-

ны и военное руководство. По эмоциональному напряжению, собрание больше походило на «рубку». С трибуны Всеармейского собрания к его участникам обратился депутат Моссовета коммунист В.Анпилов, резко осудивший попытку реабилитации знамени «Деникина и Колчака», поднятого над куполом Кремля в качестве символа «суверенной России» «в пику» Государственному флагу СССР. Однако выступление было прервано на полуслове: по распоряжению президиума собрания микрофон был отключен. Еще более резким оказалось выступление подполковника Советской Армии Станислава Терехова. Оно вызвало крайне негативную оценку российского военного руководства. За активную позицию, направленную против разрушения союзных Вооруженных сил, подполковника Терехова неоднократно увольнял из состава ВС РФ лично министр Грачев. Однако всякий раз С.Терехову удавалось обжаловать решение армейского командования в судебном порядке. Именно после Всеармейского офицерского собрания Терехов окончательно укрепился в мысли создать общественную организацию «Союз Офицеров», начавшую активно функционировать с февраля 1992 г.

Принятое в ходе работы Собрания «Обращение» содержало требование «на переходный период сохранить целостность государственной границы, единую систему безопасности, единое военно-стратегическое пространство». Примечательно, что в дальнейшем Павел Грачев запретил проведение подобных совещаний крупнее полкового звена⁸⁴.

Не менее напряженной складывалась обстановка в рядах милиции. Причем, пример московской милиции вполне показателен. После августовских событий 1991 г. начальником ГУВД Москвы стал бывший сотрудник института высоких температур, активный сторонник «движения демократических реформ» и президента Ельцина Аркадий Мурашов. Бывший научно-технический работник (по признанию сотрудников правоохранительных органов Москвы, сделавший себе карьеру благодаря членству в «Демократической России» и лично мэру Москвы Гавриилу Попову), был не сведущ в работе правоохранительных органов. В то время как в подчинении у него оказались опытные люди, многие из которых имели опыт боевых действий. Эти обстоятельства не могли не привести к определенному напряжению и колебаниям в милицейс-

кой среде, особенно у младшего офицерского состава.

В этих условиях главной силой для подавления нарастающего недовольства становится ОМОН — новое подразделение, созданное в 1990 г. после начала «митинговой революции в Москве». Данное подразделение было создано в рамках милиции для выполнения особо сложных задач, в том числе и для борьбы с массовыми беспорядками. После 1991 г. ОМОН, у которого в отличие от московской милиции еще не успели сложиться свои традиции, стал активно использоваться новыми властями для подавления внутренней оппозиции своему курсу. В Москве последнее обстоятельство было особенно важным в связи с неустойчивым положением милиции, а также самостоятельной политикой Моссовета, не желавшего умять свои функции в пользу введенного в 1991 г. президентом института глав администраций (городские мэры, префекты, и проч.). В условиях начавшейся «войны законов», провоцировавших неизбежное колебание в армейской и военной среде вообще, силовые структуры могли сыграть решающую роль.

Накануне манифестации 23 февраля при явном нарушении единственного имевшегося на тот момент законодательного акта, призванного регулировать проведение массовых акций в стране, — Указа Президиума Верховного Совета СССР от марта 1988 г., мэр Москвы Г. Попов не предоставил организаторам шествия официального ответа о согласовании публичного мероприятия. Начальник ГУВД Москвы А. Мурашов вообще заявил, что «ни один красный» 23 февраля «дальше Белорусского вокзала не пройдет». 19 февраля Моссовет под председательством Николая Гончара занял сторону закона и осудил решение правительства Москвы не давать согласие на проведение «политических митингов и демонстраций на Манежной площади и вблизи Кремля». В целях осуществления политических свобод, гарантированных Конституцией РСФСР и Декларации прав и свобод человека и гражданина, 19 февраля Моссовет принял решение «Разрешить проведение 23 февраля 1992 г. в городе Москве митингов и демонстраций с соблюдением установленного порядка рассмотрения заявок на их проведение от конкретных организаций и групп граждан».

Вопреки решению седьмой сессии Моссовета от 19 февраля, свобода манифестации на улице Горького в день Советской Армии так и

не была обеспечена. Рано утром 23 февраля радио «Маяк» сообщило, что шествие и митинг на Манежной площади запрещены, но «разрешены манифестации на площади Маяковского и в парке Горького»⁸⁵.

Свидетельствует народный депутат Моссовета, один из организаторов манифестации 23 февраля 1992 г. Виктор Анпилов: «Новая власть не только объявила войну своему народу, она к ней готовилась самым серьезным образом. На рассвете 23 февраля доступ всех видов транспорта к центру Москвы был прекращен, и по всему периметру Бульварного кольца все проезды к Кремлю были перекрыты тяжелыми самосвалами, груженными щебнем... Поперек улицы Горького поставлена баррикада их зарешеченных милицейских автомобилей для перевозки арестованных — «автозэков». За ними — плотные ряды ОМОНовцев на глубину 20—30 метров. Затем, видимо на случай, когда ОМОН побежит, опять заградительная баррикада из «автозэков». За второй линией баррикад — весь наличный состав районных отделений милиции города Москвы. Отсюда наши люди сообщили, что личный состав московской милиции был поднят по тревоге, доставлен в район площади Маяковского, но конкретной задачи личному составу никто не поставил»⁸⁶.

В дополнении к этому, вся площадь Маяковского была заставлена спецтехникой. Это стало дополнительным фактором расшатывания и без того разгоряченной обстановки. По свидетельству Э.Лимонова, о том, что митинг (не говоря уже о демонстрации) запрещен, большинство пришедших сторонников оппозиции узнавало только на подходе к площади Маяковского, которая была «оцеплена по всему периметру стальными заграждениями» и «невиданным количеством» сотрудников внутренних войск.

Свидетельствует писатель Эдуард Лимонов: «Двери метро так активно пытаются разбить изнутри, что бледные перепуганные милиционеры (среди них — милиционер-дама) внутри метро вынуждены открыть одну дверь. **Злые, люди выливаются из подземелья на площадь и, увидев ограждения, становятся еще злее»**⁸⁸. (Выделено нами. — С.Р.)

Кстати, весьма характерно поведение московской милиции. Фактически, она оказывается заложницей провокации, учиненной правительством города, однако не спешит становиться безмолвным исполнителем его воли. Лимонов описывает, как на вопрос женщины, обращенный к милиции: «А прикажет стрелять в нас, будете стрелять?»,

молодой лейтенант сперва отвечает не задумываясь: «Будем». Однако затем «морщит лоб» со словами: «Вообще-то говоря, я не знаю, как я себя поведу, я никогда не был в такой ситуации»⁸⁹. Кстати, многие среди демонстрантов прекрасно понимали настроение московской милиции: «Милиция стрелять не будет... Они мобилизованы против их воли, а против народа не выступят!»⁹⁰

На основе даже беглого анализа событий, происходивших как накануне 23 февраля, так и непосредственно в день манифестации, можно совершенно точно говорить о том, что московское правительство действовало вопреки закону. Фактически, оно всячески чинило препятствия проведению мирной манифестации граждан. Более того, все действия властей 23 февраля, направленные якобы на «недопущение массовых беспорядков», свидетельствуют как раз о том, что заранее рассматривался только один сценарий событий: спровоцировать сторонников оппозиции на столкновения с силами охраны общественного правопорядка, натравив последних на безоружных демонстрантов. Именно об этом неоднократно подчеркивали организаторы манифестации во время депутатского расследования «О событиях 23 февраля в Москве», проводимого по инициативе Верховного Совета России. Так, на вопрос представителя парламентской комиссии П.Сутурина, с какой целью было выставлено ограждение из техники перед площадью Маяковского депутат Моссовета, лидер «Трудовой России» В.И.Анпилов давал однозначный ответ: «Я неоднократно заявлял, что технику вывезли для того, чтобы размазать об нее народ... Именно размазать по ней толпу, потому что все прекрасно понимали, что будет давка...»⁹¹

Слова депутата Анпилова, в своем репортаже подтверждает писатель Э.Лимонов, находившейся в первом ряду головной колонны оппозиции. От длительного стояния лицом к лицу с военной техникой, поставленной на перерез демонстрантов, отмечает Лимонов, «тысячеголовый организм толпы» начинает раскаляться⁹², «несколько смельчаков лезут на один из самосвалов с намерением вытащить из кабины водителя. Стучат в крышу кабины...»⁹³ Сам Лимонов, будучи гражданином Франции, неоднократно принимал участие в демонстрациях «левых» на Западе. Он привык к столкновениям, которые, нередко, провоцировала сама левацкая молодежь, рассчитывавшая в своей тактике на истеричные порывы и драки с

полицией ради информационной «засветки». Вне всяких сомнений, он и теперь — сторонник конфронтации на улице. Однако организаторы демонстрации 23 февраля 1992 г. явно не ставили конфронтацию во главу угла. Более того, к неудовольствию самого Лимонова, раздавались неоднократные призывы «не поддаваться на провокации». Однако сдерживать гнев толпы было с каждой минутой все труднее. На площади скапливалась «критическая масса». Становилось очевидным, что длительного стояния на месте такое количество митингующих уже не выдержит. В разных участках площади Маяковского начинались потасовки и попытки прорывов через милицейские кордоны.

До самого последнего момента организаторы манифестации не оставляли надежды на мирный исход переговоров с московскими властями. Впрочем, шансы на переговоры и без того были призрачными. Это, в свою очередь, становилось дополнительным фактором недовольства демонстрантов. В этой ситуации организаторы акции, вопреки многочисленным утверждениям (в частности, Ельцина, или Мороза) делают все, чтобы не подставить под дубинки пенсионеров, женщин и детей. Кстати, наличие детей в толпе демонстрантов явно свидетельствует, что никто из пришедших 23 февраля по призыву оппозиции, не рассчитывал на конфронтацию с силами правопорядка. И лишь когда стало ясно, что переговоры с властями завершились ничем и столкновения уже не избежать, раздался призыв организаторов акции к «старикам и женщинам» «выйти из рядов» (!)⁹⁴. Хотя, как свидетельствует Лимонов, «стариков и женщин... немного». В основном — и этот факт подтверждают многочисленные участники массовых акций начала 90-х, в том числе и 23 февраля 1992 г., — превалирует возраст «от 25 до 55 лет»⁹⁵.

После безрезультатных переговоров, эмоции перехлестывают. Колонна разгоряченных протестующих начинает движение и прорывает заградительные кордоны внутренних войск. Демонстранты вступают в рукопашную с хорошо экипированными войсками. Последние «машут дубинками» и «бьют не разбирая» в равной степени и молодежь и ветеранов, которые отказались покинуть колонну и пошли на прорыв к Могиле неизвестного солдата в Александровском саду. Первую остановку колонна делает в районе Пушкинской площади. Часть демонстрантов отстали от общей колонны и оказались

в «клещах» ОМОНа. Их вернулись «отбивать» народные депутаты, присутствовавшие в толпе на всем протяжении противостояния. В числе активных депутатов Верховного Совета РСФСР, пытавшихся не допустить кровопролития, был руководитель движения «Российский общенародный союз» (РОС) С.Н. Бабурин.

После Пушкинской площади дальнейший путь к Манежной площади был невозможен. Обилие спецтехники обрекало любую попытку нового прорыва кордонов внутренних войск на массовое кровопролитие. В этих условиях, было принято решение начать импровизированный митинг прямо со строительных лесов жилого дома на перекрестке Тверской улицы. Выступивший среди прочих генерал А.М. Макашов во избежание нового столкновения предложил «обойти милицейские кордоны». По призыву Макашова, часть демонстрантов предприняла попытку пройти к Александровскому саду в районе Библиотеки имени В.И. Ленина. Однако и там были выставлены новые кордоны. Дальнейшие попытки части манифестантов прорваться к Александровскому саду успехом не венчались.

Всего, по разным оценкам, в этот день на манифестацию в Москве вышло до ста тысяч человек. Среди пострадавших оказались 65 демонстрантов и 21 сотрудник правоохранительных органов. Во время столкновения скончался 70-летний ветеран войны, генерал-лейтенант пограничных войск Песков. Правительственные средства массовой информации и их западные коллеги представили отчет об акции в Москве крайне тенденциозно. Искаженным оказались число участников (численность занижена «до 5 тысяч человек»), состав организаторов акции («краснорубашечники», «коричневорубашечники», «ультранационалисты» и «коммунистическое движение, ностальгирующее по сталинскому, твердой руки режиму»), а так же возрастной состав участников демонстрации («воинствующие старики», ностальгирующие по прошлому)⁹⁶.

События 23 февраля в Москве стали знаковыми сразу по нескольким причинам. В первую очередь потому, что «в этот день «демократическая» власть впервые применила физическое насилие против россиян»⁹⁷. Фактически, эта манифестация стала «пробным шаром» для властей. В дальнейшем их действия (провоцирование демонстрантов, запрет публичных мероприятий и их последующий разгон) примут сознательный характер и будут апробированы во время пос-

ледующих событий в Останкино (июнь 1992 г.), 1 мая 1993 г., и особенно в сентябре—октябре 1993 г. Тот факт, что 23 февраля на улицах Москвы впервые пролилась кровь, стал, безусловно, новым явлением в политической действительности России.

***ВЕЧЕ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ:
«УПУЩЕННЫЙ ШАНС ОППОЗИЦИИ»***

Следующей, самой массовой акцией оппозиции в Москве стало «Всенародное Вече» на Манежной площади 17 марта 1992 г.

Уже во время проведения первых массовых митингов на Манежной площади в 1992 г. «Трудовая Россия» выдвигает идею восстановительного Съезда народных депутатов СССР, «самоликвидировавшегося» сразу после отставки Президента СССР Горбачева. Стихийное сопротивление курсу грабительских реформ, проводимых правительством Ельцина-Гайдара, все сильнее соединялось с протестом против антиконституционного разделения единого многонационального государства и его Вооруженных сил вопреки воле советских народов, выраженной на Всесоюзном Референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 г. Лозунг возрождения СССР становился доминирующим во время многочисленных выступлений оппозиции в России и объединял представителей самых широких политических сил — от коммунистов до патриотов и националистов. 7 марта 1992 г. «Трудовая Россия», РКРП, «Российский общенародный союз» Н.С. Бабурина, «Возрождение», и ряд других общественно-политических движений, недовольных расчленением СССР, экономической и культурной зависимостью от Запада, подписывают «Декларацию об образовании объединенной оппозиции».

В начале 1992 г. по инициативе «Трудовой России», в штаб-квартире движения в Москве, состоялось совещание с участием бывших народных депутатов СССР. По его итогам было принято решение о созыве восстановительного Съезда народных депутатов СССР в первую годовщину Референдума о сохранении Советского Союза — 17 марта 1992 г. Был создан Оргкомитет по подготовке и проведению Чрезвычайного Съезда. Уже во время стотысячного митинга 9 февраля 1992 г., была принята резолюция о созыве 17 марта 1992 г. съезда народных депутатов СССР, утверждена его повестка дня, обнародовано обращение к гражданам и народным депутатам Союза ССР.

Одновременно со Съездом народных депутатов было решено созвать массовый митинг на Манежной площади Москвы в форме «Все-народного Вече», призванного обеспечить «народную поддержку» Съезда: подтвердить его легитимность, принятых на нем решений и их исполнения.

Идея Съезда и особенно «Вече» вызвали серьезную озабоченность властей. 10 марта 1992 г. заместитель мэра Москвы Юрий Лужков обратился с заявлением в Верховный Совет России с призывом запретить проведение Съезда народных депутатов СССР и собираемого в его поддержку «Всенародного Вече». Вице-президент Александр Руцкой пригрозил делегатам Съезда «пятнадцатю годами тюрьмы», а спикер Верховного Совета Руслан Хасбулатов десятью⁹⁸. Накануне «Вече» газета «Московский комсомолец» опубликовала статью мэра столицы Гавриила Попова, в которой тот выражал свое отношение к предстоящим в Москве событиям: «Если мы разрешим коммунистам провести Съезд и, так называемое, «вече» в центре Москвы, то они соберут огромную толпу, изберут главу государства и на своих плечах внесут его в Кремль»⁹⁹. Однако надежды, связанные с «Вече», равно как опасения властей не оправдались.

Уже на стадии работы Оргкомитета среди его участников наметились разногласия между его организаторами, что фактически привело к разделению подготовки Съезда (его подготовкой занялись бывшие депутаты во главе с Сажи Умалатовой) и «Всенародного Вече», подготовкой которого занималась «Трудовая Россия». На уровне оргкомитета (без участия представителей «Трудовой России») были отвергнуты предложения переизбрания отказавшихся прибыть на съезд депутатов народными представителями, делегированными с мест. Вопрос о выдвижении кандидата на пост главы государства (президента СССР) с последующим утверждением его на «Вече», а также формировании параллельного советского правительства Организаторами Съезда не рассматривался. В итоге, VI Чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР, сам факт проведения которого всерьез напугал власти России, все-таки состоялся. В момент его проведения в ДК подмосковной деревни Вороново было отключено электричество, и VI Чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР вошел в историю как «Съезд при свечах». Однако то первоначальное значение, которое закладывалось в идею его созыва, подверглось девальвации.

В работе Съезда приняло участие 300 из 2250 депутатов, а сам съезд ограничился принятием ряда громких «Постановлений», критикующих бывшие союзные власти («о всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г.», «об отставке президента СССР М.С.Горбачева», «защите конституционного строя отечества», и проч.)¹⁰⁰. К глубокому разочарованию многих депутатов, прибывших из республик бывшего СССР, вместо восстановления органов советской власти Съезд ограничился формированием декоративного «Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР» во главе с С. Умалатовой, который формально существует и по сей день.

Итоги аморфного Съезда отразились и на общем ритме московского «Вече», ставшего уникальным явлением в истории постсоветского сопротивления. По разным оценкам, 17 марта на Манежной площади столицы собралось от 350 тысяч до полумиллиона человек, что составило «критическую массу». Организованное силами исключительно «Трудовой России», «Вече» на Манежной площади стало самым крупным выступлением оппозиции в истории постсоветской России. Впоследствии мировая практика неоднократно подтвердит действенность идеи массового народного собрания вечевоего типа и его решающего влияния на исход социально-политической борьбы в обществе.

«Вече» 17 марта 1992 г. стало знаковым событием, о котором многие представители Сопротивления от А.Макашова до Э.Лимонова вспоминали затем как об «упущенном шансе оппозиции». Многотысячное «Вече советских народов» ждало от вновь созданного Съезда народных депутатов СССР восстановления де-юре органов советской государственной власти (вплоть до их вооруженной защиты) и избрания главы государства. Однако итоги Съезда вызвали разочарование участников грандиозного митинга на Манежной. Общее настроение большинства собравшихся точно выразил бывший генеральный прокурор Латвийской ССР делегат «Вече» Андрис Рейниекс: «Приехали (имеются ввиду члены Постоянного Президиума. — С.Р.) такие же, как руководители ГКЧП, и сказали — никаких провокаций, только выступим и расходимся, никаких выборов, никакой Советской власти, ничего не объявим. Это потом пытались объявить, когда нас стало мало, а тогда было полмиллиона. И так же дрожали руки, как дрожали руки в августе,

тогда, когда надо было давить безжалостно эту нечисть»¹⁰¹.

В последующем «Трудовая Россия» предпримет несколько попыток повторить феномен московского «Вече» в апреле и в октябре 1993 г. Причем, последнее завершится прорывом блокады Дома Советов и примет форму стихийного восстания в Москве.

В отсутствие внятных решений относительно характера деятельности «Постоянного президиума Съезда», созданного в Вороново, на «Вече» было объявлено о формировании постоянно действующей «Думы Всенародного Вече», в которую вошли А.Макашов, В.Анпилов, А.Невзоров, В.Илюхин и др. «Думе» «поручалось выступать от лица» Вече и «созывать народ для совета в решающей для судеб страны час»¹⁰². А само «Всенародное Вече», по мнению его организаторов, должно было «стать формой непосредственного народовластия, постоянного общественного совета по важнейшим вопросам жизни страны»¹⁰³. На основе оргкомитета «Вече советских народов» (к массовому митингу на Манежной площади присоединилось множество организаций) предполагалось создать движение «ВСЕНАРОДНОЕ ВЕЧЕ»¹⁰⁴, как базу формирования фронта объединенной оппозиции. Однако данному движению так и не удалось реализоваться. В рядах оппозиции начинается процесс дробления и борьбы за лидерство.

ОБЪЕДИНЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ. «КОММУНО-ПАТРИОТЫ», «КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЕ», «СИСТЕМНЫЕ».

После фактического провала идеи восстановления советской государственности через Съезд народных депутатов СССР с последующим подтверждением его решений «Всенародным Вече» 17 марта 1992 г., патриотическое движение под знаменами «русской идеи» начинает перехватывать протестную базу коммунистической оппозиции. Происходит заметное усиление национал-патриотического движения. Причем лидирующую роль среди сторонников «русского сопротивления» под черно-желто-белыми флагами императорской России начинают играть народные депутаты Верховного Совета РСФСР. В этих условиях, дальнейшее развитие (но уже без доминирующей роли «красной» оппозиции) получает тактический союз коммунистических и патриотических организаций. Происходит окончательное оформление «коммуно-патриотического альянса», получившего вскоре с подачи официозных проельцинских СМИ имя «красно-коричневых».

Клету 1992 г. социальное противостояние в обществе обостряется. По данным столичной мэрии, в этот период в Москве было проведено «более 700 различных демонстраций, пикетирований, манифестаций и митингов». Причем, из общего количества проведенных мероприятий, по данным столичных властей, «более 30 процентов были несанкционированными»¹⁰⁵.

Весной 1992 г. в Москве происходит сразу несколько крупных выступлений оппозиции, организатором которых выступает «Трудовая Россия». 19 апреля проходит массовый (не менее 50 тысяч человек) «поход на Белый дом», а 1 мая не менее ста тысяч человек выходят на праздничную манифестацию на Красной площади Москвы. Сразу после этого, 9 мая, «Трудовая Россия» при поддержке ряда коммунистических и патриотических партий и движений (ВКПБ Нины Андреевой, РПК Анатолия Крючкова, «Возрождение» Валерия Скурлатова), а также примкнувшей к акции в самый последний момент ЛДПР Жириновского, организует «Антифашистский марш свободы» на тюрьму «Матросская тишина» с требованием освобождения членов ГКЧП. Обстановку напряжения и неуверенности, царившую тогда у столичных властей (и надо полагать, у руководства страны), отразило заявление начальника правового управления правительства Москвы Донцова. Донцов, прямо во время совещания с организаторами «Марша» в мэрии, заявил: «Будете митинговать у «Матросской тишины» — получите пулю в лоб. И вы, господин Анпилов, первый кандидат в покойники. Ваш портрет вручен всем снайперам. Так что подумайте хорошенько, прежде чем призовете штурмовать тюрьму»¹⁰⁶.

9 мая кампания солидарности с «узниками ГКЧП» прокатилась по всей России. К «Антифашистскому маршу» в Москве, проследовавшему от парка «Сокольники» до стен «Матросской тишины», присоединились тысячи сочувствующих. Сразу после окончания митинга, демонстранты стихийно перекрыли проезжую часть и двинулись по несанкционированному властями маршруту к центру города. Московская милиция в происходящее не вмешивалась. По данным, представленным Юрием Лужковым сессии Верховного Совета, во время стихийного шествия по улицам города, демонстранты «варварски крушили все элементы городского оформления, срывали российские флаги»¹⁰⁷.

В этот же день, во время народных гуляний по случаю Дня Победы в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, где традиционно проходят встречи ветеранов Великой Отечественной войны, произошло событие, отразившее реальное падение популярности президента Б. Ельцина среди населения. Утром, в плотном кольце телохранителей, в парке появился президент Ельцин, чтобы поздравить с праздником ветеранов. Однако появление президента было встречено возмущенными вопросами и репликами фронтовиков по поводу «отмены советских боевых орденов», резкого роста цен и стремительного падения уровня жизни. «Общение» Ельцина с народом мгновенно заглушил громкий свист возмущения. Собравшиеся, в том числе молодежь, принялись скандировать лозунги антипрезидентского содержания. Президент был вынужден спешно покинуть территорию парка, так и не дождавшись подготовленной специально для «высокого гостя» встречи с ветеранами.

Несмотря на прогнозировавшееся политическое затишье, связанное с периодом «парламентских каникул», конец мая — начало лета отмечается резким усилением политической активности масс. Набирает обороты весенне-летняя кампания оппозиции по сбору подписей за проведение всероссийского референдума «О прекращении полномочий президента РСФСР Б.Н. Ельцина». За три месяца проведения акции (май-июль) было собрано более 800 тысяч подписей за отставку президента России¹⁰⁸. В начале июня 1992 г. все внимание общественности вновь оказывается прикованным к «улице». Начиная с 12 июня движение «Трудовая Россия» приступило к круглосуточному пикетированию телецентра в Останкино. Многодневная акция у останкинского телецентра с легкой руки ее организатора Виктора Анпилова получила название «осада империи лжи», которое в считанные дни стало популярным в народе.

Останкинский телецентр неоднократно становился объектом атаки со стороны оппозиции. Так, еще в декабре 1991 г. «трудороссы» провели свое первое шествие к телецентру с требованием правдивого освещения в средствах массовой информации манифестации 7 ноября в Москве. Одновременно они потребовали предоставления эфирного времени для обнародования собственной программы выхода из кризиса¹⁰⁹. В эфире представителям оппозиции тогда было отказа-

но, а информационная война против противников либеральных реформ в России резко усилилась.

«Поход» и «осаду империи лжи», намеченные на 12 июня, было решено провести под лозунгом «Слово — трудовому народу!». Вопреки многочисленным утверждениям сторонников президента, стремившихся придать народной акции у телецентра антисемитский характер, основными требованиями пикетчиков были:

«1. Отстранить от работы дикторов и тележурналистов, пропагандирующих социальное паразитирование и эксплуатацию человека человеком, а также занимающихся в эфире постоянной клеветой на Советскую историю. 2. Предоставить эфирное время для ежедневной телевизионной информационной программы, предназначенной для людей, занимающихся общественно полезным трудом. 3. Провести аттестацию среди работников радио и телевидения России на предмет владения русским литературным языком и произношением»¹¹⁰.

Странности начались уже на уровне согласования акции с правительством Москвы. Заявка на проведение митинга в Останкино была подана «Трудовой Россией» на 12 июня. Одновременно правительство Москвы удовлетворяет заявку на проведение аналогичной акции у Останкинской телебашни сторонникам немногочисленной «Русской партии» (группа П.Корчагина), представители которой выразили намерение начать пикетирование телецентра начиная с 11 июня. По неизвестным нам причинам акция Русской партии, намеченная на 11 июня, так и не состоялась. Вместо этого руководители «РП», имея собственную заявку на руках, присоединились к митингу «Трудовой России», под лозунгами ярко выраженного антисемитского характера.

Утром 12 июня, во время прибытия граждан к месту сбора у метро «ВДНХ», эскалаторы на станции оказались отключены, и участники «осады» (среди которых были пожилые люди, ветераны войны), вынуждены были подниматься по эскалатору пешком. Однако и в этой ситуации организаторы акции смогли сдерживать эмоции протестующих и не допустить столкновений или противоправных действий. Такая же обстановка сохранялась на всем протяжении митинга.

По иному вели себя представители «Русской партии», присое-

динившиеся, как мы помним, к акции в Останкино без всяких препятствий со стороны московских властей. Антисемитские и националистические лозунги, привнесенные сторонниками «Русской партии» были подхвачены всеми средствами массовой информации и преподнесены при освещении «осады», как основные требования протестующих. В результате, основные цели акции оказались смазаны и переведены в русло национального вопроса. Особый акцент в СМИ делался на участвовавших в акции «русских националистах», составлявших в среде манифестантов в Останкино меньшинство. Представители т.н. «Русской Партии», по воспоминаниям участников «осады империи лжи», фактически не подчинялись общему руководству акцией, действовали самостоятельно, провоцировали выпады против журналистов и сотрудников телецентра, которые активно тиражировались представителями СМИ. Помимо этого, периодически появлялась информация, что пикетчикам в Останкино «подвозилась и раздавалась водка»¹¹¹. Впрочем, эту информацию в Московском управлении безопасности тогда же неоднократно опровергали.

О реакции властей и подконтрольных им СМИ на события в Останкино можно судить по воспоминаниям Бориса Ельцина, который, судя по всему, и задавал тон при освещении «останкинской эпопеи». Ельцин охарактеризовал происходящие события, как «скандальную акцию оголтелых анпиловцев, пытавшихся силой захватить телецентр»¹¹². Не отстал от Ельцина либеральный публицист Олег Мороз. Он утверждал, что в «гуще “массовки” действуют специально подготовленные и пользующиеся поддержкой определенных политических сил боевики»¹¹³.

Не менее тенденциозен «коллективный портрет», данный участникам акции журналисткой Ириной Петровской. Согласно Петровской, костяк акции составляли «экзальтированные дамы преклонного возраста», «бородатые, а-ля Распутин» «патриоты» и «просто городские сумасшедшие», вся «истерическая многословность» которых сводилась «в сущности, к одной набившей оскомину сентенции: “Бей жидов — спасай Россию!”». «В массе, — завершала свой «коллективный портрет» журналистка, — которую нам только и показывали все те дни в “Вестях” и “Новостях”, — они ужасали»¹¹⁴.

Между тем, происходившие у телецентра события набирали обороты, затмив многие политические перипетии в стране. После безрезультатных переговоров с руководством ВГТРК «Останкино», организаторы «осады» приняли решение перейти к круглосуточному пикетированию телецентра. Был разбит палаточный городок. В первый же вечер, к участникам пикета присоединились сочувствующие москвичи и жители ближнего Подмосковья. Многие помогали участникам «осады» продуктами. Каждый вечер у стихийного палаточного городка собиралось не менее пяти тысяч человек. Лидер «Трудовой России» В.Анпилов объявил палаточный лагерь «освобожденной территорией СССР», а также пообещал, что «всем участникам осады будут выданы справки, по которым им будут оплачены все пропуски работы после прихода к власти «Трудовой России»¹¹⁵.

Вследствие чрезвычайного внимания общественности к акции у телецентра, практически незамеченной оказалась презентация «теневое правительство» ЛДПР во главе с Владимиром Жириновским, стремившимся придать этому факту характер общероссийского масштаба. Генеральный секретарь ЦК Компартии Ирака, увидев репортаж о круглосуточном пикетировании Останкино под Государственным флагом СССР, прервал свой визит в Дамаск, и вылетел в Москву для личной встречи с участниками громкой акции. Вскоре в Останкино также прибыли представители различных общественно-политических партий и движений «патриотической» ориентации, которые только начинали борьбу за массы: Валерий Скурлатов, Александр Стерлигов, Геннадий Зюганов — прямо со съезда патриотического Русского национального собора, проходившего в эти дни в Москве. Позже в лагерь в Останкино прибыли Владимир Жириновский, а также группа писателей-«патриотов» из газеты «День» во главе с Александром Прохановым, Станиславом Куняевым, Владимиром Бондаренко. Именно во время митингов у телецентра, впервые рядом с красными флагами появилось множество знамен императорской России. В средствах массовой информации началось нагнетание истории по поводу «красно-коричневой угрозы».

22 июня, на десятый день пикетирования, по приказу московских властей, палаточный городок у Останкино был разогнан силами ОМОНа. Сотрудники ОМОНа действовали жестко, не делая исключения даже по отношению к женщинам и детям. В полдень 22 июня,

сразу после того, как стало известно о разгоне палаточного лагеря оппозиции, к станции «ВДНХ» стали стекаться толпы протестующих. Выяснив, что в районе телецентра уже никого не осталось, многочисленная колонна (от 5 до 10 тысяч) во главе с руководством общественно-политических движений, а также народными депутатами СССР и России, двинулась в сторону Манежной площади (где должен был состояться митинг, посвященный началу войны) по проспекту Мира. Движение транспорта было остановлено. В районе Рижского вокзала путь колонне был прегражден плотной цепью ОМОНа. Попытка рассредоточить демонстрантов встретила ожесточенное сопротивление. Раздались призывы «к оружию!». В сотрудников ОМОНа полетели булыжники с мостовой и арматура. Быстротечная схватка на проспекте Мира завершилась стихийным митингом прямо с крыши остановленного троллейбуса.

По данным представителей оппозиции при разгоне пикетчиков у телецентра, имелись убитые и раненые. По свидетельствам главного редактора газеты «Советская Россия» Валентина Чикина, всего убитых при разгоне было пять человек (среди них, подросток 13 лет и «девочка 16 лет, готовившая еду для палаточников») ¹¹⁶. Олег Мороз, ссылаясь на данные московских властей, категорически опровергает эту информацию: «По распоряжению Руцкого была проведена оперативная проверка московских моргов, которая подтвердила, что ни в один из моргов трупы от останкинского телецентра не привозили» ¹¹⁷.

Примечательно, что именно после «осады» Останкино термин «красно-коричневые» был активно введен в политический оборот и направлен против сил «непримиримой» объединенной оппозиции.

Сразу после побоища у останкинского телецентра, президент Б.Ельцин сначала на сессии Верховного Совета, а затем и на пресс-конференции в «Комсомольской правде» заявляет о возбуждении уголовного дела против лидера «Трудовой России» Виктора Анпилова «за призывы к свержению существующего государственного строя». Также уголовное дело возбуждается против руководителя «Русского национального собора» генерала Александра Стерлигова. В своем обращении к общественности, представители Объединенной оппозиции расценили заявления президента как «как еще один шаг в ряду неконституционных насильственных действий режима», ставя-

шего своей целью «оказать давление на правоохранительные органы», «создать новый образ врага нации» и «оставить народ без лидеров перед осенним социальным протестом»¹¹⁸.

Однако на дальнейшее развитие объединенной оппозиции в России воинственные заявления президента и его пресс-секретаря В. Костикова повлиять уже не могли. Вся последующая деятельность сил «непримиримой оппозиции» будет всецело определяться двумя важнейшими факторами, которые уже к осени 1992 г. приведут к окончательному структурированию основных лагерей антиправительственных сил и окажут существенное влияние на развитие общественно-политического процесса в целом.

Первым фактором стало учреждение 24 октября 1992 г. в Москве «Фронта национального спасения» (ФНС). Инициаторами создания «Фронта» выступили бывшие активные участники «демократического» движения из числа народных депутатов России: Илья Константинов и Виктор Аксюциц. В качестве идеологической основы для создания ФНС была выбрана идея синтеза «красной и белой России», вдохновителем которой выступал главный редактор «газеты духовной оппозиции» «День» писатель Александр Проханов. В руководстве «Фронтом» превалировали депутаты Верховного Совета и «умеренные «патриоты» (Г. Зюганов, А. Макашов, В. Распутин, и др.). Сами организаторы «Фронта», особенно из числа народных депутатов, не скрывали своего стремления перенести руководящую роль протестным движением в России с «улицы» (где первую скрипку играли «левые радикалы») в Верховный Совет. Борьба за «перехват» протестной базы становилась для народных депутатов решающей в условиях разгоравшегося противоборства Президента с Верховным Советом, который с середины 1992 г. стал открыто выражать свои претензии не только «на единоличное управление страной», но и «на раздел общенародной собственности»¹¹⁹.

В конце 1992-начале 1993 гг. с целью обретения широкой социальной базы, ФНС попытался перетянуть под свои знамена часть протестного движения «слева». В частности, в ноябре 1992 г. руководством «Фронта» была предпринята попытка расколоть московскую региональную организацию движения «Трудовая Россия», создав под своим руководством параллельную ей структуру в столице. Одновременно ФНС попытался перехватить инициативу проведения

массовых оппозиционных выступлений, став наряду с «Трудовой Россией» инициатором ряда крупных манифестаций в Москве (в частности, первомайской демонстрации 1993 г., закончившейся столкновениями демонстрантов с силами ОМОНа).

Вторым важным фактором, повлиявшим на весь последующий расклад политических сил в обществе, стало решение Конституционного суда о разрешении деятельности КПРФ. Сразу после столкновений у Останкинского телецентра 22 июня 1992 г., одновременно с заявлениями президента о возбуждении уголовных дел против лидеров «красно-коричневой» оппозиции Анпилова и Стерлигова, в Конституционном суде активизировался «процесс века» — т.н. слушания «по делу КПСС». Как по команде, все внимание средств массовой информации переключается на события в Конституционном суде. Это обстоятельство явилось не случайным, а, надо полагать, вполне продуманным шагом со стороны правящего режима. Впоследствии, уже после ухода Б.Ельцина из политической жизни страны, даже лояльные правительству СМИ вынуждены были признать, что массовые акции «Трудовой России», начиная с 1992 г., заставили «ельцинистов быстро понять необходимость карманной, иначе говоря, «системной», оппозиции, которая увела бы народ с улиц. Власти было выгодно создание умеренной левой партии во главе с аппаратчиками, а не ораторами. Серыми думскими пиджаками, а не пламенными трибунами»¹²⁰.

Ставка была сделана, и уже во время «палаточного лагеря» в Останкино руководство телевидения, с санкции властей, заявило о создании рабочей группы для переговоров с оппозицией. Однако главные организаторы акции — представители «Трудовой России» и московского отделения РКРП, до переговоров допущены не были. В качестве «представителей оппозиции», с которыми руководство ВГТРК согласилось вести переговоры, были названы не имевшие никакого отношения к организации «осады Останкино» генерал Стерлигов и бывший член ЦК КП РСФСР Геннадий Зюганов. Появление последнего в числе официальных (согласованных с властью) переговорщиков было не случайным. После запрета структур КП РСФСР Геннадий Зюганов, бывший сотрудник аппарата члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева, оказался не у дел. По многочисленным воспоминаниям людей, входивших тогда в ближайшее окружение

Г.А. Зюганова, он неоднократно заявлял об «исчерпанности коммунистической идеи в России» и предпочитал появляться на многочисленных собраниях организаций патриотического спектра, где непременно избирался в их координационные советы и «думы», не обладавшие политическим весом в оппозиции.

На момент «осады» Останкино Зюганов был известной фигурой в патриотическом движении и представлял тогда сразу несколько «патриотических» структур. Конституционный процесс «по делу КПСС» вновь вынес Зюганова на поверхность общественно-политической жизни. Фигура бывшего члена Политбюро ЦК КП РСФСР оказалась востребованной самим режимом в свете создания в России «управляемой» оппозиционной партии парламентского типа. Не случайно, что помимо Зюганова, в числе основных официальных ответчиков («защитников») по делу о запрете КПСС, были представители бывшей партийной номенклатуры, оказавшиеся после роспуска партийных структур не у дел (Е.Лигачев, В.Купцов, и проч.). Причем, большинство из них сразу после решения Конституционного суда вошло в число первых лиц вновь созданной КПрФ.

На излете 1992 г., 30 ноября, Конституционный суд России дал «зеленый свет» на воссоздание легальной Компартии «сверху», признав указ «о роспуске организационных структур КПСС и КП РСФСР не соответствующим Конституции Российской Федерации». В начале нового, 1993 года в пансионате на Клязьменском водохранилище под Москвой состоялся «восстановительный» съезд КП РСФСР, переименовавший партию в КПрФ. По предложению генерала Альберта Макашова, успевшего к тому времени покинуть и РКРП и, фактически, ФНС, председателем ЦИК новой партии был избран Геннадий Зюганов, являвшийся также сопредседателем Политсовета ФНС.

Создание КПрФ значительно ослабило РКРП, самую массовую на тот момент российскую компартию, стоявшую в авангарде коммунистического движения России в 1992—1993 гг. Умеренной КПрФ удалось «оттянуть» под свои «легальные» знамена определенную часть сторонников РКРП. Помимо бывших партработников, канувших в результате разгона структур КПСС в политическое небытие, в КПрФ хлынули массы рядовых коммунистов, сохранивших свои партийные билеты, но не вставшие на учет ни в одну из существо-

вавших к тому времени российских компартий. Прагматичное руководство КПРФ предпочло не вмешиваться в острые политические баталии 1993 г. и функционировало исключительно на «конституционном поле», очерченном властью, нередко прямо ей подыгрывая. В частности, после кровавого разгона первомайской манифестации 1993 г. в Москве, КПРФ в своем официальном заявлении осудила действия лидеров объединенной оппозиции во главе с «Трудовой Россией» и ФНС, фактически обвинив данные организации в политическом экстремизме.

Помимо коммунистического движения, создание КПРФ нанесло серьезный урон «Фронту национального спасения». Фактически с весны 1993 г. начался процесс распада организационных структур ФНС, вызванный, по словам председателя исполкома ФНС И.В. Константинова, «крайне дестабилизирующей ролью Г. Зюганова и его партии, изначально взявшей курс на сотрудничество с режимом».

Создание КПРФ привело к размежеванию двух антагонистических тенденций в протестном движении России, а также структурированию двух его противоположных полюсов: «непримиримой» и «конструктивной» (управляемой) оппозиции. Это обстоятельство оказалось решающим для соотношения сил во время резкого обострения политической ситуации в стране осенью 1993 г.

ГЛАВА 3. КРИЗИС РЕЖИМА ЕЛЬЦИНА: ОТ КОНФРОНТАЦИИ С ПАРЛАМЕНТОМ К МЯТЕЖУ

1993 г. обозначился новым витком социального противостояния. Непрерывающаяся конфронтация между президентом и Верховным Советом, углублявшийся день ото дня социально-экономический коллапс и все более усиливающееся недовольство населения страны реформами по рецептам Международного Валютного Фонда ставили государство перед лицом всеобъемлющего системного кризиса государственной власти.

«Августовская демократическая республика» (определение спикера Верховного Совета Р.И. Хасбулатова), основанная на зыбком компромиссе между парламентарным Съездом народных депутатов и, все более граничившим с самодержавным, институтом президентства, рассыпалась на глазах. Ситуация накалялась день ото дня и становилась все более взрывоопасной. В этих условиях, действия президента стали носить явно провокационный характер и окончательно выходили за рамки существовавшего Основного закона. Фактически, они подчинялись одной единственной цели — под предлогом т.н. «конституционной реформы» разогнать законные органы власти, препятствовавшие осуществлению президентского курса на форсированную капитализацию страны.

В марте 1993 г. политическая почва под ногами президента пошатнулась: на Съезде народных депутатов верх взяли антиельцинские силы.

«Народные избранники», еще вчера бывшие опорой президента, перешли в лобовую атаку на «всенародного». Ельцину и его группе грозила перспектива оказаться в политической изоляции, окончательно лишившись поддержки влиятельного Съезда, а значит — легитимности. В этих условиях, президент предпринимает первый шаг, направленный на узурпацию власти. Через головы Съезда, он выступил с телевизионным обращением к гражданам, в котором расценил действия народных депутатов как «генеральную репетицию реванша бывшей партноменклатуры» и объявил о подписании указа об «особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти» («ОПУС»). Своим указом президент единолично (без всякой ссылки на Съезд народных депутатов) назначил дату проведения референдума «о доверии президенту». Де-факто это выходило за рамки действовавшей Конституции: указ предусматривал фактическую ликвидацию властных полномочий парламента и переход правительства под управление президента.

На следующий же день Конституционный суд признал, что указ Ельцина о введении «ОПУСа» противоречит Конституции и является основанием для объявления Ельцину импичмента (отстранения от должности решением парламента). К заявлению Конституционного суда присоединились Генеральный прокурор Степанков и секретарь совета безопасности Скоков. 24 марта Верховный Совет постановил назначить на 26 марта внеочередной 9-й Съезд народных депутатов. За день до открытия Съезда вице-президент России А.Руцкой, который до этого в конфликте между президентом и Верховным Советом поддерживал Ельцина, выступил с критикой президента и объявил о своей поддержке Верховного Совета. Таким образом, против Ельцина выступили все три ветви власти: законодательная (Верховный Совет и Съезд народных депутатов), судебная (Конституционный суд) и исполнительная (вице-президент А.Руцкой). С этого момента фигура Александра Руцкого становится центром притяжения антипрезидентских сил. А сам Руцкой — наиболее вероятным кандидатом на пост президента в случае импичмента Ельцину.

Состоявшемуся 26 марта Внеочередному Съезду народных депутатов не хватило всего 30 голосов для начала процедуры импичмента. Однако, как впоследствии отмечал начальник президентской охраны Александр Коржаков, президент был готов к неподчинению решени-

ям Съезда. Предполагалось, что в случае принятия решения об импичменте Ельцину, будет немедленно оглашен указ о разгоне Съезда, а если депутаты окажут сопротивление, предполагалось «выкурить» их из зала заседания в Кремлевском Дворце посредством «небольшой газовой атаки»¹²¹.

Вот как об этом рассказывает в своих воспоминаниях сам Коржаков:

«22 марта Ельцин вызвал Барсукова (Начальник Главного управления охраны. — С.Р.):

— Надо быть готовыми к худшему, Михаил Иванович! Продумайте план действий, если вдруг придется арестовывать съезд.

— Сколько у меня времени? — поинтересовался генерал.

— Два дня максимум.

Президент получил план спустя сутки.

Суть его сводилась к выдворению депутатов сначала из зала заседаний, а затем уже из Кремля. По плану Указ о роспуске съезда в случае импичмента должен был находиться в запечатанном конверте. После окончания работы счетной комиссии (если бы импичмент все-таки состоялся) по громкой связи, из кабины переводчиков офицеру с поставленным и решительным голосом предстояло зачитать текст Указа. С кабиной постоянную связь должен был поддерживать Барсуков, которому раньше всех стало бы известно о подсчете голосов. Если бы депутаты после оглашения текста отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию... Словом, все то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили расставить канистры с хлорпикрином — химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют для проверки противогазов в камере окуривания. Окажись в противогазе хоть малюсенькая дырочка, испытатель выскакивает из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже бы не помышлял. Президенту «процедура окуривания» после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной: способ гарантировал стопроцентную надежность, ведь противогазов у парламентариев не было. Каждый офицер, принимавший участие в операции, знал

заранее, с какого места и какого депутата он возьмет под руки и вынесет из зала. На улице их поджидали бы комфортабельные автобусы.

Борис Николаевич утвердил план без колебаний.

28 марта началось голосование по импичменту. Каждые пять минут Барсуков докладывал о результатах подсчета голосов. В этот момент к нему подошел Виктор Илюшин и дрожащей рукой передал запечатанный конверт с текстом Указа.

Но Указ зачитывать не пришлось. Примерно за час до объявления результатов голосования мы уже знали их.

Тогда Михаил Иванович позвонил президенту и сообщил:

— Импичмента не будет.

Ельцин сказал:

— Надо службу заканчивать. Пусть они там еще побесятся, поголодают, выступают... Давайте быстро ко мне.

Барсуков отдал президенту заклеенный конверт с Указом. Так никто и не услышал этого текста.

Шеф положил конверт в письменный стол, обнял и расцеловал Михаила Ивановича:

— Спасибо за службу.

Все уже собрались в белой столовой, на третьем этаже. Там были также Черномырдин, Грачев, Илюшин, Баранников. Посидели минут сорок, выпили за победу, хорошо закусили и мирно разошлись.

Так что, если бы даже импичмент состоялся, президент бы власть не отдал...»¹²²

Поскольку ни одна из сторон не смогла одержать верх, Съезд вынужден был дать согласие на проведение референдума, заявленного президентом. Однако вопросы, выносившиеся на всенародное обсуждение, были существенно расширены. В референдум были включены 4 вопроса: 1) доверяете ли вы президенту Б.Н.Ельцину, 2) одобряете ли вы социально-экономическую политику президента Б.Н.Ельцина, 3) о досрочных выборах президента, 4) о досрочных выборах депутатов.

Также Съезд принял поправки в Конституцию, которые должны были предотвратить появление подобных «ОПУСов» в будущем. Так, в Конституцию была внесена статья 121⁶, которая гласила, что в случае попыток Ельцина разогнать Съезд, Верховный Совет (или какие-либо иные органы власти), полномочия Ельцина будут автоматически прекращены.

Во время работы Съезда депутаты ежедневно проходили из гостиницы «Россия», где проживали иногородние депутаты, в Кремль (где проходил Съезд) через стоящие друг напротив друга «коридоры» демонстрантов. По одну сторону стояли изрядно поредевшие сторонники президента, по другую — сторонники оппозиции. Акции у гостиницы «Россия» то и дело грозили перерасти в столкновения. И той и другой стороне с трудом удавалось сдерживать эмоции. Обстановка в столице накалялась.

Значительную роль в нагнетании социального напряжения сыграли официальные СМИ, поддерживавшие политику президента. Мощная пропагандистская кампания сопровождала все дни подготовки референдума, намеченного на 25 апреля. Однако, несмотря на колоссальное привлечение административного ресурса, впервые использованного в новейшей истории России в таких масштабах, результаты плебисцита не отразили существенного перевеса в пользу ни одной из сторон. Если считать от числа проголосовавших, доверие президенту Ельцину выразили 58,7% (при 2,12% недействительных бюллетеней); реформы, проводимые президентом и правительством, одобрили 53,0% (2,37% недействительных). В то же время за досрочные выборы президента высказались 49,5% (при 3,35% недействительных), за перевыборы народных депутатов — 67,2% (при 2,73% недействительных)¹²³.

Подконтрольные власти средства массовой информации поспешили представить результаты референдума как победу Ельцина. Но, несмотря на «победную» браваду сторонников «демократических реформ», итоги референдума стали серьезным моральным поражением для команды президента и, судя по дальнейшему развитию событий, окончательно укрепили его в стремлении к силовому выходу из сложившейся ситуации. Угроза свертывания конституционных прав и свобод с последующим навязыванием обществу неограниченной президентской диктатуры, способствовала окончательному сужению социальной базы сторонников Ельцина и толкала в объятия оппозиции недавних участников «демократического» лагеря, оказавшихся к 1993 г. фактически не у дел.

Так, сразу после апрельского референдума на стону оппозиции переметнулся активный участник «движения демократических реформ» Виталий Уражцев, руководитель «военного правозащитного» движе-

ния «Щит», сделавший немало для дискредитации Советских вооруженных сил в эпоху «перестройки». Позиция соблюдения законности перевела на сторону активных противников президента и часть еще недавно колебавшихся народных депутатов. Особенно ярко эта тенденция проявилась в Москве, где значительная часть депутатского корпуса активно выступила против антиконституционных действий президента и, фактически, оказалась по одну сторону баррикад с силами «непримиримой» оппозиции. События во время Первомайской манифестации в Москве стали последним рубежом, за которым общество ждал социальный взрыв.

На 1 мая было намечено проведение традиционной массовой манифестации трудящихся. Коллективную заявку на проведение демонстрации в Москве подали движение «Трудовая Россия», Российская коммунистическая рабочая партия, и «Фронт национального спасения». К заявке присоединились представители ряда коммунистических и рабочих партий России (в том числе КПРФ), а также различные патриотические организации: «Возрождение», «Союз Офицеров», и др. Организаторы мероприятия подали заявку в соответствии с установленным законом сроком, и планировали пройти шествием от Октябрьской до Красной площади столицы, где и провести митинг. Основанием для выбора именно такого маршрута (ныне давно уже немыслимого в современной России) являлся тот факт, что годом раньше, 1 мая 1992, стотысячный митинг «Трудовой России» состоялся именно на Красной площади и никаких препятствий для его проведения организаторы тогда не встретили. В этот раз ситуация резко изменилась.

Сразу после проведения апрельского референдума политическая и правовая ситуация в Москве обострилась. По данным столичной мэрии, кривая массовых политических акций пошла вверх по возрастающей. Причем, в 1993 г. наметилась явная тенденция к проведению несанкционированных, как правило, стихийных акций (т.е. проведение которых не согласовано с властями Москвы)¹²⁴. Однако дело было далеко не в усилившемся пренебрежении к действующему закону со стороны граждан. К 1993 г. резко обострилась «война законов». Главы администраций (в том числе мэр города Москвы), назначаемые президентом «сверху», в принятии своих решений все чаще шли в разрез с мнением местных Советов, которым, согласно действовавшей Кон-

ституции страны, принадлежала власть в центре и на местах. В столице, усиливалось противостояние мэрии и Моссовета. При этом «парламент Москвы», надо это признать, чаще всего стремился придерживаться букве закона и препятствовал авторитарным притязаниям со стороны главы городской администрации (мэра), действовавшего по непосредственной указке президента Ельцина. Вопреки решениям Моссовета, мэрия Москвы все чаще использовала запретительное право и отклоняла заявки на многочисленные акции. Как правило, запретительное право касалось исключительно оппозиции. Препрезидентским структурам (особенно, «Демократической России») препонов для уличных акций в поддержку президента не создавалось. Более того, на 1 мая 1993 г. заявки на проведение праздничных акций подали самые различные политические силы — от профсоюзов до ЛДПР В. Жириновского. Их конституционные права на проведение массовых публичных мероприятий были реализованы в полном объеме. Для праздничной колонны профсоюзов была открыта Красная площадь Москвы, а Владимиру Жириновскому не чинили препятствий для проведения митинга на Пушкинской площади. Особую «пикантность» предстоящей первомайской манифестации оппозиции придавал тот факт, что незадолго до ее проведения, президент Ельцин, будучи с официальным визитом в США, заявил своему американскому коллеге: «С коммунизмом в России покончено!»

Вопреки конституционному праву граждан на проведение массовых шествий и демонстраций, закрепленных в статье 39 Конституции РСФСР, а также вопреки действующему законодательству, предусматривающему процедуру согласования маршрута и формата мероприятия с его организаторами, заявители первомайской демонстрации были приглашены на совещание в мэрию города только во второй половине дня 29 апреля, т.е. за день до предполагавшегося мероприятия¹²⁵. В ходе совещания организаторы акции были поставлены перед фактом: манифестация на Красной площади запрещена по решению президента России (Кремль являлся его официальной резиденцией) и коменданта Московского Кремля, а маршрут шествия от Октябрьской площади к центру города ограничен до 200 (!) метров. Столичные власти предлагали многотысячной колонне оппозиции проследовать от своего места сбора на Октябрьской площади до... Крымского моста, где и провести митинг. Для всякого думающе-

го человека было очевидно, что подобная ситуация (особенно если учесть накаленную политическую атмосферу после референдума) может спровоцировать массовые беспорядки. Именно об этом организаторы первомайской манифестации — народный депутат Моссовета В.И. Анпилов и депутат Верховного Совета И.В. Константинов заявили на совещании в присутствии столичного руководства. Уже упоминавшийся нами начальник государственно-правового управления мэрии Донцов вновь пригрозил организаторам акции: «Если вы пойдете, то мы вас будем бить!»¹²⁶

Утром первого мая, начавшие собираться на мирную манифестацию граждане, были в буквальном смысле изумлены увиденным: по периметру Октябрьская площадь была оцеплена плотными кордонами внутренних войск, конной милиции, вооруженным ОМОНОм. В непосредственной близости от предполагаемого места проведения митинга, отведенного демонстрантам московскими властями — у Крымского вала — наблюдалось огромное скопление спецтехники, а проход на Крымский мост преграждали вооруженные ОМОНовцы. Естественно, что одна только эта обстановка не предвещала мирного исхода. В этих условиях, организаторы акции приняли решение изменить маршрут шествия, чтобы увести от возможного столкновения с силами правопорядка многотысячную колонну демонстрантов. Кстати, после того, как прокуратура России возбудила официальное дело по факту «массовых беспорядков центре Москвы» и обратилась к сессии Моссовета с запросом дать согласие на «приведение депутата Анпилова к административной ответственности»¹²⁷, комиссия Моссовета по законности в своем официальном заключении пришла к выводу, что «действия Анпилова по изменению маршрута... были совершены для устранения опасности, которая угрожала общественному порядку и правам граждан»¹²⁸ на проведение мирных манифестаций.

Сразу после «оперативки» у памятника В.И. Ленину на Октябрьской площади, руководитель «Трудовой России» В.И. Анпилов, как наиболее влиятельный и известный в коммунистическом движении лидер, обратился к собравшимся с просьбой подчиниться решению организаторов акции и двинуться в противоположном направлении от заявленного маршрута в сторону площади Гагарина по направлению Воробьевых гор. Однако обстановка на площади была крайне напряженная. Уговаривать манифестантов Анпилову пришлось в течение

15 минут. То и дело раздавались призывы к организаторам шествия «не выпускать пар» и «идти на прорыв»¹²⁹. Что было вполне естественно: тысячи людей, пришедших на мирную манифестацию, восприняли действия московских властей как личное оскорбление и ущемление своего гражданского достоинства. После 15-минутных обращений к участникам демонстрации через мегафон, лидеру «Трудовой России» удалось убедить собравшихся. Праздничные колонны (именно праздничные — люди пришли с цветами, воздушными шарами в руках, как на ТРАДИЦИОННЫЙ советский праздник, многие пришли с детьми!) «с музыкой и песнями»¹³⁰ двинулись по Ленинскому проспекту в сторону МГУ. Позже мирный характер демонстрации подтвердят многочисленные видеозаписи, представленные депутатам Верховного Совета и иностранными журналистами, работавшими внутри колонны¹³¹. Но даже несмотря на это, российское телевидение с подачи мэра Москвы Юрия Лужкова, через несколько часов после кровавого столкновения на Ленинском проспекте, будет утверждать, что «агрессивная толпа демонстрантов» шла, «круша все на своем пути»¹³², а министр МВД Ерин во время своего выступления на сессии Верховного Совета по факту событий в Москве, назовет демонстрантов «политическими авантюристами, действия которых граничат с уголовно наказуемыми преступлениями»¹³³.

На подходе к площади Гагарина путь демонстрантам оказался перекрыт плотной шеренгой ОМОНа. В первых рядах демонстрантов, помимо руководителей общественно-политических организаций, находились также народные депутаты Верховного Совета. Как свидетельствует депутат И.В. Федосеев, за несколько минут до столкновения он обратился к сотрудникам ОМОНа с просьбой предоставить ему возможность связаться с их руководством для предотвращения столкновения. Однако вместо этого, отмечает, Федосеев, «меня стали бить дубинкам по голове. А когда я упал, стали пинать ногами. Потом отобрали у меня удостоверение, сорвали депутатский значок и лишили какой-либо возможности повлиять на развитие событий»¹³⁴. Таким образом, по мнению депутата, столкновение «можно было бы предотвратить, если бы у встречной стороны было желание это сделать»¹³⁵.

Слова народного депутата И.В. Федосеева подтверждают и рядовые участники первомайской демонстрации в Москве. Полковник внутренних войск в отставке Герман Масленников, доставленный после

событий на площади Гагарина в больницу с переломом ребер и «множественными ушибами мягких тканей грудной клетки», утверждает: демонстранты, за исключением одного подвыпившего мужика (его оттащили в сторону свои же), не проявляли агрессивности»¹³⁶. И только после начала массового избияния мирной демонстрации, ее участники начали применять ответные меры, направленные на самооборону. Кстати, весьма примечательный факт: наряду с дружиной «Трудовой России», в первых рядах шли и первыми вступили в рукопашную с превосходящими силами ОМОНа именно руководители шествия. В их числе — В. Анпилов, И. Константинов, С. Терехов, В. Скурлатов, И. Маляров (лидер российского Комсомола).

Результаты Первомайского побоища в центре Москвы впечатляли. В результате столкновения пострадали около 600 человек, в том числе около 40 были госпитализированы (205 пострадавших из них 26 госпитализированных, — сотрудники милиции). Было сожжено 3, сильно пострадало 16 автомашин. 26 человек задержано. Как отмечала «Российская газета», «за последние 25 лет аналогичных или похожих событий в Москве не было, даже события 19—21 августа 1991 г. сопровождалась гораздо меньшим числом пострадавших»¹³⁷.

По своему психологическому воздействию на массы 1 мая 1993 г. стало знаковым событием. Многочисленные участники той манифестации, пришедшие «отметить советский праздник», на который они выходили с детства, испытали настоящий психологический шок. Свидетельствует очевидец событий С. Турченко: «То, что творилось вокруг простому россиянину, воспитанному при «тоталитарном режиме», не могло бы присниться и в кошмарном сне. Омоновцы с искаженной злобой лицами молотили дубинками и женщин, и стариков, не говоря уже о людях помоложе. Многие убегали, но их догоняли, сбивали с ног, зверски отхаживали каблуками. Тех, кто не мог уже подняться, оттаскивали за машины...»¹³⁸ После кровопролития, которое было спровоцировано властями совершенно осознанно, ситуация резко изменилась. Люди впервые почувствовали, что «живут в совершенно другой стране». В этом плане характерно признание участника той манифестации, ветерана Великой Отечественной войны М.Н. Фельдмана: «Я никогда не пропускал никаких демонстраций и митингов... Я не очень здоровый человек, поэтому 1 мая шел не в первых рядах, а в середине колонны... Две лужи моей крови остались на той мостовой — и

она прорастет, эта кровь. И на следующий митинг я пойду обязательно. Я думаю, что против оружия должно быть оружие»¹³⁹.

О том, кто и с какой целью провоцировал демонстрантов на столкновение, сказал в интервью газете «АиФ» председатель Моссовета Николай Гончар: «Власти допустили ошибку (запретив демонстрацию. — С.Р.). Но они выражали мнение очень серьезных экономических и политических сил. Прямым путем. И настрой был — «показать быдлу силу»¹⁴⁰. Мнение Н.Гончара разделяет и народный депутат Илья Константинов: «Власть преднамеренно провоцировала столкновение. Ей нужна была кровь, чтобы затем представить оппозицию в виде кровавого чудовища и натравить на нее общество»¹⁴¹.

Спровоцированное столкновение в Москве было всецело использовано представителями действующей власти и подконтрольных ей СМИ для дальнейшего нагнетания атмосферы напряженности в обществе. Еженедельник «Аргументы и Факты», по горячим следам Первомай, когда еще не были известны даже предварительные результаты расследования кровопролития, страшил общество угрозой новых беспорядков со стороны «непримиримых». «По нашим сведениям, — писал в те дни «АиФ», — в Москве идет активная подготовка к Дню Победы. Те же организаторы призывали людей запастись хоккейными касками, обрезками труб, пузырьками с тушью, краской и чернилами. Похоже, что витрины новых магазинов на Тверской улице, по которой пройдет шествие, могут быть разбиты и серьезно измазаны. Планируется еще одна акция: решено все ряды демонстрантов разбавить ветеранами войны с медалями и орденскими планками». При этом неизменно подчеркивалось, что российские и московские власти сделают все необходимое для соблюдения законности в столице. «Решено беречь людей, и использовать в случае необходимости бесконтактные методы. Например, водометы. Кстати, законом, принятым парламентом, разрешено применение слезоточивых газов»¹⁴². — отмечает все тот же «АиФ».

О том, как в реальности российские власти готовились к новым выступлениям оппозиции, намеченным на 9 мая, спустя длительное время после тех событий в интервью газете «Аргументы и Факты» расскажет бывший заместитель министра МВД России Андрей Дунаев. Предоставим ему слово:

«За три дня до празднования Дня Победы стало ясно, что против-

ники Ельцина готовят масштабные акции протеста и на их волне попытаются захватить власть. 7 мая в мэрии Москвы состоялось совещание с участием министра безопасности РФ Баранникова и министра внутренних дел Ерина. Сразу по его окончании мне позвонил Баранников и в присущей ему жесткой форме сказал: «Я только с совещания. Сейчас тебя вызовет Ерин и предложит провести операцию. Не нарушай закон». И положил трубку. Действительно, буквально через несколько минут меня вызвал Ерин и сказал, что коммунисты и «Трудовая Россия» во главе с Анпиловым готовят новые провокации 9 мая, после чего многозначительно добавил: «Надо, чтобы Анпилова не было».

Вернувшись к себе, я созвал совещание начальников оперативных служб и разведки МВД. Общее мнение сводилось к тому, чтобы с некоторыми допустимыми нарушениями закона задержать Анпилова на время празднования Дня Победы. Решение совещания я тут же доложил Ерину. Он выслушал меня и сказал: **«Вы что, не поняли меня?! Анпилова к 9 мая чтобы не было».**

Я напомнил Ерину о судьбе Берии, Абакумова, других преступников, которые в сталинские времена без суда и следствия «убирали» людей. На это Виктор Федорович ответил мне так: «Считай, что этого разговора не было». Я ушел. Пригласил к себе начальника разведки МВД генерала В. Николаева и приказал двумя бригадами его сотрудников работать по Анпилову. Утром по дороге на работу услышал по радио «Маяк», что 7 мая Анпилов был кем-то схвачен и увезен в неизвестном направлении. Войдя в здание МВД, я встретил начальника разведки и прямо спросил его: «Где Анпилов?» Он отвел глаза и сказал: «Не знаю». Я понял, что он получил приказ в отношении Анпилова не только от меня»¹⁴³.

Примечательно, что в этом же интервью Дунаев прямо говорит о подлинных причинах своего увольнения из МВД, последовавшего немногим после указанной выше «спецоперации»: «...и мне и аппарату МВД стало понятно, что невыполнение приказа по устранению Анпилова заставило Ельцина усомниться в моей верности»¹⁴⁴.

Как видим, речь шла не просто о том, чтобы «изолировать» лидера «Трудовой России» на «время праздников». Дунаев прямо говорит об имевшемся «приказе по устранению Анпилова». Более того, поражает не только сам факт появления подобного приказа, особенно, если

учесть в какой острой политической и социальной обстановке он готовился. Поражает, что даже спустя десять лет после майских событий 1993 г., несомненно, явившихся прологом к более масштабным и более кровавым событиям октября, бывший заместитель министра внутренних дел чрезвычайно далек от того, чтобы дать правовую оценку действиям российских властей. Интересно также, каким образом с точки зрения законности и правового государства вообще, о построении которого неустанно повторяли «демократические» власти России, следует трактовать слова бывшего министра МВД о необходимости задержать «на время» депутата Моссовета (лицо по закону неприкосновенное) «с некоторыми допустимыми нарушениями закона»? Получило ли министерство МВД соответствующую санкцию сессии Моссовета на проведение данной «спецоперации» или речь шла о фактически разбойном похищении одного из влиятельных политических оппонентов действовавшей власти и лично президента России Ельцина? Дунаев на этот вопрос не отвечает. Более того, на основании приведенного выше признания А. Дунаева, можно предположить, что данная «спецоперация» не являлась сугубо инициативой министерства МВД, а была разработана и проведена по прямому указанию «сверху». В противном случае, спешное увольнение Дунаева из аппарата МВД вряд ли бы потребовалось.

Нельзя исключать, что предполагавшаяся операция МВД по устраниению лидера «Трудовой России» накануне оппозиционных выступлений 9 мая в Москве (особенно в свете развернувшейся истерии в СМИ), ставило своей целью провоцирование сторонников оппозиции на противоправные действия, вплоть до массовых уличных беспорядков. В условиях крайне накаленной ситуации в столице, это было вполне реальным. Тем более что в отсутствие Анпилова (и власти это прекрасно понимали) организаторы акции 9 мая в Москве, вряд ли смогли бы удержать сторонников оппозиции, разгоряченных известием об устранении одного из ее лидеров, от провокаций. Очевидно, что для властей повторение первомайских событий в центре Москвы стало бы весомым основанием для введения режима чрезвычайного положения с последующим запретом оппозиционных организаций, роспуском съезда народных депутатов и форсированного протаскивания президентского проекта конституции, наделявшего его неограниченными полномочиями. Такой сценарий (не исключавшийся,

кстати, большинством оппозиционных народных депутатов) был вполне возможен. Однако в мае 1993 г. такой сценарий был не реализован в силу имевшихся, судя по рассказу А. Дунаева, серьезных противоречий не только в аппарате МВД, но и в самих правящих кругах. В результате, похищенный сразу после официального допроса в прокуратуре по факту первомайских событий в Москве, депутат Моссовета Виктор Анпилов был избит (с симуляцией расстрела) и отпущен к вечеру 9 мая, после завершения оппозиционных демонстраций.

События 1 мая 1993 г., вне всякого сомнения, явились генеральной репетицией силового варианта развития событий, апробированного властями на улицах Москвы. Фактически, с этого времени действия президента и его администрации окончательно вышли за рамки правового поля и приняли характер ползучего государственного переворота с целью изменения действующей конституции и роспуска законных конституционных органов страны. По разным источникам, начиная с середины лета 1993 г. президентские структуры начали подготовку пакета указов о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного совета, и введении в стране прямого президентского правления. Как утверждали эти источники, заявления президента о принятии соответствующих мер можно было ожидать в любой день, начиная с конца первой декады сентября.

Многочисленные запугивания общественности подобным вариантом развития событий и столь же многочисленные опровержения такого рода слухов Б. Ельциным приучили общество, и даже Верховный Совет, относиться к таким сигналам без должной тревоги. События 21 сентября показали, что сведения о готовности президента выйти за рамки действующей Конституции на этот раз оказались вполне достоверными. Угроза социального взрыва в этих условиях становилась неизбежной. Особенно если учесть тот факт, что первомайские события в Москве ярко продемонстрировали, что любые формы диалога с обществом высшее политическое руководство считает неприемлемым.

Государственный переворот, осуществленный командой президента под флагом указа о «поэтапной конституционной реформе», предполагал роспуск парламента страны через головы Конституции и Съезда народных депутатов. Он способствовал окончательной эскалации социального конфликта, который к октябрю 1993 г. достиг своего апогея и принял форму стихийного народного восстания в Москве.

ГЛАВА 4. НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ СЕНТЯБРЯ – ОКТЯБРЯ 1993 Г. В МОСКВЕ

События, последовавшие после оглашения президентом России Б.Ельциным Указа № 1400 о роспуске Верховного Совета и Съезда народных депутатов, не имеют устоявшегося определения в научной и исторической литературе.

Как правило, трактовка этих событий целиком и полностью зависит от политических пристрастий и степени ангажированности самого исследователя. Наиболее часто употребляемые характеристики событий 21 сентября – 4 октября в Москве отражают точку зрения, сформировавшуюся исключительно под воздействием проправительственных средств массовой информации, общественных и политических деятелей, близких по своей политической ориентации к президенту Ельцину. Отсюда такие распространенные определения как – «вооруженный мятеж сторонников Верховного Совета», «противостояние», «попытка государственного переворота»¹⁴⁵. Как мы уже неоднократно отмечали, эти определения отражают наиболее распространенную тенденцию в освещении событий 1992—1993 гг.: изучение истории протестного движения в обществе переводится исключительно в плоскость политического противостояния между ветвями российской власти. Естественно, что при таком подходе затушевывается подлинное содержание социального протеста, его характер и движущие силы. А сами драматические события сентября – октября 1993 г., ставшие выс-

шей точкой в истории социального протеста в России, превращаются в событие второго плана, происходившего на фоне развивающегося конфликта между парламентом и президентом. Как нам представляется, такой подход мало соответствует истине и не отражает всю сложность процессов, происходивших в обществе.

Мы уже отмечали, что широкое движение социального протеста в постсоветском обществе зародилось задолго до конфликта между президентом и Верховным Советом. Это движение приняло форму открытого сопротивления политике рыночных реформ, осуществлявшейся президентом с одобрения и при поддержке Верховного Совета. Последний под давлением «снизу», но в большей степени в силу объективного хода политического процесса в России (борьба за контроль над распределением общенародной собственности, ущемление интересов национального капитала, резкое полевание социальной базы Ельцина) вынужден был перейти в конфронтацию с президентом, которая развивалась одновременно с нарастающим протестным движением масс. Причем, ошибочно полагать, что Верховный Совет отражал интересы «улицы».

К сентябрю 1993 г. конфронтация между ветвями государственной власти, представлявшим интересы противоположных социальных групп в обществе, завершилась государственным переворотом, осуществленным командой президента Ельцина. К этому времени все возможные формы диалога между властью и обществом были решительно отменены самим правящим режимом. События, следовавшие прямо за апрельским референдумом стали прямым доказательством нежелания власти развернуться лицом к «улице». Антиконституционные действия группы президента, отражавшей интересы крайне узкой социальной прослойки, стали решающим фактором эскалации противостояния между властью и обществом. Социальное напряжение, сопровождавшее весь период 1992—1993 гг. и особенно обострившееся в результате противостояния между парламентом и президентом, нашло окончательный выплеск в форме стихийного народного восстания в Москве.

ОКТАБРЬ 1993: ЧТО ЭТО БЫЛО?

Насколько справедливо употребление термина «народное восстание» по отношению к событиям сентября — октября 1993 г. в Москве?

В этом вопросе необходимо исходить из двух аспектов. Во-первых, из системы международного права, действовавшего на момент октября 1993 г. и, кстати, продолжающего действовать и по сей день. Во-вторых, из непосредственного анализа фактической стороны событий, происходивших в Москве, и известных как «оборона Верховного Совета».

С точки зрения международного права, после распада Советского Союза Российская Федерация (тогда — РСФСР) была объявлена юридическим правопреемником СССР. Это распространялось на членство в Организации Объединенных Наций и Совбезе ООН, а, следовательно, и на все основополагающие акты международного права, признанные в свое время Советским Союзом. Одним из главных актов международного права является «Всеобщая декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Данная Декларация провозглашает основные гражданские и политические права и свободы личности (равенство всех перед законом, право на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести), а также социально-экономические права, гарантируемые индивиду государством: право на труд, социальное обеспечение, отдых, и проч. В официальной Преамбуле «Декларации» особо отмечается: «Принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, *в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения*... Генеральная Ассамблея, провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства...»¹⁴⁶ (Курсив наш. — С.Р.).

Исходя из определений, данных «Всеобщей декларацией прав человека», а также из практики социально-экономических реформ в России 1992—1993 гг., создавших невыносимые условия для жизнедеятельности значительной части населения страны (всеобщая безработица, люмпенизация населения, обесценивание сбережений, рост цен, депопуляция), «восстание против тирании и угнетения» стало последним средством масс. В этом смысле по отношению к участникам событий сентября—октября 1993 г. вполне применимы термины «восставшие» или «повстанцы», но никак не «мятежники», «путчисты», а таем более «боевики».

В последствии основным доводом в защиту силовых действий президента, станет то обстоятельство, что «сторонники Верховного Совета» отказались «от возможности ведения политической борьбы путем участия в выборах в Государственную Думу»¹⁴⁷, намеченных в соответствии с указом № 1400, и «поспешили принять позу обороняющихся». Вместе с тем, остается в стороне тот факт, что указ о роспуске Съезда народных депутатов противоречил не только Конституции, но также результатам референдума, проводившегося в апреле 1993 г. Напомним, что тогда как в поддержку президента, так и в поддержку Съезда народных депутатов проголосовала примерно равная часть граждан. Следовательно, даже если исходить только из официальных итогов апрельского референдума, институт президентской власти имел такую же степень легитимности в глазах граждан, как и Съезд. Следовательно, издавая указ о роспуске последнего, президент грубо нарушил волю значительной части граждан и автоматически ставил себя на антиконституционное поле.

Роспуск съезда окончательно развязывал руки президенту и его команде для форсированного проведения «либеральной революции» в России и окончательно лишал значительные массы граждан возможности изменить президентский курс реформ конституционными методами — т.е. через выборы Съезда народных депутатов (а не Государственной думы!), имевшего реальное влияние на президента и правительство. В силу именно этих обстоятельств, ощутив свое полное правовое бессилие перед лицом государственного переворота, осуществленного президентом Ельциным, граждане поднялись на стихийное восстание. Однако и в этом случае, действия тех, кто принимал активное участие в «обороне Верховного Совета» в Москве, оставались в пределах конституционного поля, в отличие от действий президента Ельцина.

Согласно Основному закону страны, действовавшему на момент оглашения указа № 1400 «о поэтапной конституционной реформе», гражданин Ельцин Б.Н. автоматически ставился бывшим президентом России. Более того, сразу же после оглашения указа 1400 Конституционный суд РФ во главе с В.Зорькиным признал действия президента антиконституционными и являющимися основанием для отрешения его от должности. Одновременно незаконным указ 1400 признали 29 субъектов Российской Федерации. Таким образом, если

стоять на позиции законности и действовавшей на тот момент Конституции РСФСР 1978 г., то необходимо согласиться с позицией народного депутат ВС РФ Евгения Гильбо, квалифицировавшего действия президента Ельцина не иначе как «вооруженный мятеж». «Потеряв все конституционные полномочия, — отмечал в своих свидетельских показаниях по факту событий сентября—октября 1993 г. в Москве бывший народный депутат, — Ельцин мог только пойти на вооруженный мятеж, опираясь на коррумпированных, лично преданных чиновников. Положение осложнялось тем, что коррупция в высших сферах достигла невероятных масштабов и слишком многие вынуждены были поставить на темную лошадку диктатуры в надежде покрыть свои преступления»¹⁴⁸.

Второй аспект, позволяющий нам судить о событиях в Москве как о стихийном народном восстании, связан с непосредственным анализом характера событий «обороны» Верховного Совета на Краснопресненской набережной (т.н. «Белый дом»). Это вопрос требует более подробного рассмотрения.

Сразу после телевизионного оглашения Ельциным указа о роспуске Верховного Совета, последовавшего в 20.00 по московскому времени, к «Белому дому» начали стекаться «сторонники Верховного Совета» (данный термин является условным, и к вопросу о том, что в действительности стояло за этим определением, мы обратимся ниже). Согласно данным правоохранительных органов г. Москвы, начало массового скопления сторонников оппозиции у здания Верховного Совета отмечается уже в 20.50. К десяти часам вечера по разным оценкам, на стихийный митинг на площади перед зданием парламента собрались от 7 до 10 тысяч человек. По некоторым данным эта цифра является существенно преуменьшенной, как минимум в два раза. Примерно с 22 часов началось стихийное, никем не организованное строительство баррикад.

Примечательно, что многие лидеры оппозиционных организаций стали прибывать на площадь Свободной России (территория перед ВС РФ, названная так после августовских событий 1991 г.) также как и большинство граждан, в индивидуальном порядке. О роспуске Верховного Совета они, как правило, узнавали из телевизионного обращения президента. Так, уже в 19.00 к зданию парламента прибыл лидер «Трудовой России» Виктор Анпилов. По свидетель-

ству последнего уже в момент его прибытия у подъездов Верховного Совета со стороны Горбатого моста «шел стихийный митинг тысяч и тысяч людей. На откровенно фашистскую вылазку диктатора народ ответил восстанием». Вскоре среди митингующих появился генерал Альберт Макашов. Исключение составляли только лидеры организаций национал-патриотической ориентации из числа народных депутатов России, которые к моменту оглашения президентского указа находились в здании Верховного Совета и поспешили оповестить актив своих организаций о предстоящих событиях. В частности, в стенах здания ВС РФ прошла «оперативка» руководства организации «Российский общенародный союз» депутата С.Н. Бабурина. Там же было принято экстренное заявление исполкома «Фронта национального спасения» во главе с депутатом И.В. Константиновым. Примечательно, что первым флагом, поднятым у стен «Белого дома» стал черно-желто-белый «триколор» императорской России, являвшийся тогда официальным знаменем ФНС и ряда других «патриотических» объединений¹⁴⁹.

Многие активисты политических организаций (к примеру, РКРП) узнавали о предстоящей «обороне» Верховного Совета в результате «обзвона», и таким образом прибыли к зданию парламента уже к 11 часам вечера. Вот как свидетельствует об этом в своих собственноручных показаниях представитель РКРП рабочий С.З.: «21 сентября 1993 г. разговариваю по телефону с товарищем по работе. Он сказал мне: «Только что выступил Ельцин. Он распускает Верховный Совет». Попрошались. Едва положил трубку — звонок из районной организации РКРП. Призыв: срочно к зданию ВС. Было 21.20. Хотел дождаться «600 секунд», но подумал, что этой передачи по такому случаю может и не быть. Так что нечего терять времени. Оделся потеплее (опыт пребывания в сложных условиях у меня есть) и поехал. У здания ВС на площади был примерно в 22.30 (примерно, потому что на такие мероприятия беру с собой только военный билет). У трибуны слева человек с мегафоном. Записывают в десятки и направляют на баррикады, строительство которых уже в полном разгаре. Меня привели на Горбатый мост. Там я и провел, без преувеличения, лучшие дни моей жизни»¹⁵⁰.

К 11 часам на площадь к Верховному Совету прибыли также представители «Союза Офицеров» во главе с подполковником Станисла-

вом Тереховым, группа «бойцов» «Русского Национального Единства» (РНЕ) под водительством Александра Баркашова. Прямо с балкона здания парламента открылся первый ночной митинг «сторонников Верховного Совета». В первые дни «обороны» с трибуны ВС неоднократно выступал и Геннадий Зюганов. Его партия, КПРФ, получившая незадолго до сентябрьских событий политическую регистрацию, необходимую для участия в выборах по новому законодательству (напомним, что Ельцин задолго до сентябрьского указа начал готовиться к разгону Верховного Совета), официально участия в «обороне» парламента не принимала и в столкновении сторон решила выдержать нейтралитет.

Говоря об «обороне Верховного Совета России» в сентябре-октябре 1993 г. необходимо выделить ряд принципиальных моментов, повлиявших на характер и, в значительной степени, на исход восстания в Москве.

1. Социальный состав

По многочисленным наблюдениям участников «обороны Верховного Совета» основную массу протестующих составил достаточно разнородный социальный срез общества. Если обобщить все имеющиеся у нас данные, то можно выделить следующие категории граждан, принявших активное участие в московском восстании: инженеры, рабочие, врачи, учителя, служащие, военные, пенсионеры, молодежь (студенты и школьники), домохозяйки, появившийся за первые годы реформ деклассированный элемент. В целом, данная социальная картина вполне соответствует характеру стихийного народного восстания.

Во-первых, данный социальный срез является наиболее характерным для советского социума, относительно недавно вышедшего из недр «реального социализма» (со всеми присущими ему дифференциациями и противоречиями социальной стратификации). **Во-вторых**, по своему психологическому складу, восставшие в большинстве своем являлись носителями менталитета, присущего советскому человеку. Эти обстоятельства самым существенным образом отразятся как на поведении восставших (психологическая неготовность к конфликту с государством, отношение к милиции, армии, склонность к «пассивному сопротивлению», и проч.), так и на характере восстания в целом (стихийность).

Вот характерный пример действий «сторонников Верховного Совета» на улицах Москвы в сентябрьские дни 1993 г., приведенный в аналитическом сборнике «Октябрь 1993. Хроника переворота»: «Когда 28 сентября кольцо блокады Белого дома окончательно замкнулось, сторонники Верховного Совета, будучи не в состоянии прорвать это оцепление, стали перемещаться по городу, то здесь, то там перегораживая движение транспорта: на площади Восстания, улице 1905 года, у Белорусского вокзала, метро «Автозаводская» и т.д. Толпа эта достигала примерно двух тысяч человек, что немало с учетом тогдашней скверной погоды... Следует подчеркнуть, что людей никто не организовывал — царила стихийность... По социально-возрастным и психологическим критериям эти люди мало отличались от своих августовских предшественников 1991 года. Обычный срез московской улицы, исключая, пожалуй, зажиточный слой, — старики, подростки, симпатичные девушки, хотя преобладали все же молодые парни и мужчины средних лет. Социально типичная фигура: ИТР с «оборонки» («я инженер на сотню рублей, и больше мне не получить»). Настроение царило довольно добродушное: строгий принцип — блокируя дорогу, всегда пропускать «Скорую». Делились слухами типа: «В Питере матросы передали власть Щербакову, Собчак бежал». Поздравляли друг друга, признаваясь при этом, что слуху не верят, «но все равно приятно»¹⁵¹.

Примечательно, что даже лояльные правительству СМИ после подавления восстания в Москве вынуждены будут признать, что никаких погромов со стороны «мятежников» в столице не наблюдалось. В частности, 14 октября 1993 г. газета «Сегодня», правда не без присущей «демократической» прессе иронии по отношению к проигравшей стороне, констатировала: «Нам рассказывают и показывают, как банды озверевших национал-коммунистических погромщиков бродили по Москве, штурмуя телецентр, мэрию и различные иные общественно-нужные объекты. Однако вы не найдете ни одного сообщения о разгроме беззащитного коммерческого ларька. Ужасные коммунистические экспроприаторы, немного полежав под шквальным огнем рядом с телецентром «Останкино», отбегали в соседний киоск, покупали за деньги водку и шоколадки и возвращались назад, помирать за идеалы социальной справедливости... В этом отношении степени уважения к собственности и общей пра-

вовой культуры последнего национал-коммунистического погромщика может позавидовать, например, московская мэрия и осуществляющий чрезвычайное положение доблестный ОМОН. Поскольку там еще считается само собой разумеющимся, что право собственности дифференцируется в зависимости от субъективных представлений начиная с добропорядочности и этнической симпатичности собственника¹⁵².

В подтверждение приведенных выше слов, обратимся только к одному из многочисленных примеров, характерных для московского восстания. 3 октября многотысячная колонна манифестантов, шедшая с Октябрьской площади Москвы, разблокировала «Дом Советов» и с ходу взяла здание мэрии (бывшее здание СЭВ). Кадры штурма здания облетели тогда весь мир. Российское телевидение сообщало о «нескольких расстрелянных милиционерах», охранявших здание, «раненых чиновниках» и о грандиозном погроме, устроенном «боевиками» в здании. Однако, как впоследствии выяснилось, эти самые «боевики» вовсе не стремились к погромам. Здание было взято практически без единого выстрела с помощью «вала толпы и мегафона генерала Макашова». Чтобы подтвердить характер погрома (и вообще культурный уровень «толпы») российское телевидение впоследствии много раз воспроизводило слова Макашова при штурме, ограничиваясь, как правило, эмоциональным призывом генерала: «Никого не трогать! Обрезать все телефонные связи! Чиновников выкинуть на х.. на улицу!..»¹⁵³ Однако у фразы было свое продолжение: «Не бить, не трогать ничего! Это все наше, народное. Завтра все пригодится!»¹⁵⁴ Попытки некоторых подпавших под эйфорию штурма демонстрантов разбить стекла «ненавистной мэрии» тут же были пресечены. Единственным, что было сознательно разбито в здании, были «бутылки дорогого спиртного»¹⁵⁵ в кабинете одного из чиновников.

Особо следует отметить, что даже несмотря на уже имевшиеся прецеденты избиения мирных демонстрантов сотрудниками правоохранительных органов (в особенности, ОМОНОм) советская психология не позволила большинству повстанцев распрощаться с таким неотъемлемым элементом в системе советского воспитания, как, например, отношение к Вооруженным силам. Напомним, что значительная масса граждан даже после массовых избиений 23 фев-

раля и 22 июня 1992 г., и особенно после 1 мая 1993 г., продолжала выражать иллюзии не только по отношению к «советской милиции» (считалось, что она «в решающий момент» будет «вместе с народом»), но нередко и по отношению к ОМОНу.

Вот характерный пример. 2 октября на Смоленской площади Москвы произошло жесткое столкновение между минными гражданами и сотрудниками ОМОНа, который был переброшен в Москву по распоряжению Ельцина из Свердловска. Фактически, это было первое столкновение, когда демонстранты, действовавшие до того исключительно мирными средствами, ответили силой и дали бой ОМОНу, который бил с одинаково жестокостью и женщин и мужчин. Однако, по свидетельству Виктора Анпилова, сразу после того, как демонстранты «отвоевали» плацдарм на Смоленской площади для проведения антиельцинского митинга, женщины «Трудовой России» стали угощать сотрудников ОМОНа (который только что их же и избивал) хлебом и водой¹⁵⁶.

Не менее вредными иллюзиями, во многом отразившимися на исходе восстания, окажется безраздельная вера простых советских людей в высший командный состав Вооруженных сил. В первую очередь, это касалось генералов. Первый раз, эти иллюзии рельефно проявились в период подготовки и проведения Всенародного «Вече» 17 марта 1992 г. в Москве. Напомним, что организаторы акции, собравшей до полумиллиона человек, планировали прямым народным голосованием утвердить кандидатуру на пост главы государства и «на руках внести его в Кремль». Тогда на роль кандидатов были предложены наиболее авторитетные деятели Армии: генералы Макашов, Чернавин, Родионов. Однако все кандидаты отказались от своего выдвижения уже на стадии подготовки акции. Первая реальная возможность изменить ситуацию посредством «улицы» была упущена. Второй раз, эта ситуация повторилась уже в период московского восстания, и в отличие, от 1992 г., завершилась трагедией.

На протяжении всех сентябрьских дней блокады Верховного Совета руководство парламента подменяло активные действия заигрыванием с командным составом Вооруженных сил. В конечном итоге, «поиск контактов с армией» свелся к легковесным заявлениям «советских» генералов, оглашавших с балкона парламента так и не под-

твержденные впоследствии заявления от N-ских частей и подразделений Вооруженных сил о «верности» присяге и парламенту, и готовности пресечь государственный переворот и выступить в защиту Конституции. В результате, единственным военным формированием, пришедшим на помощь осажденному парламенту, оказался отряд добровольцев из Приднестровья. (Мы сознательно не берем во внимание свидетельства о переходе на сторону Верховного Совета т.н. «софринской дивизии»). Данный сюжет требует отдельного расследования и в данной работе не представляется возможным проанализировать, что лежит в основе данного эпизода: реальный переход действующей воинской части на сторону Конституции или мистификация, порожденная «пропагандистской войной»).

2. «Защитники Верховного Совета»

Характер стихийного восстания неизбежно отразился на раскладе сил, пришедших «на защиту Верховного Совета» и составлявших основной костяк «обороны парламента». В этой связи необходимо отметить, что сам термин «защитники Верховного Совета», который, с подачи официальных средств массовой информации, применяется по отношению к участникам событий сентября-октября 1993 г. в Москве, не только не отражает умонастроения большинства пришедших к зданию парламента, но зачастую прямо ему противоречит.

Бывший народный депутат Е. Гильбо, относившийся к категории «демократов», которые к октябрю 1993 г. успели разочароваться в Ельцине и перейти в оппозицию к его курсу, давал следующий «коллективный портрет» участников «обороны» парламента: «Здесь были горячие сторонники возрождения обновленного единства разорванной на части страны, скандировавшие «Советский Союз!». Здесь были молчаливые герои августа 1991, надевшие — в первый раз за два года — медали «За оборону Белого Дома», врученные им Руцким осенью 1991го. Здесь были и красные флаги, которые больше не вызывали у меня отторжения, и черно-желто-белые. Это разношерстное собрание объединяло одно — верность конституции, желание видеть Россию правовым государством, желание встать на пути диктатуры и наступающего вялотекущего компрадорского фашизма»¹⁵⁷.

Следует отметить, что депутат Гильбо, равно как и спикер парламента Р.И. Хасбулатов, склонен усматривать в порыве тысяч простых

москвичей, пришедших по зову собственного сердца к «Белому дому» сразу после ельцинского указа, стремление защитить *именно* Верховный Совет, как «оплот демократии» и «цивилизованного правового государства». При таком подходе, термин «защитники Конституции», употребляемый Гильбо, действительно вызывает скептическое отношение. Некоторые исследователи склонны даже полагать, что «абстрактная идея защиты Конституции и законности в стране без глубоких демократических традиций не могла волновать сколько-нибудь значительную часть народа»¹⁵⁸.

На основании многочисленных свидетельств участников тех событий, мы имеем все основания утверждать: большинство «защитников Верховного Совета» вкладывали несколько иное понятие в идею «защиты Конституции».

Более того, для большинства участников обороны парламента (среди которых преобладали беспартийные граждане), эта идея выходила далеко за рамки защиты абстрактных «демократических ценностей», не говоря уже о существовавшем на тот момент Верховном Совете во главе с одиозным Русланом Хасбулатовым. Конфликт между президентом и парламентом, приведший к обострению политической ситуации в стране, для большинства пришедших тогда к зданию Верховного Совета, являлся только поводом. Поддержка Хасбулатова вкуче с Руцким рассматривалась большинством участников восстания как «меньшее зло», необходимое для дальнейших более решительных действий.

Это обстоятельство прекрасно осознавало руководство Верховного Совета. И хотя вожди парламента стремились обратить сам факт восстания в свою пользу, к массам, пришедшим к осажденному парламенту, они относились с высокой степенью недоверия. Дело доходило до смешного. По свидетельству депутата Верховного Совета А. Грешневикова, парламентарии, считая, что Верховный Совет «должен привлечь все политические силы, не согласные с государственным переворотом», обратились к лидеру «Трудовой России» В. Анпилову с просьбой «уменьшить количество» красных знамен, которые потеснили «патриотические» флаги ФНС¹⁵⁹, после прихода к «Белому дому» многочисленных сторонников «Трудовой России». В беседе с кинорежиссером Станиславом Говорухиным Руцкой был куда более откровенен и на вопрос Говорухина «почему от стен ДС не про-

гонят Анпилова и его сторонников, которые отвращают от ВС «нормальных людей», прямо заявил, что «без Анпилова к зданию вообще никто не пришел бы»¹⁶⁰.

Приведем свидетельство А. Колганова, одного из соавторов труда «Кровавый октябрь в Москве»: «Перед зданием в основном люди с красными флагами, но есть и имперские, и андреевские. «Баркашовцев» (члены полуфашистской организации Российское национальное единство, лидер — Баркашов) видно немного — человек двадцать. Они выделяются формой и организованностью. Среди множества самописных плакатов встречаются и антисемитские. Среди газет и брошюр, которыми торгуют на площади Свободной России, также встречаются издания антисемитского содержания. В толпе изредка появляются агитаторы, собирающие вокруг себя 15—20 человек и ведущие антисемитскую пропаганду. Они ведут себя очень раздраженно, если кто-то пытается не то, чтобы возражать, а даже задавать вопросы. Однако: явное большинство плакатов социально-политического, а не националистического содержания. В ходе «митингов с балкона» никаких националистических выпадов я не слышал»¹⁶¹.

Таким образом, на площади перед «Белым домом» был представлен конгломерат различных политических сил. Именно эти силы обеспечили организацию «защиты» парламента на первом, «оборонительном» этапе. Однако, совершенно очевидно, что последовавшие за этим события, связанные со снятием «блокады» Верховного Совета, стали результатом стихийной поддержки масс, которые, в большинстве своем, не принадлежали ни к одной из существовавших на тот момент политических партий или движений. И уж тем более не вышли на улицы «защищать» Хасбулатова или Руцкого. Не вдаваясь в теоретические выкладки, можно сказать, что в основе стихийного народного восстания лежало стремление значительной части общества остановить контрреволюцию, как процесс ликвидации социально-политических завоеваний народов России после Октября 1917 г.¹⁶²

Это стремление даже на эмоциональном уровне наиболее рельефно выразилось в самый разгар московского восстания (3 октября) при штурме мэрии. В отличие от генерала Руцкого, который так и не решился заменить «демократический» «триколор» на флагштоке Вер-

ховного Совета (хотя над баррикадами у «Белого дома» было поднято три флага: красный, андреевский и имперский), восставшие подняли над мэрией государственный флаг СССР. После этого «народный генерал» Макашов прямо с балкона здания СЭВ обратился к манифестантам и по военному точно выразил подлинный характер московского восстания, поздравив народ с «освобождением от мэров, пэров и херров»¹⁶³.

Впоследствии, говоря о характере и целях народного восстания в Москве, генерал подчеркивал: «Не мы... пришли к Ручкому и Хасбулатову. Они к нам пришли. Им нужно было удержаться, спастись, а нам нужно было спасать народ, государство. Сбросили бы Ельцина в октябре 93-го, избавились бы и от «присосков»... Долг звал защищать остатки того, что было Советским Союзом, Советской властью. Тем более что наглое поведение Ельцина и его банды юридически развязывало руки и нам»¹⁶⁴.

Совершенно очевидно, что свержение диктатуры Ельцина рассматривалось самыми разными категориями граждан как неотъемлемое условие процесса оздоровления общества. Вместе с тем, нельзя забывать, что в числе основных политических требований, звучавших в те дни «снизу», превалировали куда более радикальные и далекоидущие: ликвидация института президентской власти и передача всей полноты власти Советам. Причем, под последним требованием подразумевалось отнюдь не «всевластие Верховного Совета» образца начала 90-х гг., как пыталась убедить общественность ельцинская пропаганда. Особо следует отметить, что на события в Москве откликнулись люди разных национальностей, в том числе, выходцы из бывших советских республик. Именно поэтому наряду с государственными знаменами СССР во время событий 2—3 октября (в первую очередь, на Смоленской и Октябрьской площадях) присутствовали флаги союзных республик. Это, в частности, дало повод СМИ утверждать, что на помощь «мятежникам» прибыли «боевики» из «горячих точек бывшего Союза». Вполне естественно, что в первую очередь в числе таких «точек» назывались Приднестровье и Абхазия.

3. «Оборона Верховного Совета»

В силу сложившихся обстоятельств формальными лидерами «обороны» (а, следовательно, и восстания) стали спикер Верховного Со-

вета Р. Хасбулатов и назначенный исполняющим обязанности президента России А. Руцкой. В их распоряжении имелись существенные ресурсы, которыми к тому моменту обладал Верховный Совет (типография, денежные средства, оружие). Однако никаких единых и скоординированных действий фактически не предпринималось. Единого штаба по координации действий создано не было. Более того, с первых же дней своего создания, лагерь «сторонников Верховного Совета» фактически раскололся на «привилегированных» из числа депутатов и руководства аппаратом ВС РФ и «толпу», которая собиралась на митинги у стен парламента. Как вспоминал впоследствии В. Анпилов, расклад политических сил в те дни, можно было определить буквально по тому, «в каком месте ночуют эти самые политические силы»¹⁶⁵. Нетрудно понять, что за чисто внешним различием в положении «баррикадников» скрывались более глубинные причины, определившие затем поражение восстания.

Как мы уже отмечали, основным костяком «уличных» сил стали наиболее организованные отряды оппозиции: движение «Трудовая Россия» и РКРП, «Союз Офицеров», а также военизированная группа «Русского национального Единства» А. Баркашова. Остальные организации, претендовавшие в прежние годы на руководящую роль в протестном движении России (в частности, «Фронт национального спасения»), по меткому выражению генерала Макашова, «спустя двое суток после указа 1400 растворились в массах»¹⁶⁶. В основном именно благодаря активистам движения «Трудовая Россия» на площади перед «Белым Домом» был создан регулярный пункт питания для «баррикадников», организован сбор средств на покупку продовольствия и всех необходимых для длительной осады принадлежностей. Необходимо так же отметить, что именно усилиями активистов «Трудовой России» вскоре после прекращения электроснабжения Дома Советов на блокированную территорию парламента был доставлен дизельный генератор.

Примечательно, что сам «президент» Руцкой, равно как и Хасбулатов, всячески избегали встреч с руководством оппозиционных организаций, пришедших к «Белому дому», и фактически ограничивались редкими выступлениями перед собравшимся с балкона парламента. Основную ставку лидеры парламента сделали на многочисленные пресс-конференции для отечественных и иностран-

ных журналистов. Вся «работа» основной массы депутатов, съехавшихся в Верховный Совет, сосредоточилась внутри парламента. Назначенные в соответствии с действующим законом исполняющий обязанности президента и силовые министры фактически бездействовали и ограничивались принятием бесконечного числа «декретов», на выпуск которых в основном и работала мощная типография Верховного Совета. В то время как большинство листовок, обращенных к рабочим и жителям столицы, с призывом поддержать «законную власть», были изготовлены силами «уличных» внепарламентских партий и движений.

Фактически провалились переговоры с представителями Вооруженных сил, которые в силу объективных причин вел Герой Советского Союза генерал армии А. Руцкой. Как утверждает народный депутат Илья Константинов, в наличии у парламента имелись сотни тысяч долларов, которые вполне могли быть использованы для привлечения на сторону парламента Армии. Однако эти средства, равно как и оружие, имевшееся, по свидетельству Константинова, в распоряжении парламента в необходимом для длительной обороны количестве, так и не были использованы.

Надо сказать, что вопрос об оружии является одним из самых спорных в истории «обороны» Верховного Совета. Лидеры парламента Руцкой и Хасбулатов в своих воспоминаниях всячески его избегали. Однако уже в дни блокады Верховного Совета «демократические» СМИ со ссылкой на властные источники неоднократно отмечали, что оружие у «Белого дома» раздавалось чуть ли не всем желающим. Руководитель президентской администрации Сергей Филатов, выступая перед студентам МГИМО в дни сентябрьского кризиса, прямо заявил, что «политика в Белом доме смешалась с уголовщиной»¹⁶⁷.

На самом деле, оружие в «Белом доме» действительно было. Несколько десятков ящиков с автоматами были завезены в Дом Советов еще в августе 1991 г. самими «демократами» и хранились в подвалах парламента. Многочисленные требования руководства «Трудовой России», «Союза Офицеров», а также наиболее радикальной части народных депутатов (Константинов, Уражцев) раздать имеющееся в наличие Верховного Совета оружие и сформировать группы вооруженной обороны парламента, руководством Верховного Совета были

проигнорированы. В то время как по закону Руцкой, назначенный на высшую должность после отрешения парламентом Ельцина, имел право на формирование полка личной охраны. Единственным отрядом оппозиции, принявшим участие в обороне парламента, которому было роздано несколько десятков автоматов, стала группа «баркашовцев». Именно из их числа и был сформирован «отряд охраны» для «первых лиц» (в частности, «полк Руцкого»).

В первый же день после раздачи оружия, «баркашовцы» демонстративно выстроились перед сотнями телекамер в полной военной амуниции, вскидывая руку в характерном приветствии. Именно это дало почву президенту и подконтрольным ему СМИ объявить на весь мир о «фашистском перевороте» в России. Образ «бойцов» РНЕ был автоматически перенесен на всех защитников Конституции. Известный поэт Евгений Евтушенко в те дни клеймил российскую оппозицию не иначе как «смесь СС с КПСС». Однако, сами «баркашовцы» не скрывали от окружающих своих далеко идущих планов и прямо в объективы телекамер заявляли: «Сейчас перестреляем всех жидов, а потом примемся за коммунистов!»¹⁶⁸ И хотя сразу после «демонстрации силы» оружие у членов РНЕ все-таки забрали (по другим данным оружие у них оставалось вплоть до 4 октября), образ сторонников «законной власти» был существенно подмочен в глазах обывателя. Более того, Руцкой публично так и не отрестился от действий «бойцов» РНЕ и даже предоставил для их размещения спортивный зал недалеко от «Дома Советов». Примечательно, что, сыграв достаточно неоднозначную роль в московских событиях, «баркашовцы» так же организованно, как и появились, покинули территорию «Белого дома». Это обстоятельство породило впоследствии немало слухов и предположений относительно подлинной роли РНЕ в октябрьских событиях¹⁶⁹.

Дополнительную путаницу в историю с раздачей оружия защитникам Дома Советов вносят свидетельства генерала А. Макашова. Согласно поздним воспоминаниям генерала, он лично добился от Хасбулатова выдачи двух ящиков с автоматами (по десять в каждом), которые под «личную расписку» были розданы членам «Союза Офицеров»¹⁷⁰. Однако, есть все основания усомниться в точности воспоминаний Макашова. Никто из руководства «Союза Офицеров» факт выдачи им оружия не подтвердил. В равной степени, данные обстоя-

тельства не нашли подтверждения и в ходе следственного дела, возбужденного Генпрокуратурой РФ по факту «сентябрьско-октябрьских событий в Москве». Скорее всего, в воспоминаниях генерала речь идет именно об отряде «бойцов» РНЕ.

Между тем, вопрос о раздаче оружия был далеко не праздным, и отнюдь не прихотью «красных экстремистов». Дело в том, что к концу сентября не одна из противоборствующих сторон не могла говорить о своем превосходстве. Более того, с осуждением государственного переворота выступили представители мощной профсоюзной структуры ФНПР, которые пообещали поддержать парламент всероссийской стачкой. Но что более важно, неконституционными (незаконными) действия президента Ельцина признал «демократический» Моссовет, подтвердивший легитимность передачи президентских функций вице-президенту Руцкому. Председатель Моссовета Николай Гончар не закрыл сессию народных депутатов Москвы. Многие московские депутаты, в том числе заместитель Гончара Седых-Бондаренко, принимали активное участие в событиях у «Белого дома» в дни его блокады. Позиция Моссовета существенно повлияла на поведение московской милиции, которая заняла откровенно выжидательную позицию и не вмешивалась в происходящее (особенно во время событий 2—3 октября).

Нерешительность и.о. президента А.Руцкого привела к тому, что законная власть в Москве, вставшая на сторону парламента, была фактически силой разогнана незаконными вооруженными формированиями из числа «демократов» во главе с Егором Гайдаром и Сергеем Шойгу. По поздним признаниям самого Гайдара, поддержку его силовой акции у Моссовета обеспечили «крупные предприниматели, имеющие свои охранные структуры», а также представители организации «Живое кольцо». Ранее активисты данной организации принимали участие в «защите» «Белого Дома» в августе 1991 г. Председатель Комитета по чрезвычайным ситуациям Шойгу предоставил группе Гайдара до 1000 автоматов с боезапасом¹⁷¹. Вечером 3 октября вооруженный отряд сторонников Ельцина блокировал здание Моссовета. Примечательно, что ни о каком соблюдении законности никто из участников «демократического» митинга, созванного по призыву вице-премьера в поддержку силовой акции у Моссовета, даже не вспоминал. Сам «демократ» Гайдар неоднократно оправдывал свои дей-

ствия «революционной целесообразностью» (!), несовместимой с нормами закона¹⁷².

Отсутствие скоординированного плана и выжидательная, оборонительная позиция «официальных» лидеров парламента заставляли сторонников активных действий из числа лидеров оппозиции (Анпилов, Терехов, Макашов, Константинов) «принимать решения и действовать на свой страх и риск, чтобы хоть как-то спасти ситуацию». Так, 22 сентября небольшая группа военных во главе с генералом Макашовым попыталась овладеть Центром связи Госкомитета по чрезвычайным ситуациям. Однако операция закончилась неудачей. Президентский пресс-секретарь Костиков не преминул заявить, что действия Макашова, пытавшегося обеспечить блокированный Дом Советов средствами связи, «представляют собой преступление, требующее безотлагательной оценки и действий прокуратуры»¹⁷³. А уже 23 сентября произошло событие, резко обострившее обстановку в Москве и, в особенности, на прилегающих территориях к «Белому Дому».

Вечером 23 сентября (приблизительно между 21—22 часами) небольшая группа офицеров под руководством Станислава Терехова, назначенного официальным помощником министра обороны Владислава Ачалова, предприняла попытку захватить штаб Объединенных вооруженных Сил СНГ на Ленинградском проспекте. В результате перестрелки от «случайной» пули погибла пожилая женщина, а также милиционер и один из участников «группы» Терехова, бывший сотрудник Вильнюсского ОМОНа. Акция подполковника Терехова по сей день является крайне запутанной и неоднозначно воспринимается даже руководителями народного восстания в Москве. Никто из руководителей «обороны» парламента впоследствии так и не смог установить, была ли «операция» группы Терехова спланированной с военным руководством Верховного Совета или же она была сугубо инициативой самого Терехова. Последний, позже подчеркивал, что попытка захвата штаба была его личной инициативой. «Мы действовали, — отмечал Терехов, — достаточно активно и быстро, но чуть-чуть не успели... Наш замысел был верен, но не хватило ни надежных исполнителей, ни подходящего оружия»¹⁷⁴.

Похожей оценки действий лидера «Союза Офицеров» придерживается и народный депутат Илья Константинов: «Это была по-

пытка, продиктованная желанием перевести восстание от обороны к нападению. Это был жест отчаяния, заранее, в силу ограниченности средств и людей, обреченный на поражение. Однако я хорошо знаю Станислава и исключаю хорошо продуманную и сознательную провокацию с его стороны».

Высказанные мнения не разделяет бывший вице-президент Александр Рущкой, который, будучи сторонником выжидательной позиции, спустя десять лет после октябрьских событий в интервью газете «МК» назвал действия Терехова сознательной провокацией, организованной при поддержке «управления ФСК по Москве»¹⁷⁶.

Провал операции Терехова развязал руки команде Ельцина. Результатом этого стало решение о блокировании Дома Советов и объявление его и прилегающих к нему территорий «зоной повышенной опасности». Тогда же вокруг парламента по всему периметру блокады впервые появилась запрещенная международной конвенцией по правам человека колючая проволока «спираль Бруно». Сам Терехов был задержан и до предъявления обвинения препровожден в следственный изолятор «Матросская тишина». По данным ГУВД Москвы, распространенным на следующий же день, при задержании С.Терехов «получил повреждения разной степени тяжести»¹⁷⁷. По данным окружения Терехова, все задержанные были избиты сотрудниками правоохранительных органов с особой степенью жестокости, причем избиения продолжались на протяжении всего «следствия» по делу «захвата штаба ОВС СНГ». Сам Терехов спустя длительное время после тех событий в личных беседах неоднократно признавался, что в камере к нему «являлась Богородица», после чего он даже решил принять крещение.

Таким образом, стихия и неорганизованности, отсутствие координации и общего руководства стали характерной чертой «обороны» парламента и были обусловлены выжидательной позицией его лидеров в лице Хасбулатова и Рущкого. Лагерь «обороны», как мы успели установить, так же являлся раздробленным, что в значительной степени определялось соотношением политических сил в нем представленных. По мере отчуждения руководства «Белого Дома» от лидеров внепарламентской оппозиции, пришедших со своими сторонниками на поддержку Верховному Совету, инициатива стала постепенно переходить к «улице». Более того, ее действия начинали носить все

более самостоятельный характер. Задачи и цели, которые ставили перед собой повстанцы, были прямо противоположны и шли вразрез с интересами руководства Верховного Совета.

«ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА...»

Весь процесс московского восстания можно разделить на два этапа: **1) 21 сентября – 2 октября; 2) 2 – 4 октября.**

Основные действия на первом этапе, как мы уже отмечали, происходили в основном в пределах территории Верховного Совета. Для этого этапа характерен ритм «вялотекущей» обороны.

Большинство пришедших к зданию парламента стремились защитить законность и Конституцию, а потому единственной фигурой, способной на тот момент сплотить самые разные политические силы общества, стал исполняющий обязанности президента Александр Руцкой. Нельзя также не учитывать, что Руцкой, в рамках действовавшей Конституции, опирался на незаконно распущенный Ельциным Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Однако отсутствие координации действий и общего руководства со стороны лидеров парламента, откровенное нежелание идти на диалог с силами, представленными на площади у «Белого дома» и, как выразился Анпилов, стремление «помыкать ими как вздумается», привело к тому, что уличный социальный протест стал развиваться стихийно и независимо от лидеров парламента. Особенно это характерно для последних дней сентября.

С чем это было связано? Дело в том, что блокирование Дома Советов привело к усилению напряжения в столице. В разных районах Москвы, прилегающих к парламенту (особенно, Красная Пресня), начались бесчинства правоохранительных органов, в основном ОМОНа. Незаконные действия властей порождали массовое недовольство. Примечательно, что именно в этот период рождается такое явление, как «война после работы», когда горожане, отработав «свои законные восемь часов»¹⁷⁸, направлялись в район Дома Советов, пытаясь «прорвать блокаду парламента». Как отмечает С.Чарный, такие стихийные действия москвичей больше всего напоминали «городскую герилью»¹⁷⁹.

Как правило, в подобных акциях принимали участие до нескольких тысяч человек ежедневно. Чаще всего такие собрания заканчива-

лись многочисленными избиениями граждан сотрудниками ОМОНа, что вызывало все большее ожесточение рядовых горожан. Именно тогда в районах, прилегавших к площади Восстания и Краснопресненской набережной, были предприняты первые и, надо сказать, не безуспешные попытки сооружения и относительно длительной обороны митингующими уличных баррикад. Как правило, единственными, кто пытался придать характер организованности спонтанному протесту москвичей, были депутат Моссовета В.И. Анпилов, народные депутаты России И.В. Константинов и В.Г. Уражцев, а также бывший народный депутат СССР В.И. Алкснис. Последний 30 сентября был жестоко избит сотрудниками ОМОНа в районе метро «Баррикадная»¹⁸⁰. Нередко, к протестующим присоединялись депутаты Моссовета, которые еще обладали неприкосновенностью и могли воздействовать на «силы правопорядка». В самый разгар очередного витка «городской герильи» министр МВД Ерин с гордостью заявил: «Мы, кажется, научились еще на дальних подступах к дому Совета» «достаточно быстро и безболезненно для себя разгонять митинги анпиловцев»¹⁸¹. Это заявление было сделано 1 октября, в последний рабочий день перед выходными. Однако уже 2 октября ситуация вышла из-под контроля МВД.

Суббота, второе октября, была отмечена резким обострением ситуации в городе. В это время руководство «Белого дома» рассчитывало добиться компромисса с президентом Ельциным (которого, впрочем, по-прежнему именовало «путчистом») посредством инициированного Кремлем «переговорного процесса» при посредничестве Московского Патриархата. Попутно, лидеры парламента стремились откеститься от действий «уличных провокаторов» и «красных экстремистов». Однако именно тогда, впервые после начала противостояния, центр активных действий перемещается на улицу.

2-го октября на Смоленской площади Москвы был намечен санкционированный председателем Моссовета Н.Гончаром митинг «Трудовой России» и ФНС. Вопреки закону, мэр Лужков не подчинился Моссовету и против демонстрантов были выставлены кордоны ОМОНа, специально доставленные в Москву с родины президента Ельцина – города Свердловска. При первой же попытке оттеснить митингующих к МИДу, применив грубую силу, ОМОН получил резкий отпор демонстрантов. Особую пикантность происхо-

дяде придал тот факт, что в это день режим Ельцина с целью успокоить москвичей, организовал празднования 200-летия Московского Арбата. По этому поводу на Смоленской площади планировалось установить концертную трибуну, однако она так и не была достроена. Арматура, а также строительные материалы были использованы демонстрантами для сооружения баррикад. Впервые к митингующим присоединились большие группы молодежи, гулявшие в это время по праздничному Арбату. После очередной попытки атаковать демонстрантов, сторонники «Трудовой России» и ФНС, до того исключительно оборонявшиеся, перешли в наступление и в результате не продолжительной по времени, но ожесточенной схватки омоновцы обратились в бегство.

Сооруженные на Смоленской площади баррикады продержались до глубокой ночи. Однако неоднократные призывы лидера «Трудовой России» Анпилова к руководству Верховного Совета оказать поддержку демонстрантам, чтобы те смогли взять под охрану Моссовет (который поддержал действия Верховного Совета), были проигнорированы. Хасбулатов и Руцкой, воодушевленные переговорами в Московской Патриархии, ссылались на слова главы РПЦ Алексия II, грозившего анафемой всем, кто первым прольет кровь на улицах Москвы. И хотя кровь мирных граждан к тому времени уже пролилась 2 октября на Смоленской площади, за нее так никто и не ответил. Анафема Патриарха не прозвучала. 3 октября инициатива окончательно перешла в руки повстанцев. Можно даже говорить, что в определенный момент чаша весов склонилась в сторону сторонников Конституции. И только стихия, неорганизованность и нерешительность лидеров парламента, отразившаяся на действиях самих повстанцев, обернулась поражением.

На 3 Октября на Октябрьской площади Москвы было намечено проведение Второго «Всенародного Вече», организованного под эгидой «Трудовой России». Несмотря на неоднократные отказы на проведение акции, Виктору Анпилову при поддержке депутатов Моссовета удалось добиться разрешения на проведение массового мероприятия в центре Москвы в те тревожные дни. В соответствии с первоначальной задумкой организаторов, «Вече» при условии массовой поддержки граждан должно было собрать «критическую массу», чтобы «противостоять государственному перевороту». Одновре-

менно, как считал его организатор Виктор Анпилов, «Вече» могло взять на себя *функцию утверждения главы государства* (президента) открытым всенародным голосованием, чтобы «восстание, наконец, могло обрести легитимного лидера, даже если бы этим лидером стал Руцкой».

Несмотря на то, что проведение акции было намечено на 17.00, москвичи начали собираться на Октябрьской площади еще до полудня. ОМОН не пускал сторонников оппозиции на площадь и рассеивал их уже в близлежащих районах. Ситуация накалялась. Особую напряженность придавал тот факт, что с самого утра СМИ начали распространять информацию, что акция на Октябрьской площади запрещена властями города. В этих условиях лидер «Трудовой России» принял решение призвать часть сторонников РКРП, собравшихся на площади, переместиться в район площади Ильича, чтобы попытаться соорудить баррикады у проходной одного из крупнейших заводов Москвы, и тем самым, расширить «территорию восстания», перекинув его на рабочие кварталы столицы. Ближе к полудню на площади собралась внушительная масса манифестантов.

В отсутствие скоординированных действий между лидерами оппозиции, прибывшие на Октябрьскую площадь депутаты Илья Константинов и Виталий Уражцев, не имевшие никакого отношения к подготовке и проведению «Вече», начали строить колонны для шествия к Верховному Совету. Идея прорыва блокады буквально носилась в воздухе. После явно провокационных действий ОМОНа, попытавшегося спровоцировать манифестантов на потасовку, события приняли необратимый характер. Приблизительно в 14.00 колонна сторонников Конституции, насчитывавшая по разным данным от 300 до 500 тысяч, двинулась в сторону Крымского моста и прорвала слабое оцепление ОМОНа. По словам Ильи Константинова «это была грандиозная манифестация восставшего народа».

Общий настрой толпы по-журналистски точно отражает писатель Лимонов, несколькими часам ранее покинувший «Белый дом» для участия в московском «Вече»: «Отрезанный от своих, я вышел 3 октября на Октябрьскую площадь вместе с Тарасом Рабко. Там никого не было. Выливавшиеся из жерла метро люди все сворачивали за угол, на Крымский мост. Свернули и мы — и ахнули. Весь Крымский мост был залит народом. Мы присутствовали при первых выс-

трелах, сделанных ментами в толпу, видели первых раненых и первую кровь. Шли вместе с народом, сметая на своем пути заслоны ОМОНа и милиции. Эти позорно бежали, оставляя на тротуарах огромное количество фуражек, шапок и даже касок, алюминиевые щиты и дубинки. Мы — его величество народ — молча прошествовали по Садовому кольцу. На Смоленской площади в народ стал стрелять из автомата, не выдержавший, очевидно, напряжения, страж порядка. Люди упали, но злоба и решимость народа были уже столь велики, что его смяли, били, и по свежей крови, мимо покинутых армейских грузовиков толпа пошла дальше. Подростки несли на захваченных дубинках милицейские фуражки...

Сойдя с Садового кольца, мы свернули влево на проспект Калинина к осажденному Белому дому. Третьего октября вышли на улицу вовсе не патриоты и не красно-коричневые. Две недели уже продолжалось противостояние властей. Многие москвичи, любопытствуя, посетили окрестности Белого дома, по многим прошлись дубинки все более зверевшего и очевидно, получавшего все более крайние приказы, ОМОНа... Москвичи, нормальные и даже аполитичные, вышли 3 октября выразить свой протест против беспредела в городе. 2 октября на Смоленской площади был убит ОМОНОм инвалид, а за несколько дней до этого, зажав их в метро Баррикадная, ОМОН зверски избил сотню ни в чем не повинных москвичей... К удивлению всех нас, мы смяли и заслоны у Белого дома. Солдаты-срочники дивизии Дзержинского в массе переходили к нам. Было около трех часов дня. Дальнейшие четыре с половиной часа были праздником Революции»¹⁸².

В связи с тем, что «Вече» на Октябрьской площади намечалось на 17.00, даже после отхода значительной части манифестантов, на площадь продолжали прибывать все новые и новые сторонники оппозиции. К 16.00 на площадь вернулся организатор акции Анпилов после неудавшихся попыток соорудить баррикады у завода имени Владимира Ильича (все активисты РКРП и «Трудовой России» были разогнаны ОМОНОм). Как вспоминает Анпилов, в связи с тем, что «из района блокадного Дома Советов доносилась приглушенная стрельба», «люди требовали идти на помощь осажденным, не дожидаясь назначенного часа»¹⁸³. Вторая колонна восставших, численностью не менее 50 тысяч человек, также направилась к зданию Верховного

Совета. По пути демонстранты скандировали: «Конституция! Ельцина — на нары!», «Руцкой — президент!», «Советский Союз!», «Ленин! Родина! Социализм!».

На пересечении эстакады Садового кольца и Кутузовского проспекта пешая колонна «Трудовой России» встретила с моторизованной колонной генерала Макашова, возглавлявшего поход в Останкино. Среди участников похода царил эйфория.

Свидетельствует Виктор Анпилов: «Еще не понимая, что произошло, колонна закричала «УРА!!!» Грузовики, автобусы под Андреевскими и Красными флагами ждали нас и под мостом на Садовом Кольце.

— Блокада прорвана, — кричали нам с грузовиков. — Мэрия взята! Вперед, на Останкино!

Даже если бы я скончался в этот момент от радости, то народ, ошаненный счастьем первой победы, не заметил бы этого. Не спрашивая позволения, десятки дружеских рук подняли меня, и я, песчинка народного восстания, полетел в кузов грузовика. Упал на колени Ильи Константинова.

— Витя! — кричал Илья, пытаясь обнять меня в давке кузова переполненного людьми. — Мы им вмазали! Ты бы видел, как они бежали! Ельцину — конец! Едем брать Останкино. Колонну ведет Макашов!»¹⁸⁴

Со временем «Поход на Останкино» оброс мифами и вымыслами. Официальная пресса говорила о «погроме, учиненном боевиками у телецентра» и «предпринятой ими попытке штурма». Сторонники «умеренной» парламентской оппозиции (КПРФ) обвиняют в «бойне у телецентра» «экстремистские» силы в среде самой оппозиции (в частности, «Трудовую Россию» Анпилова). Однако, факты вещь упрямая. Согласно имеющимся данным, сегодня можно смело утверждать, что «штурм телецентра», к которому, как известно, сразу после взятия мэрии манифестантов призвал Руцкой, явился настоящим «подарком для сторонников Ельцина». Что до руководства Верховного Совета, то для них трагические призывы Руцкого были скорее «жестом отчаяния», нежели спланированной и заранее подготовленной акцией. Что мы имеем в виду?

Начальник Московского уголовного розыска Ю. Федосеев в книге «Записки начальника МУРа» вспоминает о событиях 3 октября: «Я

не могу отделаться от мысли, что происшедшее было заранее спланировано... Своими действиями по «зачистке» Октябрьской и Смоленской площадей мы привели сторонников Верховного Совета в бойцовское состояние, малочисленные кордоны на пути их шествия только раззадорили манифестантов, ... легкость деблокирования «Белого дома» подтолкнула поднять лежащую у ног победу... А дальше вдолбленный с детства стереотип — почта, телефон, телеграф, отождествлявшийся с останкинским телецентром... Из Останкина шла дезинформация о штурме телецентра. Хладнокровную бойню мастера провокации выдавали за бой и даже за героическую оборону... Нам было заявлено, что катастрофы нет, что президент контролирует ситуацию, что через час-полтора в Москву прибудет такое количество войск, которое позволит стабилизировать обстановку»¹⁸⁵

Некоторые выводы Федосеева подтверждает и народный депутат И. Константинов: «Руцкой просто пошел на поводу настроений толпы. Он выкрикнул с балкона парламента то, что носилось в воздухе: «На Останкино!» Тем более что для большинства Останкино оставалось ненавистным символом разнузданного информационного террора, осуществлявшегося против оппозиции на протяжении нескольких лет. А для Ельцина — это был подарок. В Останкино нас уже ждали. Режиму был нужен формальный повод для того, чтобы оправдать расстрел мирных граждан и завершить на победной ноте противостояние с Верховным Советом».

Позицию народного депутата Константинова разделяет и председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов. «Не хочу голословно ни в чем обвинять Руцкого, — свидетельствует Руслан Имранович, — но считаю, что его призывы «штурмовать Останкино» были глубоко ошибочными. У здания парламента в тот момент собрались сотни тысяч человек, огромная толпа, численности и сил которой с лихвой бы хватило для того, чтобы организовать оборону Верховного Совета по всему периметру, и Ельцин в тех условиях на штурм никогда бы не решился. Руцкой своими призывами увел массы из центра города на периферию, к Останкино, и тем самым облегчил Ельцину задачу уничтожения законной власти».

В конце 90-х гг. появилось большое количество публикаций в средствах массовой информации самой разной политической направленности. В них впервые обнародовались материалы следственной ко-

миссии по расследованию событий в Останкино. Так, журналист газеты «Совершенно секретно» Леонид Прошкин прямо говорит о том, что «Кровавые события в Останкино, «оборона» от штурма, которого не было, явились преддверием еще более кровавых событий у Белого дома утром и днем 4 октября». Журналист, на основании имевшихся в его распоряжении материалов следственной комиссии, прямо указывает на то, почему амнистия для участников восстания 3—4 октября в Москве, последовавшая в феврале 1994 г., устраивала в первую очередь власть предрержащих. Как отмечает Л.Прошкин, «вопреки воле руководства следователи Генеральной прокуратуры расследовали действия не только сторонников Верховного Совета, но и правительственных сил, во многом повинных в сложившейся ситуации и в тяжких последствиях происшедшего»¹⁸⁶.

Вот почему даже на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов, мы можем установить, что в Останкино имела место грандиозная по своим масштабам провокация, организованная и осуществленная действующими властями с целью оправдания в глазах соотечественников антиконституционных действий президента Ельцина и силового подавления оппозиции.

Во-первых, никаких препятствий колонне демонстрантов, направлявшейся в Останкино, по дороге не чинилось, хотя о призывах Рущкого «штурмовать» телецентр было известно. На всем протяжении следования колонны, сотрудники постовой службы неизменно указывали ее участникам «путь на телецентр», а «сотрудники госавтоинспекции по указанию своего руководства при проходе колонн по маршруту обеспечивали безопасность движения»¹⁸⁷.

Во-вторых, по прибытии колонны, руководители оппозиции (Макашов, Анпилов, Константинов) обратились к сотрудникам охраны телецентра с требованием предоставления эфира защитникам Конституции. После того, как «работники милиции заявили, что не могут сдать телецентр без указания», «Макашов, согласившись с их доводами, предоставил возможность связаться со своим руководством. Ожидая подкреплений, работники милиции тянули время в переговорах. Макашову сообщили, что вопрос о предоставлении эфира решен, но это будет сделано из другого здания, и предложено перейти туда»¹⁸⁸. Руководители оппозиции вместе со своими сторонниками переместились на противоположную сторону. Там

же начался стихийный митинг, в ходе которого к собравшимся через мегафон обратился Виктор Анпилов, призвавший сторонников оппозиции «не поддаваться на провокации». К этому времени к митингующим присоединилось множество журналистов и просто любопытствующих граждан.

В-третьих, поводом для массированного обстрела сторонников оппозиции послужило убийство рядового Отряда специального назначения «Витязь» Н. Ситникова выстрелом из гранатомета. Как сообщалось, выстрел был произведен, якобы, «сторонниками Верховного Совета». В условиях чрезвычайного положения этого было достаточно для применения силы правительственными войсками. Однако выводы следственной комиссии данного факта не подтверждают. Согласно выводам следственной группы, «Ситников погиб не от выстрела из гранатомета со стороны стоявших перед входом в АСК-3 сторонников Верховного Совета, журналистов и зевак, а в результате взрыва какого-то устройства, находившегося внутри здания, то есть У ОБОРОНЯВШИХСЯ»¹⁸⁹. Таким образом, эти данные опровергают версию руководителей «обороны» телецентра, что «открытие огня на поражение явилось ответной мерой на выстрел из гранатомета и убийство военнослужащего внутренних войск»¹⁹⁰.

В-четвертых, сразу после взрыва, повлекшего смерть бойца «Витязя», по сторонникам оппозиции, журналистам, а также зевакам, скопившимся у телецентра, был открыт шквальный огонь на поражение. Более того, стреляли даже «по раненым и по людям, пытавшимся их вынести». Таким образом, разыгравшаяся у Останкинского телецентра трагедия, являлась спланированной и хорошо организованной инсценировкой «штурма», предпринятого якобы сторонниками оппозиции.

Именно бойня в Останкино, организованная с особой жестокостью, стала поводом для истеричных заявлений представителей «творческой интеллигенции» и ряда общественных деятелей «демократической ориентации» (Ахеджакова, Окуджава, Явлинский, Гайдар, Сванидзе), выступивших с экранов центрального телевидения с призывом к президенту и армии немедленно «раздавить гадину». Мирные граждане с подачи официальных средств массовой информации и при активной поддержке «мастеров культуры» были объявлены «фашистами», «боевиками», «уличной чернью»

(определение Ахеджаковой), «сбродом бомжей и террористов»¹⁹¹.

Бойня в Останкино стала пропагандистским козырем в руках президента, призванным оправдать расстрел Верховного Совета и окончательное подавление силовым методом массового сопротивления режиму Ельцина в Москве.

Утром 4 октября после долгих колебаний (кстати, и тут не обошлось без убийства рядового «Альфы» выстрелом из снайперской винтовки) на сторону президента перешли части подразделения «Альфа». Поддержка «Альфы» была крайне важна для президента в моральном плане. Как писал в своих воспоминаниях сам Ельцин, «информация о том, что «Альфа» отказалась выполнять приказ своих командиров, могла дойти до руководства парламента. Это значит, что там воспрянут духом, начнут с новой силой сопротивляться»¹⁹². Однако, продолжает Ельцин, «после того как бойцы «Альфы» узнали, что погиб их товарищ, никого уже не надо было уговаривать» и «почти вся команда пошла на освобождение Белого дома»¹⁹³. Точнее — на расстрел законно избранного парламента страны. Однако, расстрел здания парламента еще не означал окончания «малой гражданской войны».

По свидетельствам очевидцев, а также на основании данных исследований различных правозащитных центров (в т.ч. «Мемориал»), сразу после объявления комендантского часа и введения режима чрезвычайного положения в Москве (4—18 октября) были отмечены вопиющие факты массового нарушения прав гражданина и человека. Насильственные действия сотрудниками правоохранительных органов применялись как по отношению к участникам «обороны» парламента и членам различных общественно-политических организаций, принимавших участие в событиях 2—4 октября, так и к случайным прохожим, задержанным в районе Верховного Совета. Имеются показания, что большинство вышедших из Дома Советов (в том числе, сотрудники аппарата ВС, народные депутаты) были избиты сотрудниками милиции (ОМОН) и военнослужащими. Избиения происходили в подъездах домов по Краснопресненской набережной, где милиция скапливала людей, а также на других близлежащих улицах. Известны случаи нанесения достаточно серьезных травм. Как сообщается в расследовании, подготовленном обществом «Мемориал» по факту массовых нарушений прав

человека в условиях режима чрезвычайного положения, «большинство задержанных избивали, некоторых до потери сознания. Практически из всех показаний пострадавших и свидетелей следует, что избиения не были спровоцированы какими-либо попытками неподчинения задержанных приказам сотрудников правоохранительных органов»¹⁹⁴.

Особо следует подчеркнуть, что значительная часть задержанных была доставлена на ряд специальных объектов в Москве. Так, в частности, значительные группы сторонников оппозиции, а также часть народных депутатов, была доставлена на спортивный стадион в «Лужниках», где было организовано что-то вроде «концентрационного лагеря» по примеру того, что устроил после победы государственного переворота в Чили диктатор Пиночет. Еще одним наиболее известным местом массового заключения для участников восстания в Москве, стал стадион перед Домом Советов. Согласно имеющимся у нас свидетельствам очевидцев, подвергшихся задержаниям в те дни, на стадионах проходили массовые избиения, осуществлявшиеся сотрудниками ОМОНа с особой степенью жесткости.

Всего по различным данным, в период с 4 по 18 октября в Москве было «было задержано не менее шести тысяч семидесяти четырех человек». Из них — 38 народных депутатов всех уровней¹⁹⁵.

Открытым остается вопрос о количестве погибших в событиях 3—4 октября. Так по официальным данным, в событиях 3—4 октября (Смоленская площадь, Останкино, Дом Советов) погибло «всего» 147 человек. Однако неофициальные данные в значительной степени превышают указанную цифру. В частности, будущий президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов утверждал, что видел «днем 4 октября лишь на нижних этажах Дома Советов не менее 500 трупов». Кстати, о таком же числе жертв в 16.00 по московскому времени 4 октября сообщило CNN.

Очевидцы, находившиеся в здании до конца, свидетельствовали, что там погибло от 1000 до 1500 человек. Правозащитная организация «Мемориал» (доклад Е.В. Юрченко) собрала данные о гибели 829 человек¹⁹⁶. Подчеркнем, все эти сведения касаются исключительно территории Дома Советов. В этой связи, весьма показательно свидетельство депутата Грешневикова, который отмечает, что морги отказывались выдавать информацию о поступивших тру-

пах. «Лишь в морге Боткинской больницы... под честное слово, что я не назову фамилии работников, мне сказали правду. Трупы из Дома Советов были... Их вывозили в фургонах и в полиэтиленовых мешках. Сосчитать их было невозможно... Слишком много!! Конечно, об опознании трупов не могло быть и речи... Куда их увозят — никто не знает»¹⁹⁷. Косвенно эту информацию подтверждают врачи Спасательного центра Московской медицинской академии им. Сеченова, которые заявили, что «по распоряжению начальника Главного медицинского управления Москвы А.Н. Соловьева все медслужбы были обязаны передавать в органы милиции материалы об убитых и раненых с 21 сентября по 5 октября, эти данные засекречены. В целях сокрытия числа жертв, истории болезни переписывались, менялись даты поступления в морги, тела перевозились в морги других городов»¹⁹⁸.

По данным комиссии по расследованиям событий сентября-октября 1993 г., созданной впоследствии Государственной думой России, среди тех, кто погиб, защищая Конституцию, более 40% были студентами высших и средних специальных учебных заведений, университетов, учащимися средней школы. Более 45% имели высшее и среднее специальное образование. В их числе — кандидаты, доктора наук, старшие научные сотрудники¹⁹⁹.

ИТОГИ «ЧЕРНОГО ОКТЯБРЯ»

Расстрел Верховного Совета и насильственное подавление стихийного народного восстания в Москве поставили точку не только в краткой истории «советского российского парламентаризма»²⁰⁰. Фактически под предлогом борьбы с «консервативными» силами, оказавшимися в парламенте, президенту Ельцину удалось сломить нараставшее протестное движение общества, вызванное отторжением социально-экономического курса капитализации России.

По факту «массовых беспорядков в Москве» были арестованы наиболее влиятельные лидеры антипрезидентской оппозиции. В их числе, — В.И. Анпилов («Трудовая Россия»), И.В. Константинов (ФНС), С.Н. Терехов (Союз Офицеров), А.М. Макашов, А.П. Баркашов (РНЕ). Одновременно с этим, временному запрету подверглись возглавляемые ими организации, а также печатные издания (в том числе, газеты «Молния», «День», «Советская Россия», «Правда», и др.).

Многим из этих политических организаций (в частности, ФНС), впоследствии так и не удалось подняться.

Массовое недовольство, вызванное беззаконием в центре Москвы, было переведено в русло парламентских выборов декабря 1993 г. («выборы на крови»). Пользуясь запретом неугодных политических партий, на волне выборов в Государственную думу России поднялись представители «конструктивной» оппозиции, готовые сотрудничать с президентом. Так, часть голосов «красно-коричневого» электората перешла к партии Владимира Жириновского, демагогически использовавшего крайне агрессивную националистическую риторику, другая часть — «умеренным» оппозиционерам КПрФ Геннадия Зюганова. Примечательно, правда, что в ходе первых же «демократических» выборов, пропрезидентские силы (партия Гайдара) потерпели сокрушительное поражение, что впрочем, не помешало президенту продолжить осуществление либерального экономического курса.

Несмотря на то, что на протяжении всего последующего периода правления Ельцина, напряженность в обществе будет обостряться, социально-политическая борьба масс усилиями партий парламентской оппозиции будет постоянно переводиться в плоскость «цивилизованной», «конструктивной» электоральной борьбы, которая, в свою очередь, станет гарантией для правящего режима от повторения нового социального взрыва.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Движение социального протеста 1992—1993 гг. явилось следствием глубокого социально-экономического кризиса, переживаемого нашей страной в конце 80-х начале 90-х годов XX столетия. На формирование массового движения социального протеста оказал влияние целый ряд факторов.

Во-первых, слом привычной системы государственных и социально-экономических отношений в обществе (разрушение СССР и форсированный переход к системе рыночных частнособственнических отношений). Во-вторых, несбывшиеся ожидания значительной части населения, связанные с перестройкой общественно-политической системы СССР в конце 80-х начале 90-х гг. В-третьих, отторжение подавляющей массой населения курса либеральных реформ, проводившегося под непосредственным руководством президента Ельцина и приведшего страну на грань национальной катастрофы: ликвидация целых отраслей производства, массовая безработица и стремительная люмпенизация целых категорий общества (сотрудники НИИ, инженерно-технические рабочие, военнослужащие), резкое падение жизненного уровня и стремительная депопуляция населения. Именно эти обстоятельства стали мощным катализатором движения социального протеста, пробудившего и вовлекшего к участию в активной политической жизни самые широкие слои населения.

Необходимо подчеркнуть, что основой социальной базы сил ан-

тип президентской оппозиции (как коммунистической, так и «патриотической» ориентации), стали широкие слои населения, цели и интересы которых не были реализованы в ходе «перестройки» и «демократической революции» в России. Это обстоятельство непосредственно отразилось как на характере и целях широкого протестного движения, так и на методах их реализации.

Так, среди основных целей, которые преследовала «объединенная оппозиция», можно выделить: восстановление единства страны (причем нередко под этим подразумевалась если не полная реставрация СССР, то восстановления наиболее характерных для него черт как экономического, так и политического плана); социализация экономики (полное или частичное государственное регулирование системы экономических отношений); восстановление системы народовластия не через систему общественных и государственных институтов, характерных для западных демократий, а с учетом традиций собственного опыта народовластия, в первую очередь, советского «вечного» типа.

Все эти требования нашли отклик и поддержку в самых широких слоях населения, и в конечном итоге, привели к формированию уникального в своем роде тактического альянса сил радикальной коммунистической и патриотической оппозиции. Данный альянс, объединивший представителей как левой, так и патриотической ориентации, ставил своей целью совместную борьбу против прозападного курса социально-экономических реформ, символом которого стала фигура президента Ельцина.

Особо следует отметить, что, развиваясь одновременно с системными кризисом «демократического» режима, движение социального протеста представляло мощный самостоятельный фактор, оказавший важное влияние на события 1992—1993 годов. В этой связи необходимо выделить наиболее существенные, на наш взгляд, выводы, характерные для истории социального противостояния в России 1992—1993 гг.

Первое. Начало массовых выступлений протестного характера напрямую связано с организационным оформлением структур антиельцинской оппозиции, которая на всем протяжении 1992—1993 гг. эти выступления и возглавляла.

Формирование оппозиционных партий и движений происходи-

ло главным образом «снизу» и отражало не только динамику политической радикализации общества в ходе «шоковой терапии». По характеру своих основных требований оно отражало все «еще не истраченный энтузиазм и порыв к социальному творчеству широких слоев населения»²⁰¹, оставшийся от «эпохи перемен». Примечательно, что достаточно распространенными оставались требования восстановления системы государственной власти советского типа в противовес непопулярному Съезду народных депутатов России. Особенно это характерно для этапа, когда во главе оппозиционного движения шли представители радикальных коммунистических сил.

Второе. Принципиальной отличительной чертой оппозиционного движения начала 90-х являлся ее «уличный» характер. По мере того, как социальный кризис вовлекал в политическую борьбу все новые и новые категории граждан, «уличный» характер протестных выступлений приобретал серьезную угрозу для действовавшего политического режима и заставлял его принимать ответные меры: от разгона мирных митингов и демонстраций силами внутренних войск и ОМОНа, от физического давления на лидеров оппозиции, — до попыток создания «сверху» партий «конструктивной» оппозиции в пику «уличным оппозиционерам». Последнее ставило своей целью увести протестный потенциал «улицы» в русло «конструктивного диалога» с властью через участие в электоральной борьбе. Именно эта тенденция проявилась в результате «легализации» Коммунистической Партии Российской Федерации сразу после «процесса по делу КПСС» в Конституционном суде, и окончательно взяла верх после подавления народного восстания в Москве в октябре 1993 г.

Третье. Категория «улицы» являлась определяющей в период 1992—1993 г. Основными формами выражения противостояния власти и общества становятся массовые политические акции в форме митингов, шествий и демонстраций. По мере углубления кризиса, усиливается тенденция к проведению несанкционированных акций гражданского неповиновения, апогеем которого становится стихийное народное восстание в Москве в сентябре-октябре 1993 г. Причем, последнее совпало с острым «конституционным» кризисом власти, вызванным противостоянием президента Ельцина и руководства Верховного Совета РФ, что в значительной степени отразилось на характере событий сентября—октября 1993 г.

Жесткие и немотивированные акты насилия, примененные командой президента по отношению к защитникам Конституции в октябре 1993 г., ставили своей целью пресечение широкого протестного движения. Победа команды Ельцина в результате событий сентября-октября 1993 г. существенно подорвала протестный потенциал, сформировавшийся в период 1992—1993 гг. и, в конечном итоге, привела к ликвидации системы Советов и установлению режима личной президентской власти в России, характеризующегося последовательным курсом на «управляемую демократию» и усилением авторитарных начал государства²⁰².

Не будет преувеличением сказать, что отголосок ярких событий 1992—1993 гг. (в особенности эпизод, связанный с расстрелом парламента) будет сопровождать все последующие годы ельцинского правления, прочно укоренившись в политическом и правовом сознании народа. Потому не случайно, что в число основных обвинений, предъявленных комиссией Государственной думы по отрешению президента Б. Ельцина от должности в 1998—1999 гг., будут включены драматические события «черного октября» 1993 г.

Депутаты российского парламента квалифицировали действия Б. Ельцина и его ближайшего окружения, как государственный переворот, направленный на узурпацию высшей политической власти в стране. Из 450 депутатов Госдумы РФ 263 парламентария признали президента виновным в совершении указанного преступления, повлекшего за собой тяжкие преступления «против человечности, на которые не распространяются ни сроки давности, ни амнистия»²⁰³.

ПРИЛОЖЕНИЕ

***СЛОМ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ
1991—1993 гг.***

Важным элементом, повлиявшим на развитие социального кризиса в обществе в 1992—1993 гг., стал кризис государственной и общественно-политической системы власти в Российской Федерации, вызванный распадом СССР, ликвидацией руководящей роли КПСС и последовательной эволюцией государственности советского типа в русло буржуазного парламентаризма (ликвидация Советов, введение института президентства, и проч.).

Одной из главных особенностей, которая проявилась, на наш взгляд, в ходе нарастания социального кризиса в обществе, стала борьба двух противоположных тенденций развития «российской государственности», которая отразилась на характере социального противостояния 1992—1993 гг. По нашему мнению, необходимо говорить об острой борьбе демократических и авторитарных тенденций развития общества и, как следствие, стоящих за ними общественно-политических сил.

Следует отметить, что многочисленные исследования, посвященные кризису государственной власти 1992—1993 гг. (и особенно противостоянию между исполнительной и законодательной ее ветвя-

ми), продолжают находиться в плоскости исключительно «конфликта интересов», а зачастую — даже и личностей. В частности, в своих воспоминаниях и Б. Ельцин и Р. Хасбулатов также говорят исключительно о конфликте «верхов». Президент Ельцин видит основные причины кризиса в «узаконенной анархии», т.е. в одновременно двух центрах высшей государственной власти, закрепленных Конституцией — Съезде народных депутатов и институте президентства. Всю проблему функционирования государственных механизмов президент сводит к простой формуле: «В конце-концов все должно подчиняться какому-то одному, четко обозначенному принципу, закону, установлению. Грубо говоря, кто-то в стране должен быть главным. Вот и все»²⁰⁴. При этом вполне очевидно, что основную вину президент возлагает на Съезд народных депутатов, а в целом — на систему Советов, которую Россия унаследовала от эпохи социализма. «С одной стороны, — отмечает Ельцин, — президент, избранный народом, с другой — советы, составленные по партийным спискам... единой, непобедимой, могущественной КПСС»²⁰⁵.

Бывший председатель Верховного Совета России Руслан Хасбулатов в книге «Великая российская трагедия», а также в своих многочисленных трудах, предлагает рассматривать проблему острого социально-политического кризиса 1992—1993 гг. через призму «эволюции» государства в СССР. Тем более, что эта проблема неминуемо соприкасается с вопросом «о путях исторического развития России как естественном историческом процессе». Не поняв сущности этого процесса, по справедливому замечанию Хасбулатова, мы будем обречены стремиться «загнать» этот процесс в некие субъективные суждения, причем взятые из собственной головы, намереваясь “выпрямить” это развитие, сообразно своим представлениям»²⁰⁶.

Что ж, опасения Хасбулатова вполне оправданы, особенно если учесть, что сам Руслан Имранович, постоянно пытается, как он сам говорит, «загнать» объективный процесс развития советского, а затем и российского общества в рамки собственных субъективных суждений. Именно поэтому Хасбулатов прибегает к собственной, не всегда оправданной с теоретической точки зрения терминологии с целью обеления в глазах общественности «демократического» периода развития России с Верховным Советом во главе (с августа 1991 г. до сентября 1993 г.) в противовес периоду «авторитарному»

(переход к открытой, без Верховного Совета, системе президентского правления). При таком подходе, «демократический» Верховный Совет России (а заодно и его председатель) превращается в центральный субъект бурного общественно-политического процесса в российском государстве. При этом основную причину конфронтации бывший спикер видит исключительно в фигуре самого Ельцина. «Конфронтация, — пишет Р.Хасбулатов, — не была никак связана с Парламентом и его лидерами — она однозначно навязывалась Ельциным», который «приказал армии стереть с лица земли прекрасный дворец вместе с демократическим Парламентом»²⁰⁷. Естественно, что такой подход не отвечает реальному положению вещей.

По нашему мнению, необходимо говорить об особенностях эволюции, а точнее — трансформации общественно-политических институтов в СССР а затем и России, и ее влиянии на перманентный (непрерывный) процесс развития системы реального народовластия в нашей стране. Это обстоятельство тем более важно, что Российская Федерация, в том виде, в каком она существовала на момент провозглашения своего суверенитета (июнь 1990 г.), а затем и ликвидации СССР (декабрь 1991 г.), и в области государственных, и в области национальных отношений продолжала сохранять основные зримые черты государства советского типа.

Не секрет, что при всех исторических натяжках, дата 12 июня 1990 г. никак не может считаться днем создания «новой России», а уж тем более рождения «российской государственности». Исторически, Российская Федерация (*термин «Российская Федерация», прежде использовавшийся как сокращенное наименование Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, был закреплен за РСФСР в качестве официального названия государства президентским указом в апреле 1992 г.*) в том виде, в каком она существует по сей день, была учреждена сразу после Октябрьской социалистической революции 1917 г. в соответствии с ленинскими «Декларацией народов России» (1917 г.), а также «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (1918 г.). Последняя учредила РСФСР как республику Советов, вся полнота власти которым принадлежит в центре и на местах. Основой национально-государственного устройства провозглашалась социалистическая федера-

ция «свободного союза свободных наций». Советское государство, как государство нового типа, по мысли его основателя В.И. Ленина, должно было стать «*по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)»²⁰⁸. Пролетарская диктатура в форме Советской республики была призвана обеспечить скорейшее «водворение бесклассового социалистического общества» вплоть до отмирания государства как такового.

Вместе с тем, в отличие от стран Восточной Европы, где провозглашение режимов «народной демократии» государственной формой диктатуры пролетариата (по аналогии с СССР) зачастую носило преждевременный, декларативный характер, что, фактически, обеспечило молниеносный успех т.н. «бархатный революций» конца 80-х гг. XX века, система общественных отношений в СССР имела глубокие исторические корни. Государственные и общественные институты советского типа, при всей своей новизне, являлись закономерным развитием лучших традиций общинной, вечевой демократии, вызревавшей на протяжении тысячелетней истории России «снизу». Они вполне соответствовали коллективистскому характеру народов России. На этот существенный факт указывали в свое время даже открытые политические оппоненты большевизма. Бывший член Временного правительства России В.Н. Львов, объясняя происхождение новой власти в России, прямо говорил: «Совет есть осколок общинного управления и поэтому понятен народу...», «Советская власть есть национальная революционная власть, созданная самим русским народом». «Днем гибели России, — предупреждал Львов, — будет крушение Советской власти, так как никакая власть не в состоянии заменить ее. Россия будет ввержена в анархию»²⁰⁹.

Смеем утверждать, что демократия советского типа со всеми ее государственными институтами (и зачастую даже партийными), в большей степени отражала вековые чаяния народов России, а затем и СССР, нежели парламентарные институты государственной власти западного образца. Если придерживаться терминологии сторонников концепции «легитимации власти»²¹⁰, то можно говорить о том, что степень легитимности государственной системы власти в СССР была достаточно высокой. Это, кстати, касается также и Коммунистической партии Советского Союза, являвшей-

ся в соответствии с Конституцией 1977 г. «руководящей и направляющей силой советского общества»²¹¹. В подтверждении этого, можно привести интересный факт, к которому обращается политолог С. Кара-Муза. Одной из причин слабости оппозиции Горбачеву в Верховном Совете СССР, автор книги «Советская цивилизация» видит психологической неготовности депутатов встать в оппозицию партии: «Воспитанные в советской системе люди не могли перейти психологический барьер и открыто выступить против руководства КПСС»²¹².

К эпохе «перестройки» советское общество пришло с противоречивыми результатами. И следует признать, что новое политическое руководство во главе с М. Горбачевым уловило настроение масс, объявив курс на обновление общественно-политической системы в СССР под флагом социализма. На словах, в декларативном плане, «перестройка» вернула в широкий политический оборот такие термины, как «власть Советов», «самоуправление трудящихся», «ленинский социализм». Однако вся суть «конституционной реформы» в СССР по Горбачеву свелась фактически к последовательной ликвидации демократии советского типа (и без того деформированной в предшествующий период) и насаждению политических и государственных институтов западного парламентского образца.

Первым шагом на этом пути стало учреждение высшего законодательного органа страны — «Съезда народных депутатов». По форме, съезд представлял широкий представительный форму, напоминавший знаменитые ленинские Съезды Советов. Это дало даже основание некоторым исследователям провозгласить Съезд народных депутатов при Горбачеве высшим этапом развития советской демократии. На деле — учреждение этого органа, который справедливо именуют первым советским парламентом, означало фактический переход советской системы управления на позиции буржуазного парламентаризма. Это обстоятельство отражал даже принцип формирования Съезда. Конституция СССР с поправками 1988 г. и новый избирательный закон были гораздо менее демократическими по сравнению с конституциями 1936 и 1977 гг., а выборы народных депутатов не были вполне равными и прямыми. Впервые в истории советской государственности за рамками высшего органа власти страны, избранного в марте 1989 г., оказался «титультный класс»

СССР — рабочие и крестьяне. Подавляющее большинство членов «обновленного» Верховного Совета составили «ученые, журналисты и работники управления»²¹³.

Естественно, что при такой системе формирования, Съезд, довольно быстро превратился в дискуссионный клуб. Учрежденный следом за союзным парламентом — парламент РСФСР еще более напоминал «клуб по интересам» и походил, по определению народного депутата Сергея Бабурина, на «сборище нереализовавшихся доцентов». За жаркими дискуссиями со съезда следила вся страна. Однако очень скоро, стало очевидно, что Съезд, как, впрочем, и любой парламент, фактически ничего не решает. Общество устало от бесконечной «говорильни» народных депутатов потеряло к Съезду всякий интерес. И это вполне объяснимо. Дело в том, что между органами советской власти (система Советов) и системой буржуазного парламентаризма существовал непреодолимый барьер. Исторически Советы способствовали сближению государственного аппарата с многочисленными общественными объединениями, уничтожая тем самым «всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением». Именно поэтому, даже в годы стагнации общественно-политической системы в СССР в начале 80-х гг., массы населения, чувствовали свою сопричастность к политике государства и способность влиять на развитие общества посредством приобщения к деятельности советских общественных организаций (в том числе, через партию).

В отличие от Советов, парламенты — суть представительные учреждения, являются звеном бюрократической машины. «Парламент и законодательство, как правило, *подчинены* государственной власти. Они *организуют* отношение между народом и правительством и блокируют свободное проявление интересов, политической воли и разума граждан. Поэтому любое представительное учреждение — это политический театр, режиссером которого является бюрократия, а актерами и публикой — народ. В таком театре политические дискуссии становятся разновидностью богословских споров»²¹⁴. Более того, парламентарная модель управления фактически отсекает миллионные массы граждан от участия в деятельности государства и общества. Создается иллюзия, что «только служащие аппарата управления могут быть носителями политического и правового сознания»²¹⁵.

Отсюда факт чрезвычайно низкого количество представителей трудящихся среди депутатов Верховного Совета образца 1989 г. В последующем, и особенно в нынешней Государственной думе России, представительство трудящихся вообще сойдет на «нет».

Следующим важным шагом на пути демонтажа системы советской демократии стало введение института президентской власти в СССР в марте 1990 г. Как известно вопрос об учреждении «единоличного главы государства» поднимался в истории нашей страны и прежде. Так, еще во время обсуждения проекта Сталинской 1936 г. Конституции Союза ССР (предпосылки формирования парламентской системы проявились уже тогда), прозвучало предложение избирать Председателя Президиума Верховного Совета не Верховным Советом, а всем населением страны. Тогда делегатов Чрезвычайного VII Всесоюзного съезда Советов, рассматривавшего проект конституции, от исторической ошибки предостерег сам И.В. Сталин. В своем докладе «О проекте Конституции Союза ССР», он подчеркнул: «По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президентства, избираемого всем населением наравне с Верховным Советом и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный — это Президиум Верховного Совета. Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей»²¹⁶. Перед фактом *каких* «нежелательных случайностей» окажется общество в результате формирования института президентской власти в СССР (а затем и в России), наглядно продемонстрируют последующие события.

Введение института президентства в СССР мотивировалось его инициаторами (в первую очередь, председателем президиума Верховного Совета А.И. Лукьяновым) необходимостью «единоличной ответственности и единоличного распорядительства»²¹⁷ в принятии решений и осуществлении руководства. Ссылки на угрозу авторитаризма разработчиками и вдохновителями проекта всячески отвергались. Однако в реальности, созданный уже за пределами советского правового поля, институт президента в СССР обозначил окончательный разрыв со всякой коллегиальностью и подотчетностью в руководстве. Все руководящие функции перетекали в президентские структуры. Так, в соответствии с законом «Об учреждении поста Пре-

зидента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР» (март 1990 г.), президент становился Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР, в его компетенцию входило назначение и смещение военного командования, он представлял Верховному Совету и Съезду народных депутатов на утверждение и освобождение от должности председателя правительства СССР, Верховного суда, Генерального прокурора, председателя Высшего арбитражного суда СССР и персональный состав Комитета конституционного надзора СССР.. Вокруг президента формировались дополнительные, подчинявшиеся только ему структуры: президентский совет и совет безопасности.

Отныне Горбачев становился неподконтролен даже правящей партии. КПСС, вследствие ликвидации ее руководящей роли, отказом от принципов демократического централизма и переходом к «политическому плюрализму» и свободе мнений, оказалась фактически выведенной из игры. Введение президентства (как на союзном, так и на республиканском уровне) окончательно расшатало политический баланс сил и привело к обрушению всей политической системы в стране. Путь к открытому авторитаризму был расчищен. Местные политические и национальные элиты, окрепшие в эпоху «застоя», поспешили обзавестись собственными президентами, чтобы включиться в дележ «союзного пирога». Это обстоятельство окончательно развязало руки силам регионального сепаратизма в лице национальных элит. «Парад суверенитетов», приведший к распаду единого государства, стал необратимым. За спиной советских народов, высказавшихся за сохранение Союза ССР, президенты России, Украины и Белоруссии довершили ликвидацию союзного государства.

«Роспуск» СССР привел к дестабилизации ситуации и в самой России, еще вчера являвшейся «государствообразующей» союзной республикой и сохранившей в основах своего устройства государственные институты советского типа. Ликвидировав СССР под лозунгом лишения союзного «центра» властных полномочий и передачи всей полноты власти «на местах» региональным элитам, активно включившимся в дележ общесоюзной собственности, Ельцин «переключился» на Россию, сделав упор на предоставлении *федеративных* прав автономиям РСФСР под девизом «берите суверенитета, сколько про-

глотите!». Национальные образования в составе России — Татария, Башкирия, Калмыкия, Чечня... обзавелись собственным суверенитетом со всеми присущими атрибутами, и объявили о своей самостоятельной политике по отношению к руководящему центру. «Парад суверенитетов» с территории СССР грозил перекинуться и на Россию, угрожая бывшей советской федерации распадом. Непопулярные экономические и политические мероприятия «центра» только отдаляли от него регионы, усиливая тем самым процесс дальнейшей регионализации страны.

Однако имелась еще одно крайне важное обстоятельство, создававшее серьезную угрозу для осуществления политического и экономического курса, провозглашенного «центральным» российским президентом. Об этом говорит Лилия Шевцова: «самым серьезным источником будущих столкновений, которые вскоре начали расшатывать российскую власть изнутри, стало противоречие между коллегиальностью и персонификацией власти, между митинговым, вечерным характером советов, с одной стороны, и административно-авторитарным содержанием исполнительной власти — с другой. Сочетание президентства с советами, как показал уже горбачевский период, представляло собой смесь несовместимого...»²¹⁸

Как справедливо отмечает Шевцова, сочетание советов (даже после «конституционной реформы» 1989 г.) с президентством оказалось несовместимым. Конечно, у спикера российского парламента Хасбулатова были все основания считать российскую республику от августа 1991 г. до сентября 1993 г. (т.е. до разгона съезда народных депутатов), периодом «чистой» буржуазной демократии. Верховный Совет образца 1989 г. обладал широкими полномочиями, доставшимися от советской системы народовластия, и, не в пример сегодняшнему парламенту России, вполне мог строить свои независимые отношения с президентом страны. Напомним, что действия президента были подотчетны Съезду народных депутатов, который имел реальные возможности для отрешения главы государства от должности. Правительственные министры не могли быть утверждены в должности без одобрения Верховного Совета, который также обладал реальными механизмами их отстранения, вплоть до возбуждения судебного разбирательства.

Имелось еще несколько важных обстоятельств, которые сделали

противостояние между президентом и съездом народных депутатов, необратимым.

О первом чрезвычайно важном обстоятельстве говорит Дмитрий Rogozin: «Верховный Совет мог воспрепятствовать плану изъятия государственной собственности в пользу нарождавшейся олигархии... и устранить его можно было, только прибегнув к грубой физической силе». Что имеет в виду Rogozin? Дело в том, что парламент России стал неизбежным препятствием президенту в ходе развернувшейся в 1992-1993 гг. кампании по перераспределению общественной собственности. В этой капании президент и парламент отражали позиции противоположных интересов, а потому конфликт был неизбежен.

Далее. Верховный Совет становился серьезным препятствием на пути осуществления политики «радикальных» рыночных реформ, начатых командой президента Ельцина. Как точно замечает экономист А. Бузгалин, для продолжения политики «шока без терапии» президенту и его команде была необходима жесткая авторитарная власть, которая бы обеспечила правящей группе проведение политики реформ без сучка и задоринки²¹⁹.

Надо признать, что идея «твердой руки» для проведения рыночных реформ, появилась у «демократов» задолго до 1991 г. и разрабатывалась параллельно с «борьбой за демократизацию» советской системы и «общечеловеческие ценности».

Так, уже в 1989 г. в «Литературной газете» была опубликована дискуссия между Андраником Миграняном и Игорем Клямкиным под заголовком «Нужна ли «железная рука»?» Дискуссия вызвала общественный резонанс. В ней обосновывался вывод о том, что «сразу перепрыгнуть из тоталитаризма в демократию невозможно» и что «необходим переходный период в виде авторитаризма», в ходе которого можно будет решить «проблемы экономической реформы». Особо подчеркивалось, что целью демонтажа советской системы «должно быть не развитие демократии, а усиление власти лидера-реформатора». Тем более что демократизация общества, делали вывод авторы, «вовсе не способствует реформам»²²⁰. «Вот, допустим, реформатор выступает за введение рынка. Можно ли это сделать, опираясь на массы? Нет, конечно» — говорилось в статье. Вместе с тем, авторы статьи допускали демократию и в условиях «твердой руки», в том

виде, в каком будет необходимо выпускать пар недовольства у населения: «Авторитарный режим, хотя и концентрирует власть в одних руках, допускает размежевание и даже поляризацию сил и интересов. При этом не исключаются определенные элементы демократии — выборы, парламентская борьба. Правда, все это строго регламентируется²²¹». Думается, излишне комментировать, что после расстрела Верховного Совета в октябре 1993 г. именно эта модель будет реализована в ельцинской России.

В роли признанных апологетов идеи «твердой руки» и «просвещенной авторитарной власти» в России выступает также известный политолог и обозреватель «Российской газеты» Леонид Радзиховский (активно выступающий за авторитарную модель и сегодня) и идеолог «демократов» первой волны Гавриил Попов. Последний сразу же после окончательной «десоветизации» общества и перехода к экономике «цивилизованного» свободного рынка предлагал воздержаться от «суеты» с парламентом свободой прессой и многопартийностью (под этим знаменем шли к власти «демократы первой волны»), и приступить к поиску «какого-то особого типа политического устройства» в виде «жесткого административного контроля сверху» и даже называл конкретные примеры: Греции, Чили, Южной Кореи²²² ...

Надо ли говорить, что в этих условиях Верховный Совет и Съезд народных депутатов (который во главе со своим председателем Русланом Хасбулатовым выступал, как мы знаем, за вариант более «мягких», социально ориентированных, реформ) превращался в мощный индикатор растущего в обществе недовольства. В этом плане, эволюция позиции большинства депутатов ВС РФ, произошедшая по отношению к президенту и правительству в 1992—1993 гг. вполне показательна и закономерна.

Таким образом, имелось решающее обстоятельство, толкавшее президентскую власть к силовому разгону советов всех уровней на территории России. Об этом точно говорят авторы монографии, посвященной судьбам местного самоуправления в России, Ю.С. Кукушкин и Н.С. Тимофеев. Они подчеркивают, что советы всех уровней (особенно местные) «своим демократическим потенциалом, коллегияльностью принятия решений, массовостью, широким участием граждан в их деятельности» представляли существенное препят-

стве для реализации политики центра и становились помехой на пути «поспешных революционных преобразований» начала 90-х. Фактически, отмечают авторы монографии, «концепция (идея) советского варианта самоуправления» не могла вписаться и вступила в противоречие в «реализуемую политику утверждения концепций, в основе которых — отчуждение граждан от всех форм участия в социально-экономических преобразованиях», и, прежде всего, от реального участия в деле управления государством²²³. Прямым результатом такой политики стали кровавые события сентября—октября 1993 г., спровоцированные силовой акцией группы президента Б. Ельцина по отмене действовавшей Конституции и расстрелу законно избранного парламента страны вместе с его безоружными защитниками. Действия последних отражали ярко выраженную демократическую тенденцию общества, а само московское восстание носило демократический характер.

В этой связи более чем несправедливыми и ошибочными выглядят оценки, данные произошедшим событиям в Москве, председателем расстрелянного парламента Р. Хасбулатовым. Последний представляет события 1992—1993 гг., апогеем которых стало народное восстание в Москве, как «схватку богов на государственном Олимпе»²²⁴. Он прямо заявляет о том, «раскололось не общество, на две части распалось государство, не гражданин пошел на гражданина, а власть одного русского государства объявила войну власти другого»²²⁵. Отсюда — явное стремление бывшего спикера очистить конфликт «внутри системы» от примеси «пугачевщины» и «русского бунта» и низвести подлинных защитников Конституции и закона, павших во время кровопролития в Москве, до категории «снующих среди вооруженных людей любопытствующих гражданских лиц, которые попали под обстрел у «Останкино»» и в «Белом доме»²²⁶.

Вполне закономерно, что именно события сентября—октября 1993 г., завершившиеся победой группы президента Ельцина, привели к формированию в России президентской республики. При этом становление и развитие «президентской вертикали» происходило за счет существенного умаления демократических тенденций в обществе, способствовало усилению авторитарных начал государства, и даже по запоздалому признанию апологетов либеральных

ПРИЛОЖЕНИЕ

реформ начала 90-х, возвращало Россию «назад, к нравам досоветского патримониализма»²²⁷.

Двадцатилетие ликвидации СССР и опыта построения его бывшими республиками собственной суверенной государственности вновь поднимают перед Россией (равно как и перед всеми народами постсоветского пространства), вопрос о путях и способах интеграции бывших советских республик в современных условиях. Особую значимость приобретает вопрос о роли и месте в этих процессах Российской Федерации. Способна ли Россия предложить действенную идею интеграции, привлекательную для всех народов бывшего СССР, а главное, способную уберечь саму Россию от дальнейшей «балканизации»²²⁸?

Однозначного и сиюминутного ответа на этот вопрос мы сегодня явно не получим. Интеграция во всемирный рынок и сотрудничество с республиками «ближнего зарубежья» на «конкурентной основе», на которое то и дело ссылаются российский президент Д. Медведев и премьер В. Путин, явно не спасут. Впору вспомнить слова известного апологета западного мира Людвиг фон Мизеса. Он прямо говорил о том, что между двумя общественно-политическими системами, сложившимися в мире после второй мировой войны, «не может быть никакого компромисса». «Граждане, — говорил Мизес, — должны сделать выбор между капитализмом и социализмом или, как говорят многие американцы, между “американским” и “русским” образом жизни»²²⁹. Очевидно одно: сохранить целостность самой Российской Федерации — значит как минимум извлечь уроки из трагического опыта гибели СССР и его общественно-политической системы, вследствие навязывания обществу ложных «социальных проектов» извне без учета социально-опыта и национальных традиций собственного народа.

Станислав РУЗАНОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М., 1994. С. 134.

² *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М., 1994. С. 256.

³ *Хасбулатов Р.И.* Указ соч. С. 135.

⁴ *Ельцин Б.Н.* Указ соч. С. 14.

⁵ *Хасбулатов Р.И.* Указ соч. С.135.

⁶ Там же. С. 135.

⁷ *Рубби А.* Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России. М., 2004. С.194.

⁸ *Мороз О.* Хроника либеральной революции. М., 2005. С. 5.

⁹ *Рубби А.* Указ соч. С.8.

¹⁰ *Путин В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации.// Российская газета. Федеральный выпуск №4063 от 11 мая 2006 г.

¹¹ *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Кровавый октябрь в Москве. Хроника, свидетельства, анализ событий. М., 1994. С.4.

¹² Московский апокалипсис. Материалы парламентских слушаний. М., 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹³ Нарушения прав человека в ходе осуществления режима чрезвычайного положения в Москве в период с середины дня 4 октября до 18 октября 1993 г.

¹⁴ Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 30. М., 1993.

¹⁵ Кровавый май. Очевидцы рассказывают. М., 1993.

¹⁶ *Илюхин В.И.* Доклад в Государственной Думе по вопросу отрешения от должности президента РФ Б.Н.Ельцина (изложение). // Завтра N19 (284) от 11.05.99 г.

¹⁷ Москва. Осень-93. Хроника противостояния. М., 1995 г.

¹⁸ *Верховский А., Панин А., Прибыловский В.* Политический экстремизм в России. М., 1996.

¹⁹ Россия—2000. Современная политическая история (1985—1999). Т.1: Хроника и аналитика. Т.2: Лица России. М., 2000.

²⁰ Площадь Свободной России. Сборник свидетельств о сентябрьских-октябрьских днях 1993 года в столице России. М., 1994.

²¹ *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М., 1994.

²² *Коржаков А.В.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997.

²³ *Костиков В.* Роман с президентом М., 1997.

²⁴ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002.

²⁵ *Анпилов В.И.* Постигание свободы. М., 2008.

²⁶ *Анпилов В.И.* Поднять живых. М., 2005.

²⁷ *Макашов А.М.* Знамени и присяге не изменил! М., 2006.

²⁸ *Лимонов Э.* Убийство часового (Дневник гражданина). М., 2002.

²⁹ *Лимонов Э.* Лимонов против Жириновского. М., 1994.

³⁰ *Лимонов Э.* Моя политическая биография. М., 2002.

³¹ *Лимонов Э.* Анатомия Героя. М., 1998.

³² *Власов Ю.П.* 93-й. Год великого поражения. М., 2006.

- ³³ *Грешневиков А.* Расстрелянный парламент. Рыбинск., 1995.
- ³⁴ *Хорев Б.* Итоги двух лет «курса реформ»: демографическая трагедия России. М., 1994.
- ³⁵ Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. М., 1997.
- ³⁶ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999.
- ³⁷ *Рубби А.* Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России. М., 2004.
- ³⁸ *Мороз О.* Хроника либеральной революции. М., 2005.
- ³⁹ *Чарный С.* Тайны октября 1993. М., 2004.
- ⁴⁰ Октябрь 1993. Хроника переворота. М., 1994.
- ⁴¹ *Назаров М.* Тайна России. Российско-американская совместная революция. Москва-Мюнхен, ноябрь 1993 г. — январь 1994 г.
- ⁴² *Иванов И.* Анафема. Хроника государственного переворота (записки разведчика). М., 1994 .
- ⁴³ *Никитин Н.* МВД в лицах. Министры внутренних дел России (1991—1998 г.). Биографические очерки. М., 1998.
- ⁴⁴ *Сафронов В.В.* Потенциал протеста и демократическая перспектива //Журнал социологии и социальной антропологии. 1998.
- ⁴⁵ *Бызов Л.* Перестройка XX лет спустя. Когда окончится перестройка? //www.kreml.org.
- ⁴⁶ *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005.
- ⁴⁷ *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Книга 1, 2.
- ⁴⁸ *Лукьянов А.* Переворот мнимый и настоящий. М., 1993.
- ⁴⁹ *Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С.* Самоуправление крестьян в России (XIX — начало XXI в.). М., 2004.
- ⁵⁰ История государства и права России. М., 2001.
- ⁵¹ Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. М., 1997. С. 13—14.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁵² Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. М., 1997. С. 13 — 14.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Россия—2000. Современная политическая история (1985—1999). Т.1. Хроника и аналитика. М., 2000. С. 154.

⁵⁵ *Глазьев С.Ю.* Геноцид. М., 2003. С. 5.

⁵⁶ *Илюхин В.И.* Доклад в Государственной Думе по вопросу отрешения от должности президента РФ Б.Н.Ельцина.

⁵⁷ Цит. по: *Рубби А.* Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России. М., 2004. С. 159.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Хорев Б.* Указ. соч.С.10.

⁶⁰ *Хорев Б.* Указ. соч.С.10.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С.8.

⁶³ Цит. по: *Рубби А.* Указ. соч. С.163.

⁶⁴ *Хасбулатов Р.И.* IV Республика: от недогосударства Ельцина — к государству Путина. Книга 1. «Рыхление» Советской исперии — СССР. М.,2009. С.13.

⁶⁵ *Мороз О.* Хроника либеральной революции. М., 2005. С.5.

⁶⁶ *Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса». М., 1996. С. 207.

⁶⁷ *Попцов О.* Указ. соч. С. 207.

⁶⁸ Октябрь 1993. Хроника переворота. М., 1994.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ *Анпилов. В.И.* Наша борьба. М., 2002. С. 67.

⁷¹ *Анпилов. В.И.* Постижение свободы. М., 2008. С.176.

⁷² *Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Лапцов С.А.* Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М., 1995. С.113.

⁷³ *Верховский А., Палп А., Прибыловский В.* Политический

экстремизм в России. М., 1996. С.210.

⁷⁴ *Личутин В.В.* Сны бессловесных. Опыты психоанализа. М., 2007. С. 267.

⁷⁵ *Мороз О.* Указ. соч. С.49.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Попцов О.* Указ. соч. С. 7-8.

⁷⁸ Молния № 30 январь 1992.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Мороз О.* Указ. соч. С.37.

⁸² Там же. С. 37.

⁸³ Антивоенный синдром или преданная армия?.. М., 1990. С.47.

⁸⁴ Россия—2000. Современная политическая история (1985—1999). Т.1: Хроника и аналитика. М., 2000. С. 154.

⁸⁵ *Лимонов Э.* Убийство часового (Дневник гражданина). М., 2002. С.64.

⁸⁶ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.75-76.

⁸⁷ Там же. С.76.

⁸⁸ *Лимонов Э.* Убийство часового (Дневник гражданина). М., 2002. С.66.

⁸⁹ Там же. С.67.

⁹⁰ Там же. С.69.

⁹¹ *Журба Н.С.* Жизнь замечательных россиян. Виктор Анпилов. М., 1992. С. 3.

⁹² *Лимонов Э.* Убийство часового (Дневник гражданина). М., 2002. С.69.

⁹³ Там же. С.69.

⁹⁴ *Лимонов Э.* Убийство часового (Дневник гражданина). М., 2002. С.74.

⁹⁵ Там же. С.82.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁹⁶ *Лимонов Э.* Убийство часового (Дневник гражданина). М., 2002. С.82.
- ⁹⁷ Там же. С.77—78.
- ⁹⁸ *Лимонов Э.* Лимонов против Жириновского. М., 1994. С. 53.
- ⁹⁹ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.97.
- ¹⁰⁰ Запрещенный съезд или Съезд при свечах. М., 1992.
- ¹⁰¹ Мороз О. «Хроника либеральной революции», М., 2005. С.53.
- ¹⁰² Молния № 33 апрель 1992.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 30. М., 1993. С.5.
- ¹⁰⁶ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.87.
- ¹⁰⁷ Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 30. М., 1993. С.6.
- ¹⁰⁸ *Краснов В.Н.* Система многопартийности в современной России (Очерк истории). М., 1995. С. 77.
- ¹⁰⁹ Молния № 27 ноябрь 1991.
- ¹¹⁰ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.109.
- ¹¹¹ *Мороз О.* Указ. соч. С.106.
- ¹¹² *Ельцин Б.Н.* Указ соч. С. 256.
- ¹¹³ *Мороз О.* Указ. соч. С.108.
- ¹¹⁴ Там же. С.108.
- ¹¹⁵ Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Указ. соч. С.210.
- ¹¹⁶ *Лимонов Э.* Лимонов против Жириновского. М., 1994. С. 66.
- ¹¹⁷ *Мороз О.* Указ. соч. С.107.
- ¹¹⁸ Россия—2000. Современная политическая история

(1985—1999). Т.1: Хроника и аналитика. М., 2000. С.187.

¹¹⁹Краснов В.Н. Указ. соч. С. 309.

¹²⁰Московский комсомолец от 31.07.2001.

¹²¹Чарный С. «Тайны октября 1993». М., 2004. С. 22.

¹²²Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997.

¹²³Назаров М. Тайна России. Российско-американская совместная революция. Москва—Мюнхен, ноябрь 1993 г. — январь 1994 г. С. 23.

¹²⁴Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 30. М., 1993. С. 5.

¹²⁵Кровавый май. Очевидцы рассказывают. М., 1993. С.42.

¹²⁶Кровавый май. Очевидцы рассказывают. М., 1993. С. 42.

¹²⁷Там же. С. 40.

¹²⁸Там же.

¹²⁹Кровавый май. Очевидцы рассказывают. М., 1993. С. 44.

¹³⁰Там же. С.5.

¹³¹Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 30. М., 1993.; Кровавый май. Очевидцы рассказывают. М., 1993.

¹³²Кровавый май. Очевидцы рассказывают. М., 1993. С. 5.

¹³³Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 30. М., 1993. С. 14.

¹³⁴Шестая сессия Верховного Совета Российской Федерации. Бюллетень № 30. М., 1993. С. 31.

¹³⁵Там же.

¹³⁶Аргументы и Факты № 18 май 1993 г. С.3.

¹³⁷Российская газета № 84 май 1993 г.

¹³⁸Кровавый май. Очевидцы рассказывают. М., 1993. С. 6.

¹³⁹Аргументы и Факты № 18 май 1993 г. С. 2.

¹⁴⁰Аргументы и Факты № 19 май 1993 г. С.1—2.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹⁴¹ День № 18 от 9—15 мая 1993 г.
- ¹⁴² Аргументы и Факты № 19 май 1993 г.
- ¹⁴³ АиФ Москва № 41 (587) от 13 октября 2004 г.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ См.: Москва. Осень-93. Хроника противостояния. М., 1995 г.
- ¹⁴⁶ Всеобщая декларация прав человека. М., 2005. С. 5.
- ¹⁴⁷ Москва. Осень-93. Хроника противостояния. М., 1995. С. 7.
- ¹⁴⁸ Площадь Свободной России. Сборник свидетельств о сентябрьских-октябрьских днях 1993 года в столице России. С.5.
- ¹⁴⁹ *Назаров М.* Указ. соч. С.19.
- ¹⁵⁰ Площадь Свободной России. Сборник свидетельств о сентябрьских-октябрьских днях 1993 года в столице России. С.94.
- ¹⁵¹ Октябрь 1993. Хроника переворота. М., 1995. С.185.
- ¹⁵² Цит. по: *Бузгалин А.В. Колганов А.И.*. Указ. соч. С.179—190.
- ¹⁵³ *Мороз О.* Указ. соч. С.602.
- ¹⁵⁴ *Макашов А.М.* Указ. соч. С. 156.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.131.
- ¹⁵⁷ Площадь Свободной России. Сборник свидетельств о сентябрьских-октябрьских днях 1993 года в столице России. С. 241.
- ¹⁵⁸ Бузгалин А.В. Колганов А.И. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁵⁹ Грешневиков А. Расстрелянный парламент. Рыбинск, 1995. С. 118.
- ¹⁶⁰ *Чарный С.* Указ. соч. С. 95.
- ¹⁶¹ *Бузгалин А.В. Колганов А.И.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁶² *Зиновьев А.* Гибель русского коммунизма. М., 1994. С. 136.

- ¹⁶³ *Макашов А.М.* Указ. соч. С. 157.
- ¹⁶⁴ Там же. С.148.
- ¹⁶⁵ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.117.
- ¹⁶⁶ *Макашов А.М.* Указ. соч. С. 141.
- ¹⁶⁷ *Чарный С.* Указ. соч. С. 70.
- ¹⁶⁸ *Анпилов В.И.* Поднять живых. М., 2005. С. 473.
- ¹⁶⁹ См.: Октябрь 1993. Хроника переворота. М., 1995.
- ¹⁷⁰ *Макашов А.М.* Указ. соч. С. 155.
- ¹⁷¹ *Назаров М.* Указ. соч. С. 112.
- ¹⁷² <http://www.echo.msk.ru/programs/niceninety/499231-echo/>
- ¹⁷³ *Москва. Осень-93.* Хроника противостояния. М., 1995.С.79.
- ¹⁷⁴ *Чарный С.* Указ. соч. С.74.
- ¹⁷⁵ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.122.
- ¹⁷⁶ Московский комсомолец от 2.10.2003. //www.mk.ru
- ¹⁷⁷ Октябрь 1993. Хроника переворота. М., 1995. С. 200.
- ¹⁷⁸ *Чарный С.* Указ. соч. С.78.
- ¹⁷⁹ *Чарный С.* Указ. соч. С. 82.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 82.
- ¹⁸¹ Там же. С.83.
- ¹⁸² *Лимонов Э.* Анатомия Героя. М., 1998. С.106-107.
- ¹⁸³ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.133.
- ¹⁸⁴ *Анпилов В.И.* Наша борьба. М., 2002. С.133.
- ¹⁸⁵ Завтра № 33 1995.
- ¹⁸⁶ Совершенно секретно № 9 1998.
- ¹⁸⁷ Совершенно секретно № 9 1998.
- ¹⁸⁸ Там же.
- ¹⁸⁹ Совершенно секретно № 9 1998.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ См.: Московский апокалипсис. Материалы парламентс-

ПРИМЕЧАНИЯ

ких слушаний. М., 1996.

¹⁹² *Ельцин Б.Н.* Указ. Соч. С.11.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Нарушения прав человека в ходе осуществления режима чрезвычайного положения в Москве в период с середины дня 4 октября до 18 октября 1993 г.// http://1993.sovnarkom.ru/TEXT/STATYI/memorial_okt93.htm.

¹⁹⁵ Известия от 8.10.93// http://1993.sovnarkom.ru/TEXT/STATYI/comru01_n5_13.htm.

¹⁹⁶ *Грешневилов А.* Указ. соч. С. 267.

¹⁹⁷ *Грешневилов А.* Указ. соч. С. 267.

¹⁹⁸ *Руцкой А.В.* О нас и о себе. М. 1995. С. 343-346; *Назаров М.* Указ. соч.

¹⁹⁹ Московский апокалипсис. Материалы парламентских слушаний. М., 1996. С. 24.

²⁰⁰ Октябрь 1993. Хроника переворота. М., 1995. С. 29.

²⁰¹ *Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С.* Указ. соч. С. 102.

²⁰² См. *Чарный С.* Тайны октября 1993. М., 2004; *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999.

²⁰³ *Илюхин В.И.* Доклад в Государственной Думе по вопросу отрешения от должности президента РФ Б.Н.Ельцина.

²⁰⁴ *Ельцин Б.Н.* Указ. соч. С. 14.

²⁰⁵ *Ельцин Б.Н.* Там же.

²⁰⁶ *Хасбулатов Р.И.* Указ. соч. С. 134.

²⁰⁷ *Хасбулатов Р.И.* Указ соч. С. 135.

²⁰⁸ *В.И.Ленин.* ПСС, т.33, с.35.

²⁰⁹ Цит. по: *Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С.* Указ. соч. С. 47.

²¹⁰ См. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Книга 2.; *Сафронов В.В.* Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.1. 1998.; *Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Лапцов С.А.* Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М., 1995.

- ²¹¹ Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978, стр.7
- ²¹² *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Книга 2.
- ²¹³ История государства и права России. М., 2001. С.498.
- ²¹⁴ *Макаренко В.П.* Бюрократия и сталинизм. М., 1989. С.21.
- ²¹⁵ *Макаренко В.П.* Указ. соч.С. 21.
- ²¹⁶ *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 531.
- ²¹⁷ «Советская Россия», 13 марта 1990.
- ²¹⁸ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999.
- ²¹⁹ *Бузгалин А.В. Колганов А.И.* Кровавый октябрь в Москве. Хроника, свидетельства, анализ событий. М., 1994. С.24—30.
- ²²⁰ Литературная газета. 16.08.1987.
- ²²¹ Литературная газета. 16.08.1987.
- ²²² Известия. 3.10.1991.
- ²²³ *Кукушкин Ю.С., Тимофеев Н.С.* Указ. соч. С. 100.
- ²²⁴ *Хасбулатов Р.И.* Указ. соч. С.135.
- ²²⁵ Там же.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999.
- ²²⁸ *Полторанин М.Н.* Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М., 2011. С.107.
- ²²⁹ *Мизес Людвиг фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993. С.15—16.

Станислав РУЗАНОВ
1991—1993. ИСТОРИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В РОССИИ
*Краткий курс истории социального противостояния
в ходе реформ в Российской Федерации —
от разрушения СССР
до расстрела «советского парламентаризма»*